

шоколадное
шоколадное
шоколадное

2009
Вып. 4
октябрь

«...Я не совсем согласен с Вами относительно тех благ, которые принесет с собой капитализм России, можно даже сказать больше, я и вообще-то **не сторонник коммунизма** — этого **последнего слова капитализма**... но это уже область веры и симпатий — социология еще слишком мало научно обоснована для того, чтобы можно было говорить о научной объективности, да и элемент субъективного не может быть исключен при рассмотрении и исследовании этой области». (1897)

Виктор Костюрин

Издатель прощается со своим читателем. Обещанный практически год назад номер вытанцевался. Этому все время мешали какие-то привходящие обстоятельства.

С женитьбой Юры Зотина последний бастион, за которым пряталось это издание, рухнул.

Чуть ранее отошел от журнальных дел еще один постоянный наш автор Стас Белов. О том, как мы простились, надо писать поэму, четырехстопным ямбом. Но и этот ритм вряд ли поможет передать возникшие при этом эмоции у каждого из нас.

Подводя черту своей краеведческой деятельности, хочется поблагодарить читателя, что он все-таки был. Помогал поддерживать совсем мизерный тираж, который все-таки удовлетворял некоторые низменные амбиции издателя.

*Ю. Мандрика,
в последний раз редактор стенной газеты
«Лук & Чок»*

AM

Издается с апреля 2008 г.

Периодичность — по мере накопления материала

Учредитель

Ю. Мандрика

Издатель

ООО «Издательство

Юрия Мандрики»

№4

Главный редактор

Ю. Мандрика

Адрес редакции

(для переписки):

625003, г. Тюмень, ул. Республики, 10/2/

Тел. (8) 922-48-369-48

e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

Подписано в печать 17.11.2010.

Формат 84x108/32.

Гарнитура «PeterburgС».

Трафаретная печать.

Бумага офсетная 80 г/м².

Усл.-печ. 12,18.

Уч.-изд. 10,2.

Тираж 100. Заказ № 23.

Корректор М. Кремлева

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов

в «ППШ»

паноптикум

Путешествие Эдмона Котто из Екатеринбурга в Тюмень

(27–30 мая 1881 г.)*

Отъезд из Екатеринбурга — Первое путешествие на тарантасе — Западная Сибирь — Тюмень — Гостиница Соловьева — Вечер в клубе и обед по-сибирски.

В 1861 году в России насчитывалось не более двухсот километров железных дорог; шестнадцать лет спустя в эксплуатацию было пущено уже 20 тысяч километров, но со времен последней турецкой войны и в эпоху террора, развязанного нигилистами, объем этих работ весьма сократился. Новых дорог в России сейчас не строят: стремятся лишь завершить те, что были начаты ранее. Однако несомненно, что дорога между Екатеринбургом и Тюменью, головным городом сибирской навигации, имела бы величайшее значение: это необходимое продолжение Пермской железной дороги представляется совершенно закономерным; ведь таким образом было бы налажено прямое сообщение между бассейнами Волги и Оби. Строительство этой дороги обойдется не слишком дорого и не составит особых трудностей. Изыскания давно проведены; протяженность пути не превысит 320 километров; местность повсюду ровная, реки, которые предстоит пересечь, незначительны. С другой стороны, можно с уверенностью утверждать, что движение здесь будет весьма оживленным: ведь маршрутом этим постоянно пользуются купеческие караваны на своем пути в Китай и Центральную Сибирь. Очевидно, что когда обстоятельства позволят Рос-

* Перевод 5 главы книги Котто «Из Парижа в Японию». Cotteau E. De Paris au Japon a travers la Sibirie. Voyage exécuté du 6 mai au 7 aout 1881. Librairie Hachette, 1888. P. 95–115.

сии вновь обратиться к строительству больших железных дорог, эта дорога будет одной из первых, какие будут построены.

Близок ли этот день, или далек, но куда еще он не наступил, и, для того, чтобы продолжить свой путь, приходится мне подбирать для себя новый способ передвижения. До сих самых пор ехал я с помощью пара. 5390 километров отделяют меня теперь от Парижа: из них 3940 проехал я по железной дороге, и 1990 пароходом. Ныне же вынужден я отправиться в путь на почтовых.

В Сибири нет дилижансов¹. Правительство содержит на основных трактах станционных смотрителей, которым вменяется в обязанность снабжать путешествующих лошадьми. Прежде всего вы должны получить в полиции подорожную, уплатив за нее сумму, пропорциональную расстоянию. Документ этот надлежит хранить как зеницу ока, ибо он предъявляется на каждой станции. Ехать в одной и той же повозке могут сразу несколько лиц, достаточно лигь одному из них предъявить подорожную. В случае, когда не имеется собственного экипажа, вам на любой станции предложат *перекладные*, т.е. безрессорные небольшие повозки. Расстояние между станциями — 20, 25 или 30 верст. Лошади оплачиваются, как правило, по довольно умеренному тарифу: сумма эта не зависит от числа путешественников, сидящих в повозке.

Тому, кто прибыл только что из Европы и еще не знаком с ездой на русских почтовых, путешествие из Екатеринбурга в Тюмень (310 верст, или 331 километр) представляется предприятием довольно серьезным. Однако для сибиряка, с детства привыкшего покрывать в один присест огромные расстояния, оно не более чем пустяк; тем более что путь этот весьма оживленный, а смотрители станционные, сдающие лошадей внаем, прямо заинтересованы в том, чтобы число их превосходило административно установленную норму. Вероятность, что вы их не получите, крайне мала: а уж если добавить несколько рублей сверху, то, будьте уверены, на всем протяжении пути, на каждой станции, будет вас ждать наготове экипаж с запряженными лошадьми.

¹ Il n'existe pas de voitures publiques en Sibérie. Котто имеет в виду, что путешествующий должен иметь свой собственный экипаж либо ехать на перекладных, меняя их на каждой станции.

Все эти полезные сведения сообщает мне г-н Клер, провожая меня на станцию. Там ошн ий *smotritel*, в свою очередь, рассказывает нам об одном путешественнике, который готовится к скорому отъезду и, как здесь принято, разыскивает себе попутчика. По

Сибирский тарантас.

Иллюстрация из книги Котто «Из Парижа в Японию» (Paris, Hachette, 1888)

счастливному совпадению, путешественник этот остановился в одной со мною гостинице. Не теряя ни минуты, я возвращаюсь туда, чтобы ему представиться, и с радостью узнаю в нем г-на Майера, инспектора страховой компании из Санкт-Петербурга, с которым уже имел честь познакомиться несколькими днями ранее в Перми у г-на де Ришмона. Г-н Майер немец по национальности, но родился в Одессе, и с одинаковой легкостью владеет обоими языками, и русским, и немецким; более же всего обрадован я тому, что он довольно ловко изъясняется по-французски. Г-н Майер согласен стать моим попутчиком, и мы назначаем отъезд на восемь часов вечера. Решительно, в начале моего путешествия по Сибири мне по-настоящему повезло!

Глядя на множество разнокалиберных сундуков, корзин и саквояжей, занимающих немалую часть его комнаты, на разные меха, ковры, подушки и веревки, невольно я задаюсь вопросом о том, что за экипаж способен будет вместить все это. Слава богу, что у меня самого вещей немного: весь мой багаж — баул средней величины, чемодан, маленькая сумка, подушка да одеяло. Мой будущий попутчик успокаивает меня, уверяя, что не только все поместится, но и сами мы поедем с комфортом. И все же я с нетерпением ожидаю увидеть пресловутый экипаж, способный к такому чуду.

Наконец, незадолго до нашего отправления, тарантас, который г-н Майер нанял на станции для поездки в Тюмень, прибывает к гостинице. Мы приступаем к нелегкому делу погрузки. Исполняя любопытства, обзираю я необыкновенную повозку. Сибирский экипаж, именуемый тарантасом, представляет собой тележку о четырех колесах, увенчанную кузовом, куда помещаются и багаж и пассажиры; рессор нет и в помине; по верх шести или восьми деревянных цилиндрических жердей, гибких и длинных, расположен сразу же кузов. Все это сооружение покоится на двух осях; чем больше меж ними расстояние, тем коляска удобнее. У хороших тарантасов оно не менее, чем три метра. Сидений нет; вместо этого ваши вещи располагаются на дне повозки наиболее удобным для вас образом: днем вы на них сидите, а ночью спите, пустоты заполняются соломой, и все застилается сверху овчинами, подушками и одеялами. Кучер на своем жестком месте сидит впереди; при особой нужде, можно посадить кого-нибудь с ним рядом. По желанию поднимается и опускается кожаный верх, с передней стороны есть защитный кожаный фартук; от непогоды можно укрыться за плотными занавесками.

Г-н Клер содействует нам в последних приготовлениях к отъезду. Прежде нашего расставания он вручает мне письмо для своего друга, д-ра Фритше, директора Пекинской обсерватории². Я пожимаю его руку, исполняя благодарности за целый день, посвященный моей особе. Лошади наши пускаются в галоп. Шея той из них, что запряжена в центре, увенчана дугой с привешанными колокольцами, которые весело звенят³. Нас только двое, а тарантас наш способен вместить и трех путешественников; багаж, благодаря умелому руководству моего компаньона, размещен удобно и правильно, словом, все оказалось лучше, нежели я рассчитывал. Прежде я выслушал столько плохого о сибирском транспорте, что теперь удивляюсь тому, как ловко все устрои-

² Директор Пекинской обсерватории Герман Александрович Фритше (Hermann Fritsche, 1839–1913).

³ Колокольчики необходимы им для того, чтобы избежать ночных столкновений. Насколько мне известно, фонари здесь никогда не используются (*прим. автора*).

лось. А после охватывает меня радость: ведь прямо сейчас уже понемногу воплощается в жизнь заветный мой замысел. Страна, которую доселе я считал недоступной, лежит теперь перед моими глазами. И это не сон: действительно, я еду по большому Сибирскому тракту. Француз⁴ [2], несколько лет тому назад проехавший той же дорогой, заканчивал свой рассказ, впрочем весьма интересный, предостережением: «Не вздумайте туда поехать». А я, однако, поехал, не остановясь вердиктом столь кратким, сколь и неутешительным. Он ведь писал о путешествии, совершавшемся глухою зимою, я же начинаю мое путешествие в начале лета, и потому надеюсь на лучшее. Наши низенькие сибирские лошади замедляют ход: мы преодолели первый перегон, проехав 26 верст менее чем за два часа с половиной.

За то время, пока запрягают новую тройку, мы успеваем выпить по стакану чая, и снова в путь, с такою же прытью. Вдруг делается довольно холодно, и я начинаю нешуточно мерзнуть, при том, что натянул уже на себя весь свой гардероб. Мне не хватает шубы (*la pelisse*), предмета, в местах здешних самого необходимого, без которого не обходится ни бедный, ни богатый, ни простой мужик, ни чиновник. Понадеявшись на календарь, ее я не приобрел и теперь завидую ямщику, закутанному в теплую овчину. Одеяло совсем не греет, но, к счастью, у г-на Майера в багаже оказывается предостаточно меховых изделий, и некоторые из них поступают в мое распоряжение. Не случись этого, я бы довольно настрадался в эту первую ночь.

На следующий день, в девять часов утра, четыре раза сменив лошадей и преодолев треть нашего пути (т.е. 101 версту), прибываем в городок Камышлов, где завтракаем на станции. Пользуясь остановкой, торопимся переложить багаж наш таким образом, чтобы обратить спальные места в сидячие, и к одиннадцати часам снова выкатываемся на дорогу. Путь наш лежит по плодородной земледельческой местности. Почва жирная и черная; ни камня, ни гравия нигде не видно; поля, засеянные рожью, овсом и ячменем, перемежаются рощами и обширными лугами, на которых в изобилии пасется скот. Береза почти единственная лес-

⁴ Meignan V. De Paris à Pékin par terre. Sibérie — Mongolie. Paris: E. Plon, 1877. P. 387. (прим. автора).

ная порода. Кажется, тут нет больше других деревьев: исчезает она только поблизости от человеческого жилья, в садах.

Деревни встречаются довольно часто; но всегда на них лежит отпечаток унылого однообразия. Повсюду одни и те же дома из круглых бревен, одни и те же беленые церкви с зелеными крышами и металлическими куполами. Скот в поисках пропитания бродит бесхозно по бесконечным, широким и прямым улицам. Тощие, похожие на кабанов, свиньи с огромными головами и кривыми спинами, желтой, стоящей торчком щетиной, щиплют траву и валяются в лужах грязи. Вид этих деревень наводит тоску и уныние. Никаких весело играющих детей, никаких разговоров у ворот; разве кто-то пройдет поодаль, одинокий, непременно серьезный и молчаливый.

Поля, по крайней мере, оживляются вешней зеленью. Глаз радуется свежей березовой листве. По обеим обочинам тракта, обсаженного столетними деревьями, тянется тропка для пешеходов, впрочем, довольно редких, поскольку пешком никто здесь не ходит. Часто встречаются длинные вереницы одноконных телег, которые управляются совсем небольшим числом обозных. При движении обоза всегда образуется тесная колонна, порядок которой поддерживают простым, но, однако же, остроумным способом; позади каждой телеги крепится куль, с помощью нехитрого устройства (деревянного обруча) сохраняемый постоянно в открытом состоянии; естественно, что лошадь, приученная искать в нем пропитание, неотступно следует за кормой предшествующей повозки, тем более что кормушка глубока, и на дне мешка всегда остается какая-нибудь пригоршня овса.

Местность слегка холмистая; дорога петляет. Нам встречается партия ссыльных, бредущая под солдатским конвоем. Позже, при въезде в деревню, наши лошади, вероятно, привыкшие возить арестантов, вдруг сворачивают с главной дороги, и, невзирая на все старания ямщика, мчат нас по ухабам неведомо куда, пока наконец не застывают, как вкопанные, у ворот этапной тюрьмы. Другая повозка не выдержала бы такой бешеной гонки; но для тарантаса подобная встряска — вещь вполне заурядная.

В 200 верстах от Екатеринбурга расположена Марковская, последняя станция Пермской губернии. Мы достигаем ее вв-

черу и счастливы обрести здесь ужин, состоящий из нескольких крутых яиц, похлебки, сваренной из убоины и бутылки кваса. После этой деревни, недалеко от столба, обозначающего одиннадцатую версту, возвышается пограничный столб Тобольской губернии: здесь Азия начинается уже официально, теперь мы в Сибири без всяких оговорок.

Азиатская Россия, ограниченная от Европейской Уралом и Каспием, делится на три обширнейших области, а именно: на Туркестан, или Центральную Азию, Сибирь Западную и Сибирь Восточную. Последние две области, которыми мы в дальнейшем единственно и будем заниматься, включают в себя весь север Азии и огромную часть ее центра, и площадь в 13 250 000 кв. километров, что больше площади всей Европы с островами, или равняется двадцати пяти Франциям⁵. Сибирь составляет собою третью часть всей Азии, но населенность ее совершенно не соответствует протяженности. В то время как во всей Российской империи насчитывают 100 миллионов населения, в Сибири, составляющей $\frac{4}{7}$ общей площади империи, проживает только 5 700 000 от этой цифры, и только 4 миллиона, если исключить отсюда районы, административно относящиеся к Европе. Таким образом, получается, что средняя плотность сибирского населения составляет менее 1 человека на 3 кв. километра, в то время как во Франции эта средняя в двести раз значительнее.

Столицей Западной Сибири в настоящее время является Омск: вся она состоит из четырех областей: южные — Акмолинская и Семипалатинская, граничат с центральноазиатскими владениями империи, к северу от них расположены Томская и Тобольская. Тобольская губерния имеет наибольшую площадь и простирается до Ледовитого океана.

⁵ Согласно недавним расчетам г-на Стрельбицкого, генерала Генерального штаба России, площадь Европы составляет 10 010 486 кв. км, Франции 5334,79 кв. км. (*прим. автора*). Иван Афанасьевич Стрельбицкий (1828–1900) — географ, член многих географических и статистических обществ, а также международного статистического института. Впервые дал точные сведения о площади России как в целом, так и по губерниям и уездам.

Преодолев границу Пермской и Tobольской губерний, едем хорошим ельником, на котором видны следы пожара. По обочинам дороги с каждой стороны на сотню метров вырублен лес. Предосторожность эта представляется неизлишней: в то самое время, как мы проезжаем, на опушке леса бушует пламя. Не будь этих вырубок, которые представляют для пожара непреодолимое препятствие, едва ли смогли бы мы продолжать движение. В наступающих сумерках глазам открывается внушительное и ужасающее зрелище. Но, однако, возница наш не выказывает волнения; несколько часов спустя пожар уже не такой сильный, хотя никто с ним не борется; пламя погаснет само, когда пойдет дождь.

Последняя часть пути оставляет желать лучшего. Дорога едва намечена, широка и покрыта пылью; часто приходится резко сворачивать, чтобы избежать глубоких выбоин; мы нарезаем круги среди полей и пастбищ, и никогда при этом не сдерживаем лошадей. Беспрестанная тряска мешает спать. Ночью по-прежнему довольно холодно, хотя на почтовых станциях, где мы каждый раз при смене лошадей выпиваем по чашке чаю, наоборот, нещадно натоплено.

Дышать там нечем, поскольку сибиряки не любят держать окна нараспашку. Впрочем, у них на то достаточно оснований: окна всегда двойные, щели в них тщательно заделаны и замазаны. Иногда бывает и форточка, и большая, и замочек там есть, но ни разу не видел, чтобы их открывали.

Все же, несмотря на состояние дороги, во вторую ночь мы не теряем времени и стремительно приближаемся к нашей цели. На рассвете нам открывается плоская равнина, с хорошими полями окрест деревень, с березовым лесом на влажных местах. За 31 версту до города последний раз меняем лошадей и получаем дополнительно, без повышения цены, еще одну лошадь. Наконец, преодолев песчаное поле, понуждающее наших лошадей несколько сбавить ход, прибываем в Тюмень. Сейчас пять часов утра; за тридцать три часа мы проехали 310 верст (331 километр), включая время стоянки на двенадцати станциях. За все заплатили мы в общем до 50 рублей (125 франков).

Наш тарантас, увлекаемый четырьмя лошадьми, вкатывается стремительно на двор гостиницы Соловьева (l'hôtel Solovieff).

Пока г. Майер колотится без всякого толку в многочисленные двери, стремясь пробудиться хозяев, я остаюсь созерцать внешний вид заведения. Первое впечатление самое неутешительное. Это одноэтажная постройка из дерева и кирпича. Побелка не способна упрятать избородивших фасад глубочайших трещин; греческий портик, притязавший на то, чтобы украсить здание, повалился набок, и спасается от окончательного падения только ненадежной опорой полдюжины кривых нелепых колонн. Товарищ мой тем временем наконец обнаруживает слугу: последний спит, весь одетый, на конюшне. Слуга с угрюмым видом препровождает нас в переднее помещение. Направясь в отведенные нам комнаты, мы вынуждены перешагнуть пятерых или шестерых спящих, устроившихся прямо на полу.

Внутренность заведения полностью соответствует его внешности: обои в клочья рваные, мебель разбитая и ужасного вида. Прежде всего я спрашиваю воды и полотенце, но, когда уже проходит порядочно времени, приносят мне только грязную тряпку и жирный тазик с застоявшейся на дне желтой жидкостью. В темном углу — остов, должный, наверное, изображать постель. Это сооружение вида самого подозрительного, обтянутое дырявой материей, природная раскраска которой полностью исчезла под пятнами и следами сапог прошлых путешественников. Однако, несомненно, что эта пятнистая мебель свидетельствует об изначальном устремлении к роскоши.

В одной моей комнате, довольно, впрочем, просторной, я обнаруживаю два ломберных стола, десяток стульев, четыре кресла и пару диванов; но несмотря на это обилие, в каком все состоянии! Желая продлить свой сон, я устилаю одеялом тот из диванов, что кажется мне более всего достойным, но все бесполезно — теперь меня едят мухи, и, вероятно, не только они одни. Ко всему прочему, комнату невозможно проветрить; окна заперты наглухо. Очевидно, по этой причине в помещении такое множество мух, несмотря на наружный холод.

Эта смрадная конура (*taudis infect*), тем не менее, обойдется мне в два с половиной рубля за день. Говорят, в Тюмени есть и другой отель, но совсем не верится, что может он оказаться хуже; я начинаю понимать русских, у которых в обычае путешество-

вать день и ночь, круглые сутки, останавливаясь в гостиницах, лишь когда этого никак нельзя избежать. А между тем, место, где я сейчас оказался — город в 20 тысяч душ населения, с большой торговлей и потоком приезжих, перекресток многолюдного тракта, начало главного сибирского речного пути!

Впрочем, несмотря на эти неприятные мелочи, я очень доволен; первый опыт путешествия на тарантасе оказался куда

успешнее, чем я смел и надеяться. Я не потерял времени, в две недели добрался сюда из Санкт-Петербурга (за 3434 километра) и еще успеваю на пароход до Томска, который отправится завтра вечером. Мне посчастливилось обрести попутчика, который говорит по-французски, и, что немаловажно, я здоров и с уверенностью смотрю в будущее.

Около девяти часов утра, подкрепившись, соответственно русскому обычаю, несколькими стаканами чаю, я почитаю своим долгом осмотреть город. Выйдя из гостиницы, оказываюсь на берегу Туры. Обрыв, очень крутой, в двадцать пять метров высотой, вздымается над рекой, течение которой почти незаметно, так что сразу я не мог понять, в каком направлении она течет. Город Тюмень, основанный еще до начала русского заселения Сибири в 1580 году, ныне, с точки зрения промышленной и торговой, является важнейшим из городов Западной Сибири. Здесь есть за-

Эдмон Котто в японском облачении.
 Фото из книги Котто «Турист на Дальнем Востоке: Япония, Китай, Индокитай, Тонкин» (Paris, Hachette, 1884).

вод паровых машин, возглавляемый английскими инженерами, колоколотейная мастерская, несколько кожевенных и множество других заводов, число которых с каждым годом растет. В окрестностях города изготавливаются ковры, хорошо себя зарекомендовавшие, во множестве телеги, деревянная утварь, чаны, ушаты, ведра, лопаты и лубяная бечева. Кроме того, здесь происходят каждый год весьма оживленные ярмарки.

Тюмень также выделяется среди прочих в области народного просвещения. Наиболее примечательным зданием в городе является гимназия (*réalnoë outchilitché*) или практическая школа (*école des sciences usuelles*). Это великолепное заведение было основано в 1879 году городским головой Подаруевым, богатым купцом, который пожертвовал на его строительство сумму в 500 000 франков. За этот поистине царский подарок был он отмечен титулом «наследственного почетного гражданина», с правом передачи его детям, вместе со всеми привилегиями, которые к нему прилагаются. Помимо семи других государственных училищ, окружных и приходских, в городе имеется также прогимназия для девочек на 160 учениц⁶.

В общем же, Тюмень не представляет для туриста какого-то особенного интереса. Мне показалось, что Екатеринбург в этом отношении много замечательнее. Прогулявшись по главным улицам и посетив большой базар (выбор товаров на нем оказался весьма неплох), я спокойно шел по дороге к отелю, когда внезапно был грубо окликнут торговцем, сидевшим на пороге его магазина. Этот человек явился предо мной в сильном гневе, бешено вращая глазами. Я, естественно, не понимал ни слова из его речи, но из жестов его мне стало ясно, что причиной гнева послужил окурок сигары, который я держал во рту. Подойдя ближе и улыбувшись, я показал ему, что предполагаемый предмет преступления уже погас. Несмотря на явное доказательство моей невиновности, раздражение упомянутого лавочника было настолько силь-

⁶ То, что в России называется прогимназией, есть начальное образовательное учреждение, имеющее не более четырех классов, в то время как в гимназии их девять. Прогимназии ближе всего соответствуют наши младшие коллежи (*petits collèges*), а гимназии — лицеи (*прим. автора*).

ным, что он поднялся и ушел, хлопнув дверью перед моим носом, и продолжал при этом ругаться. Постоянная опасность пожаров вынуждает принимать в России весьма строгие меры. Еще несколько лет назад на улицах Санкт-Петербурга не разрешалось курить; сегодня этот запрет отменен в столице, но еще сохраняется в провинциальных городах. Вероятно также, что человек этот принадлежал к секте раскольников, которые испытывают священный ужас перед табаком во всех его формах и бегут от любого, кто курит или нюхает его, как от самого дьявола.

Вечером я получаю от г-на Майера приглашение навеститься в клуб; по этому случаю вынужден одолжить у него преогромную шубу, которую напяливаю поверх своего сюртука; ибо весьма холодно, и сделалась метель. Клуб — это скромное строение, расположенное в версте от города, в небольшой березовой роще. Здесь встречаются купцы и чиновники; лица посторонние допускаются за 50 копеек. В доме три или четыре комнаты, скруженных галерей, где можно прогуливаться, не выходя на улицу.

В клубе многолюдно. Сегодня здесь собралось все тюменское высшее общество: уездный исправник, главные чиновники, значительные (gros) купцы и т. д. Этот последний эпитет понимайте как вам угодно; большинство этих господ славится не только удивительным богатством, но и невиданной корпулентностью. Она еще более усугубляется гигантскими меховыми туалетами, которых они нигде не снимают, так же как и шапки свои, которые, кажется, накрепко привинчены у них к головам. Косматый, бородатый, с апоплексическим лицом и багровым носом — таков обыкновенный облик этих сибирских миллионеров. Два раза в неделю в клубе бывает музыка и допускаются дамы. Сегодня как раз такой бальный вечер: жалкий оркестрик фальшивит, играя популярные мелодии, танцуют французскую кадрили, лансье, вальс. Не нужно и упоминать, что дамы все в верхнем платье и не снимают своих пальто.

Никто не расстегивает шубы, не снимает с головы шапки, не вынимает изо рта сигары или сигареты. В столовой, которая служит к тому же и гостиной, ведут игру в шахматы, а также играют в вист и другие, мне неизвестные, карточные игры; ставки высоки, бумажные рубли стремительно переходят из рук в руки.

Особенное столпотворение царит у буфета; поглощение огромного числа разных русских закусок сопровождается беспрестанными обильными возлияниями; пьют коньяк, водку и шампанское. Г-н Майер представляет меня г-ну Колмогорову, из числа богатейших тюменских негоциантов, и я вручаю ему письмо, полученное мною от одного из его столичных друзей. Он тотчас приглашает нас отобедать. К сожалению, никто из присутствующих, в том числе и г-н Колмогоров, не говорит по-французски.

Всем известно, что я еду во Владивосток, и все исполнено по отношению ко мне самого дружеского любопытства. Прежде всего это выражается в постоянно повторяющихся предложениях выпить совместно с собеседником стаканчик винца или наливки; замечая, что я не понимаю по-русски, они пытаются говорить по-немецки, поскольку это язык в Сибири весьма распространенный, но тщетно; мне кажется, все они потрясены как этим моим невежеством, так и тем, что при таких обстоятельствах я осмелился путешествовать.

Наконец, после приятнейшего ужина, который вытеснил из моей памяти отвратительный гостиничный завтрак, мы отправляемся обратно в город. Наш ямщик все это время ожидал нас в саду; я использую слово «сад», потому что это делают русские, но, откровенно говоря, в этом месте нет ничего, что напоминало бы сад; ни цветов, ни цветочных клумб, это просто лес, в котором устроено несколько узких аллеек. На улице очень холодно; бедняги эти развели костер и всю ночь греются подле него, не входя в дом, поддерживая себя в полной готовности исполнить распоряжение своих хозяев. Они привычные; будь даже сейчас зима и 30 или 40 градусов морозу, то делали бы так же. В полночь мы возвращаемся в гостиницу, не опасаясь тишины опустевших улиц, поскольку патрули ночных сторожей, производящие равномерный шум своими звонкими деревянными колотушками, держат грабителей на расстоянии, так же, как это принято в Китае.

Я лег на свой диван не раздеваясь, закутался с головой в одеяло и преотлично выспался. Нужно было попробовать, а то ведь мне предстоит спать таким образом еще очень долго. Однако не

так легко будет привыкнуть ко всему остальному: например, к полному отсутствию элементарных средств гигиены, не говоря уж о туалетных принадлежностях. Не дожدهшься ни зеркала, ни графина питьевой воды. Утром явился паренек, которого и руки и одежда были одинаково черные, принес вчерашнюю жуткую посудину, и поставил ее на табуретку, которую приволок с собою; затем, поманив меня, вышлепнул мне на руки содержимое медного кувшина емкостью в бутылку; после чего не замедлил утащить с собою свои приспособления. Очевидно, что посудины эти употребляются ими для мытья всех постояльцев, и делается это по очереди.

В назначенный час сын г-на Колмогорова приезжает за нами в гостиницу. Сначала мы едем правым берегом Туры, любуясь простором низкой равнины левого берега, затем не без труда минуем очень крутой спуск к наплавному мосту, потом пересекаем приток Туры — речку Тюменку, и, наконец, прибываем в слободу, где проживает наш хозяин. Дом его, как и все соседние, выстроен из дерева и не отличается особой величиной. Мы проходим через большой, вымощенный плахами двор, окруженный со всех сторон забором. При входе в дом более всего поражает множество цветов, кустарников, тропических растений и цветущих кактусов, украшающих помещение. Обстановка отличается исключительной простотой; дереву, хотя и превосходно отделанному и отполированному, везде оставлен его естественный цвет. Ковров почти нет; вместо картин на стенах развешаны хромофотографии; на столах — бронзовые и фарфоровые китайские безделушки вперемешку с подобными изделиями европейского производства, исполненными гораздо хуже. В огромных комнатах расставлены канале, диваны и большущие сундуки, блистающие металлом.

Хозяин дома ожидает нас в гостиной. Это человек лет пятидесяти пяти, приветливой наружности, высокий и сильный, как большинство сибиряков. Немедленно появляется и жена его, весьма почтенная особа. Несмотря на утренний час, на ней пышное шелковое платье небесно-голубого цвета. После первых приветствий, я заявляю о своем желании посетить кожевенный завод Колмогорова, расположенный по соседству. Проводником

нашим выступает сын г-на Колмогорова, а переводчиком г-н Майер; благодаря ему я получаю немало интересных сведений о промышленности, составляющей главное занятие тюменцев. С этого предприятия г-на Колмогорова происходят 100 000 из 350 000 кож совокупной продукции всех тюменских заводов. Завод превосходно оборудован, здесь можно видеть множество новейших американских машин. Стоимость сырой кожи составляет 5 рублей, дубленая же может стоить от 7, 5 до 10. Г-н Колмогоров заработал на этой торговле миллионы; мне сообщают, к примеру, что он бывал в Париже и посетил Всемирную выставку 1878 г.

Воротясь, мы обнаруживаем, что в буфете, возвысившемся на самом видном месте гостиной, дожидаются нашего появления многочисленные *zakouska*. Для начала следует опрокинуть стаканчик водки: после того просыпается аппетит к поглощению крутых яиц, икры всевозможных сортов, сырой семги, порезанной ломтиками, и соленой кильки. Приходится сдерживать себя, ведь этого достаточно, чтобы насытиться на весь оставшийся день. Друг семьи, какой-то длиннородый седой старец с багровым лицом, со всей настойчивостью побуждает меня к поочередной дегустации целой шеренги графинчиков, выстроенных в буфете. К счастью, пора отправляться в столовую: там оказывается, что все это была только разведка боем, а генеральное сражение ждет еще впереди. Жена и сын г-на Колмогорова вдруг оставляют нас. По здешнему обычаю, когда глава семейства обедает с гостями, домашние не принимают участия в трапезе, но могут разве что лишь прислуживать: это в очередной раз мне напомнило, что мы теперь в Азии.

Миновал полдень: завтрак обратился в обед. Чтобы составить у читателя самое общее представление о трапезе по-сибирски, небесполезно будет обратиться к некоторым подробностям. Первое блюдо выглядело как большие комья (*boulettes*) рубленого мяса; они, не знаю отчего, именуются здесь котлетами (*côtelettes*), хотя не имеют ни вкуса, ни формы. На второе подали суп: душистый бульон, в котором плавали кусочки фаршированного теста (*de petites pâtisseries farcies*); затем последовала рыба, называемая нельма (это деликатесная разновидность лосося), жареная тетер-

ка и засахаренный салат (*salade au sucre*). В качестве антреме⁷ подавались капуста, свекла, огурцы во льду и в сметане, пироги на кислом молоке, а также пироги, начиненные яичными желтками, рисом и дичью, и, наконец, в качестве десерта — сладкое желе и превосходные апельсины, которые стоят здесь очень дорого. Из напитков подавались вина крымские и вина шампанские, водки на фруктах и на злаках, коньяк, все, кроме воды.

В завершении пиршества г-н Колмогоров предлагает нам великолепные гаванские сигары, а затем мы отправляемся в его сад, расположенный в версте от усадьбы, в чистом поле, на берегу реки. Этот сад представляет собой просто прямоугольный участок земли, обнесенный забором, весь засаженный липами и березами, и с беседкой в центре: это уменьшенная копия клуба, в котором мы были накануне.

Мы гуляем по узким аллеям. Демонстрируя нам свои насаждения, г-н Колмогоров по временам извлекает из глубоких карманов бутылку бордоского вина, наполняет до краев стаканы и угощает нас. Поскольку этот маневр повторяется им довольно часто, а карманы его кажутся неисчерпаемыми, то меня понемногу охватывает беспокойство: избежать очередной порции весьма затруднительно, ведь, по сибирским представлениям, гость, отказывающийся от стаканчика, преподнесенного ему хозяином, поступает крайне невежливо. Еще более смущает меня упомянутый старик, ставший абсолютно несносным: он схватил бутылку коньяку и всеми силами понуждает меня с ним выпить.

Тем временем мы направляемся к берегу Туры: там затеяна в нашу честь рыбная ловля. Вскоре нельмой и стерлядью наполнен уже целый ушат; рыбаки ташат его в сторожку. Там рыбу немедленно потрошат, и вот трепещущая икра уже намазана на ломти черного хлеба, приправлена щепоточкой соли и стрелками лука, и тотчас поедается. На кухне горит огонь: стерлядь режут ломтями, бросают в котел, и вскоре мы принимаемся пировать.

Бульон, приготовленный из этой свежепойманной рыбы, также превосходен. Я решил больше не отказываться, когда мне

⁷ *Антреме* (*entremets*) — часть трапезы после основного блюда, подготовительная по отношению к десерту.

преподносят очередной стакан; но просто выплескиваю его под стол. Тем временем седобородого обуяла нежность: потрясая уже вторую бутылкою водки, он, в пылу излишне разгоряченного словоизлияния, опрокидывает на меня общую посудину, откуда все черпают, сколько нужно. После того, как меня оросили кипящей жидкостью, происходящее все менее кажется мне забавным. Между тем наш амфитрион привел еще юных крестьянок. Выстраясь полукругом у входа в избушку, девки поют народные песни, заунывные, неспешные и однообразные, хотя и не лишённые некоторого очарования.

Близится ночь, и время наше истекает. Сжав меня в мощных своих объятиях и накрепко облобызав, г-н Колмогоров насильственно вручает мне во владение пару бутылок вина. Ставший совсем уж невыносимым седобородый старик цепляется за моего товарища, и вот втроем, в превеликой спешке, следуем мы обратно в гостиницу. Я ведь и предположить не мог, что обед наш продлится до девяти часов вечера, а потому не предпринял заранее никаких приготовлений к отъезду. Г-н Майер, знакомый с сибирскими обычаями, оказался мудрее. У него все готово, так что он может уже немедленно отправляться на пароход. За ним неотступно следует его новый товарищ. Что до меня, то мне еще нужно собрать вещи, уложить чемоданы и привести в порядок записи. Я прибываю на пароход лишь около полуночи. На борту уже довольно народу. В маленьком салоне первого класса, на палубе, я замечаю среди других пассажиров двух новоиспеченных друзей, усевшихся за столом, на котором расставлена целая батарея бутылок. Престарелый наш собутыльник был сильно пьян: когда на заре подали сигнал к отправлению, мы лишь с большим трудом смогли разъяснить ему, что настало время вернуться в город.

День был утомительный и всем для меня непривычный; но я ничуть о том не жалею: ведь мне довелось наблюдать воочию частную жизнь самого богатого и уважаемого тюменского промышленника. Благодаря его поистине раблезианскому гостеприимству я имею теперь возможность показать читателю эту прелюбопытную сторону сибирской жизни.

Приложение 1

Об Эдмоне Котто

Котто (Эдмон), французский путешественник и журналист, родился 9 ноября 1833 г. в Шатель-Сенсуар (Châtel-Censoir, департамент Йонна). Учился в коллеже города Осер (Auxerre). Вскоре его главной любовью сделались путешествия. Движимый этой страстью, г. Котто объехал сначала, в несколько приемов, всю Европу и страны Средиземноморского бассейна. В 1876 г., по случаю всемирной выставки, которая проходила в Филадельфии, он совершил свое первое заморское путешествие, в ходе которого посетил Северную Америку, Канаду, страну мормонов и Калифорнию. В следующем году, обозревая Южную Америку, он проехал через Бразилию, Монтевидео, Магелланов пролив, Чили, Перу, Эквадор и Панамский перешеек. В 1878–1879 гг. предпринял путешествие в английскую Индию и на остров Цейлон. Два года спустя г. Котто, по поручению министра народного просвещения, пересек с научной целью всю Российскую империю, миновал Сибирь и, три месяца спустя после того, как оставил Париж, достиг Японии. Обозрев Страну восходящего солнца, он направился в Пекин, поднялся вверх по течению Янцзы(цзян) до Нанкина (Nan-Kean), посетил Тонкин, Кохинхину, бегло осмотрел руины Ангора и вернулся во Францию через Суэцкий канал (1881–1882). В марте 1884 г. Котто снарядил свою вторую экспедицию. На этот раз он предпринял кругосветное путешествие и посетил последовательно следующие страны: Сингапур, Борнео, Целебес? (Étahabace) и Зондский пролив, Яву, Австралию, Тасманию, Новую Каледонию, Новые Гебриды, Таити. Затем, достигнув американского побережья, прибыл в Сан-Франциско и оттуда направился домой через Мексику и Антильские острова. Это последнее путе-

шествие продолжалось целый год. В июле—октябре 1887 г. Котто путешествовал по Кавказу и Закаспийским областям. Помимо множества статей и репортажей о путешествиях, которые публиковались в «Записках общества исторических и естественных наук Йонны» (*Bulletin de la Société de l'Yonne*), «Политическом и литературном журнале» (*Revue politique et littéraire*), «Научном журнале» (*Revue scientifique*), «Географической газете» (*Gazette géographique*), «Ежегоднике французского альпийского клуба» (*Annuaire du club alpine française*), «Этнографическом обозрении» (*Revue ethnographique*), журналах «Вокруг света» (*Tour de Monde*) и «Время» (*Le Temps*) и т. д., г. Котто является автором следующих книг: «Налегке по Индии и Цейлону» (*Promenade dans l'Inde et à Ceylan. Paris, Plon, 1880*); «Налегке по обеим Америкам» (*Promenades dans les deux Amériques, Paris, Charpentier, 1880*); «Из Парижа в Японию по Сибири» (*De Paris au Japon à travers la Sibérie, Paris, Hachette, 1883*); «Турист на Дальнем Востоке: Япония, Китай, Индокитай, Тонкин» (*Un touriste dans l'extrême Orient (Japon, Chine, Indo-Chine, Tonkin. Paris, Hachette, 1884)*); «Из Океании: путешествие вокруг света за 365 дней» (*En Océanie, voyage autour du monde en 365 jours. Paris, Hachette, 1888*); «Кавказ и Закаспийская область» (*Caucase et Transcaspienne. Paris, Hachette, 1888*), последняя книга принесла автору приз Дюпле (*Dupleix*) Парижского общества экономической географии; должны быть упомянуты также брошюры, посвященные Борнео, Новым Гебридам, вулканам Явы, Норвегии, Южной Америке. — В октябре 1888 г. г. Котто отправился в путешествие на Канарские острова. После восхождения на Тенериф он посетил другие острова архипелага и проехал по побережью Марокко от Могадора в Танжер.

*А. ди Губернатис*⁸

⁸ Перевод статьи из французского издания «Словаря современных писателей» Анжело ди Губернатиса. См.: *Gubernatis A., de. Dictionnaire international des écrivains du jour. Florence, 1890. T. 2. P. 712–713.* Умер Котто 5 декабря 1896 г. в Париже.

Тюменский обед мадам де Бурбулон⁹

Тюмень, где я пишу эти слова, — довольно большой город¹⁰, в нем расположены металлургические заводы и колоколотейная мастерская. Это первое поселение, которое было основано русскими в Сибири.

Нам нужно было где-то провести целый день, и мы остановились в доме купца, соблаговолившего оказать нам гостеприимство: наш хозяин — русский старой закалки, его старомодная учтивость еще не испорчена цивилизацией. При входе в дом он поцеловал мне руку, и с горячими приветствиями повлек в зал, где для нас было приготовлено угощение. В подобных случаях, если дело происходит между равными, женщина в ответ на такую учтивость, наклоняясь, касается губами лба своего кавалера. Вы можете легко догадаться, что я избавила себя от соблюдения этой формальности.

Вот меню обеда, которое я записала, чтобы вы могли себе это представить:

Закуска, сервированная отдельно, на маленьком столике: сем-га сырая и копченая, икра, селедка соленая, нарезанная кусочками, в уксусе, хлеб, масло, шнапс или водка, настоянная на анисовом семени, прозрачная как хрусталь и весьма хорошая. Вся эта закуска предназначена для того, чтобы возбудить аппетит и sprysnut'ь дальнейшие нештучные возлияния.

Суп: бульон душистый с тимьяном (serpolet), в который наломаны фаршированные печенья, вместо хлеба.

⁹ Poussielgue A. Voyage en Chine et en Mongolie de M. de Bourboulon et de Madame de Bourboulon. 1860–1861. Paris: Librairie de L. Hachette, 1866. P. 436–437.

¹⁰ В Тюмени насчитывается 10000 жителей (прим. автора).

Рыба в бульоне (au court bouillon), совокупно с холодным уксусным соусом, из множества составляющих.

Рагу барашка и курочки с рисом.

Кулебяка (koulbas), или пирог, с яичными желтками, рисом, мясом и отбивной дичью.

Жаркое из гуся и петуха, в острой подливке, с шафраном, карри и мускатным орехом.

Антреме (entremets): красная капуста (choux rouges), фаршированная икрой, свекла и огурцы в сметане, или маринованные в рассоле, имбирный пирог, творожный пирог, сливки и замороженное желе.

По окончании ужина, после чая, шампанское и наливки (liqueurs).

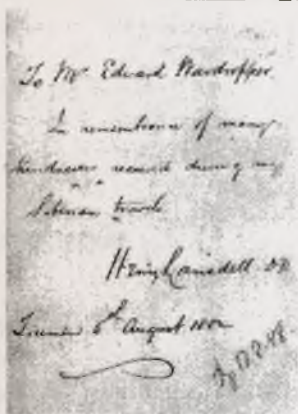
Вот вам самая суть русской кухни: она, конечно, варварство, но, может быть, много более основательное и искусное, чем кухни немецкая и английская. Само собой разумеется, что во всех приличных домах кухня допускается только французская.

Покуда купцы сибирские потчевали друг друга, хозяин дома, вместо того, чтобы прислуживать, как он сделал для нас, председательствовал трапезой, усевшись на одном конце стола вместе со всеми гостями мужского пола, в то время как дамы были отодвинуты на дальнюю его оконечность.

Под конец ужина они вовсе удалились из-за стола, который обратился затем в сцену совершенной оргии, вызванной частыми возлияниями. Пьянство — главное порочное пристрастие русских. Оно особенно распространено в народе и среди купцов, нередко также и среди знати, хотя последними больше скрывается...

Только что я заметила, что семья нашего хозяина, которой нам не пришлось увидеть за ужином, все время моего туалета жадно следила за мною через замочную скважину.

Решительно, эти люди — настоящие дикари, но с мебелью en bois de Boule¹¹.

¹¹ Роскошная мебель в стиле Людовика XIV.

Комментарий переводчика

Предлагаемый вашему вниманию текст французского путешественника — характерный образец жанра «путевых описаний» (англ. *travel-writing*, фр. *littérature des voyages*) последней четверти XIX столетия. Несомненно, рассказ о пребывании Эдмона Котто в Тюмени окажется интересен исследователю местной старины как источник кое-каких фактических сведений, но, однако же, такое восприятие его будет заведомо односторонним без некоторых оговорок, относящихся к области истории литературы. Приходится констатировать, что документальная составляющая книжки Котто (так называемые «непосредственные» впечатления путешественника) до известной степени предопределена литературной традицией: совокупностью нарративных приемов, стратегий и стереотипов, присущих французским описаниям Сибири, составленным до 1881 г.

В исследованиях «*travel-writing*» утверждение этой истины — общее место: в поисках подходящего удобного резюме я набрел на книгу Д. Оффорда, который в кратком очерке развития жанра отмечает следующие его особенности: путевые описания XVIII–XIX вв. характеризуются чрезвычайным разнообразием содержания; при составлении их используются не только (столько) личные впечатления путешественника, но широкий круг как письменных, так и устных источников (разной степени достоверности, от авторитетных монографий до слухов, анекдотов и досужных бесед); на «непосредственное» восприятие того или иного места оказывали влияние его литературные репрезентации, известные путешественнику; жанру «путевого описания» был присущ «синкретический», или «гибридный», характер, позволявший легко использовать и включать в состав

сочинений разнообразные литературные формы: от писем и дневников до историографии и философских трактатов¹.

Все вышесказанное имеет к сочинению Котто самое непосредственное отношение. Тюменская глава «Путешествия из Парижа в Японию», при всей ее эпизодичности, обнаруживает зависимость от нескольких литературных источников: небольшой объем комментируемого текста может быть в буквальном смысле разъят на эти составляющие: оказывается, что на описание непосредственных туристических впечатлений влияют описания, составленные десятилетиями ранее. Путешествуя по Сибири настоящей, Эдмон Котто одновременно едет и через Сибирь литературную, которая в данном случае сводится к нескольким известным французским текстам. Одни из них названы и обсуждаются автором, другие возможно обнаружить, если сравнить тюменский эпизод в книге Котто с подобными эпизодами в трудах некоторых его коллег и предшественников.

«Открытые» источники. В начальной главе своего сочинения Котто называет в качестве своих прямых предшественников двух авторов, проехавших через Сибирь соответственно в 1858 и 1873 гг. Первый из них, граф Генри Рассел-Киллог (или, поскольку писал по-французски — Анри Руссель-Киллуг, 1834–1909), поведал читателям о своем путешествии в книге «16 тысяч лье по Азии и Океании», выпущенной, как и книга Котто, издательством «Ашет», специализировавшимся на путевых описаниях². Труд Руссель-Киллуга был переведен на русский, но ни в этом переводе³, ни в подлиннике мы, конечно, не встретим тюменского эпизода: Руссель-Киллуг въехал в Сибирь южнее, проследовав из Златоуста через Ишим на Томск. Другой, не раз упомянутый Котто путешественник — Виктор Меньян (1846–18??), автор книги «Из Парижа в Пекин по суше», побывал в Тюмени в январе 1873 г.⁴

¹ Offord D. *Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 5–6.

² Russel-Killough H. *Seize mille lieues a travers L'Asie et L'Océanie. Voyage exécuté pendant les années 1858–1861*. T. 1. Paris: Librairie de L. Hachette, 1864.

³ Руссель Киллуг А. *Чрез Сибирь в Австралию и Индию*. Санкт-Петербург: Общественная польза, 1871.

⁴ Meignan V. *De Paris à Pékin par terre. Sibérie — Mongolie*. Paris: E. Plon, 1877. P. 116–119.

Влияние указанных авторов на текст Котто очевидно в том смысле, что сам он рассматривал их как своих прямых предшественников. По утверждению Котто, сходные обстоятельства путешествий Руссель-Киллуга и Меньяна повлияли на замысел его собственного: «Два французских путешественника... совершили свои сухопутные переезды из Парижа в Пекин зимой, когда в Сибири вся земля застелена однообразным снежным покровом, а течение северных рек замирает под толстым слоем льда... Что до меня, то я намеревался посмотреть Сибирь летом... Другие видели и описывали Сибирь в снегах, я же хотел... увидеть Сибирь в цветении»⁵. Котто поддерживает своеобразный диалог со своими авторитетными оппонентами, не увидевшими в Сибири ничего, кроме снега, на протяжении всей книги: цитируя в тюменской главе слова В. Меньяна, Котто приступает к описанию весеннего сибирского пейзажа⁶.

Эта позиция, утверждающая новый по сравнению с предшествующими сочинениями вклад Котто в корпус французских текстов о Сибири, вероятно, почти исключает текстуальные заимствования: ведь он путешествует, чтобы увидеть то, чего не увидел В. Меньян. Если совпадения и существуют, то другого рода и более высокого уровня: прежде всего, и тот и другой, будучи ориенталистами в том смысле, как об этом писал Э. Саид, уже на подъезде к первому сибирскому городу ищут во всем известные им стереотипные признаки Азии: при этом очевиден приоритет книжного знания над тем, что наблюдается в действительности⁷. Русская Западная Сибирь оказывается припи-

⁵ Cotteau E. De Paris au Japon a travers la Sibirie. Voyage exécuté du 6 mai au 7 aout 1881. Librairie Hachette, 1888. P. 2–3.

⁶ Cotteau E. *Ир. cit.* P. 99: «Француз, несколько лет тому назад проехавший той же дорогой, заканчивал свой рассказ... предостережением: «Не вздумайте туда поехать». А я, однако, поехал, не остановясь вердиктом столь кратким, сколь и неутешительным. Он ведь писал о путешествии, совершавшемся глухою зимою, я же начинаю мое путешествие в начале лета, и потому надеюсь на лучшее».

⁷ Саид Э. Ориентализм / пер. А. В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. С. 145–146: «Текстуальному подходу способствуют две ситуации. Одна из них — когда человек нос к

санной к Оrientsу, Востоку «в чрезвычайно широком смысле»: В. Меньян упоминает в качестве таких первых ласточек тюменские рынки и распевających в кабаках цыганок⁸, а Э. Котто вторит ему, рассказывая о тюменских ночных сторожах и застольных обычаях сибиряков.

Скрытые источники: здесь важен факт, что рассказ Котто текстуально близок еще одному сочинению, составленному на французском языке. Известные записки жены французского консула в Китае, г-жи де Бурбулон (урожденная Кэтрин Фанни Мак-Леод, 1827–1862?), изданные А. Пусьельгом в 1866 г., оказали значительное влияние на весь последующий корпус популярных французских текстов о Сибири⁹. И Руссель-Киллуг, и Меньян не раз упоминают имя отважной шотландской леди на страницах своих книг¹⁰, Э. Котто же этого не делает, хотя, без сомнения, знаком с этим текстом.

О причинах такого умолчания трудно сказать что-то конкретное: приходит на ум лишь тот факт, что сибирское путешествие де Бурбулон тоже происходило летом; французский по-

носу сталкивается с чем-то неизвестным и пугающим, что прежде всегда находилось где-то там, далеко. В этом случае ему приходится искать опору, отыскивая нечто сходное не только в собственном прежнем опыте, но и в том, что ему известно из книг... идея состоит в том, что люди, места и опыт всегда можно описать в книге (или в тексте) так, что книга (или текст) обретает большой авторитет и даже пользу в сравнении с описываемой действительностью».

⁸ Meignan V. *Op. cit.* P. 117 : «Здесь еще едва обнаруживается соседство Востока: базары, расположенные, при всей суровости климата, на открытом воздухе, отдаленно напоминают базары Сирии или Африки. Иногда женщины, облаченные в шелковые одежды, невзирая на свои грязные нижние юбки, поют и пляшут в кафе для удовольствия посетителей».

⁹ Poussiellgue A. *Voyage en Chine et en Mongolie de M. de Bourboulon et de Madame de Bourboulon. 1860–1861. Paris: Librairie de L. Hachette, 1866; Записки о Китае г-жи Бурбулон. Санкт-Петербург: Типо-литография П. И. Шмидта, 1885. Русский перевод касается только Китая, чрезвычайно лапидарен в отношении Сибири.*

¹⁰ Russel-Killough H. *Op. cit.* T. 2. P. 242, 247-249 ; Meignan V. *Op. cit.* P. 177.

сланник с супругой прибыли в Тюмень в июле 1862 г., и, по свидетельству С. Турбина, остановились в с. Богандинском в доме одного из тюменских купцов¹¹. По всей видимости, именно там состоялся торжественный обед в честь французов; сообщение де Бурбулон от 24 июля, в котором описывается меню и застольные нравы сибиряков (см. приложение 2), кажется, пригодилось Котто, когда он описывал собственный обед у купца Колмогорова. Совпадают не только порядок и названия некоторых блюд (это, может быть, и неудивительно; вероятно, сибирская кухня была консервативна, а повара десятилетиями придерживались традиций), но то же самое касается и некоторых других подробностей, в частности, сообщения об обычае, воспрещающем семье хозяина дома обедать вместе с гостями. Важно, что Котто, поведав читателю этот факт, делает те же выводы, что и де Бурбулон, заметившая подглядывающее за ней в замочную скважину купеческое семейство — *«это в очередной раз мне напомнило, что мы теперь в Азии»*.

В рассказе Котто о Тюмени встречается еще одна деталь, фактически, настоящий маркер, свойственный, кажется, только французским описаниям первого сибирского города, и лишь тем, которые восходят к сочинению мадам де Бурбулон. Говоря о тюменской промышленности, Котто упоминает в числе прочих заводов *«une fonderie de cloches»*, колоколотейную мас-

¹¹ Турбин С. Страна изгнания. Старожил. Исчезнувшие люди. СПб.: Изд. К.Н. Плотнокова, 1872. С. 50. «В с. Богандинском, первой станции за Тюменью, меня ввели в тот самый дом, в котором останавливался возвращавшийся из Пекина в Париж французский посланник Бурбулон. Об этом мне сейчас объявили хозяева. Хозяйка, как видно, не раз уже осведомлявшаяся у проезжих, обратилась ко мне с вопросом, ходят ли француженки в шароварах. На мой отрицательный ответ, она высказала сомнение, основывая его на том, что жена посланника была одета по-мужски, т.е. на ней была коническая шляпа и шаровары.

— Вероятно, для того, что так покойнее ехать, — заметил я.

— Где там спокойнее. Надо быть, у них все так ходят, вот как татарки; а то как же женщине штаны надеть? Срам. Мало ли тут женщин проезжает: и генеральши, и чиновницы, и купчихи, все поженски одеваются».

терскую; спору нет, «Тюмень для Сибири, что Валдай для России — мать всех колокольцев»: колокола здесь действительно делали, однако, в данном случае, мы имеем дело не столько с непосредственным наблюдением, сколько с устойчивой деталью географической характеристики. Впервые во французском корпусе тюменских текстов об «une fonderie de cloches» пишет именно де Бурбулон, и затем эта подробность повторяется в тех сочинениях, авторы которых использовали ее книгу в качестве авторитетного источника. Самым знаменитым из таких текстов, без сомнения, является «Михаил Строгов» Жюль Верна (1876). Весь немногочисленный тюменский антураж XII главы этого романа списан с «Путешествия» де Бурбулон: герои Жюль Верна прибывают в город 22 июля, почти как де Бурбулон, и описывается он именно так, как это делает она: «Население Тюмени, в которой обычно проживает десять тысяч человек, увеличилось тогда вдвое. Этот город, первый промышленный центр, который русские основали в Сибири, известный своими литейным и колокольным заводами, никогда еще не был столь оживленным...»¹².

Контекст. Все вышесказанное, наверное, несколько усложняет вопрос о жанровой природе текста Котто. «Тюменский рассказ» француза занимает некое переходное положение между репортажем очевидца и литературой чистого вымысла (примером такого сочинения является роман Ришара Леклида (Richard Lesclide, 1825–1892) «Вокруг света на велосипеде»: в нем воображаемые французские велосипедисты проезжают через воображаемую Тюмень, описанную с помощью впечатлений упомянутой де Бурбулон)¹³. По-видимому, о пограничном характере такой литературы свидетельствует и характерная манера названий: название книги Котто (как и книги Руссель-Киллога, и книги Меньяна¹⁴, с которых все, по-видимому, нача-

¹² Verne J. Michel Strogoff. Paris: Hetzel, 1876. P. 119.

¹³ Grand Jacques (R. Lesclide) Le tour du monde en vélocipède. Paris: aux Bureaux de la Publication, 1870.

¹⁴ Neboit-Mombet J. L'image de la Russie dans le roman français (1859–1900). Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise Pascal, 2005. P. 103.

лось) находится в одном ряду с названиями «Необыкновенных путешествий» Жюль Верна, книг Буссенара¹⁵ и т.п. Констатация всей этой интертекстуальности позволяет по-другому взглянуть на вещи, казалось бы, очевидные: внимательный читатель может сравнить оставленное Котто описание тюменской гостиницы Соловьева с описанием гостиницы Щербакова, которое оставил англичанин де Уиндт¹⁶. Французский язык был для последнего, вероятно, почти родным.

Ф. Корандей

¹⁵ Буссенар Л.-А. Из Парижа в Бразилию по суше / пер. Р. А. Родиной, Т. В. Балашовой, Е. Ю. Морозовой. Москва: Ладомир, 1994.

¹⁶ Уиндт, Г. де. Сибирь как она есть // Лукич. 2010. Ч. 32. С. 4.

эпистолярный

Н.М. Чукмалдин — С.Ф. Шарапов

Переписка автора с издателем

1891, июля 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я приехал в Москву 23, а 25 уже писал Вам. Удивляюсь, как Вы не получили письмо мое.

В ярмарку еду 1 авг. и тотчас же поеду на ф-ку в Арзамас. Вернусь же в ярмарку 5–6 августа. Приезжайте туда. Место найдется. Хотя я заднюю половину лавок продал.

Где А.А. Пороховщиков¹? У меня для него сдается одна квартира в д[оме] музея, 6 комн., бельэтаж.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 1.

Не ранее 1897 (?) августа 16 — Н.М. Чукмалдину*

Многоуважаемый Николай Мартемьянович!

Будьте добры, пошлите продолжение Вашей статьи в «Урал» о ярмарке². Ею здесь очень заинтересовались.

У нас формальная чума. В Астрахани так называемая пневмония — это самый острый и опасный вид чумы. Теперь зараза объявилась в Царицыне. Говорить об этом газетам строго запрещено.

Был я в Нижнем и даже не воображал, что из глиняного поселка, бывшего на выставке 1896 г., устроена школа, принятая ведомством Министерства земледелия.

Если у Вас найдется для прогулки часок свободного времени, сделайте милость, побывайте там и узнайте, в каком положении эта школа и что там делается. Это для меня очень важно, да и Вам будет небезынтересно.

Затем очень и очень Вас попрошу сообщить о дальнейшем течении ярмарки и особенно о расплатах. По каким мотивам Г[ос]-

* Датируется по содержанию.

Б[анк] понизил учетный процент на 9 мес. векселя на $\frac{1}{2}$ к.? Все это очень важно, и Вам, как близко стоящему к делу, видно.

Здесь уныние и пустота.

Сердечно Вам предан. Шарапов

Д. 510, л. 2-3.

1897, августа 30 — С.Ф. Шарапову

Н. ярм.

Милостивый государь Сергей Федорович.

Когда Вы будете в Тюмени³, и если у Вас останется немного свободного времени, то советую Вам познакомиться с директором Александровского училища Ив. Яков. Словоцовым (записным археологом) и посмотреть музей, им собранный. Мне верится, что Вы в этом не раскаетесь.

В Кулаковой деревне Вы будете обедать у кр-на Никифора Агапова Пискулина, а остановиться квартирой, я думаю, удобнее, как раз против школы, у родственницы моей Алек. Семен. Чукмалдиной.

Там же, в Кулаковой, если Вас заинтересует, Вы можете посмотреть работы крупного кустарного производства — телег, саней и ковров.

Желая Вам успеха, я [3 слова *нрзб.*].

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 4-4 об.

1897, сентября 28 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам статью г. Владимирова, назначая ее для напечатания в «Р. труде»⁴. Г. Владимиров — сибиряк, мой близкий знакомый, проживающий теперь на покое в Англии и Франции и по временам присылающий мне свои описания местной жизни в Англии.

Когда Вы напечатаете статью Владимирова⁵, то пришлите мне несколько экземпляров этого №. Я их pošлю ему в Париж.

Преданный Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 34.

1897, октября 15 — С.Ф. Шарапову

Москва

В СПб.

Уважаемый Сергей Федорович.

Я просил бы Вас прислать мне наиболее характерных номеров «Р. труда» экземпляров 5 для предъявления одному крупному за-

водчику, который, если заинтересуется Вашим изданием, то значительно поможет Вам средствами. Приложите и те два №№, в которых напечатано Ваше письмо к И.К. Полякову⁶.

Но подойдут ли к программе Вашей газеты мои путевые очерки Палестины и Египта⁷? Если да, буду высылать, если же нет, возвратите мне рукопись, при сем прилагаемую.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 35.

1897, октября 18 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы напрасно не присылаете мне №№ Вашей газеты, о чем я Вас просил. Сегодня же был мне случай поговорить о Вас с заводчиком, но я, не имея под руками данных для характеристики Вашей публицистической деятельности, не мог этого сделать так, как нужно. Посему вновь прошу Вас прислать мне наиболее характерные №№ газеты и в особенности два номера с письмом к И.К. Полякову⁸. Я опасаясь только одного: не покажется ли ему резким Ваше порицание допущения к нам заграничных капиталов.

Предан. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 36.

1897, октября 22 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я боюсь Вас обнадеживать, но тщуся з^акло* о сем, ибо хорошо понимаю Ваше положение. Вчера я видел г. Морокина⁹, который мне сказал, что подписка для Вас, в общем, достигает цифры 1400 р. Сегодня он хотел пойти с подпискою к В.Я. Морозову, чтобы достигнуть цифры 2000. Я также сегодня или завтра иду с №№ Ваших журналов к богатому заводчику, который когда-то дал мне к этому повод.

Предан. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 37.

1897, октября 23 вечером — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Как видите, тщуся* мало-помалу. Сегодня в банке уговорил Полякова дать вам 300 р., а там и еще что-нибудь сделаем.

* Написано полууставом.

Заводчику Бари¹⁰, который раньше охотно на это шел, наговорил что-то петерб[ургский] чиновник, что Вы враг привлечения к нам вообще загранич[ных] капиталов, что идет вразрез его убеждениям. Посему он стал, видимо, от участия уклоняться.

Я полагаю, Вам надо приехать в Москву дня на 2–3.

Пришлите мне № 42 10 экземпляров.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 38.

1897, октября 24 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Согласно Вашей телеграмме, я посылаю Вам перевод конторы бр. Джемгаровых¹¹.

№ 3252. Р[ублей] с[ребром] 400.

В него входят суммы: от фирмы «В. Морозов с сын[овьями]» — 200 и от меня 100 р.

Для получения денег от конторы Г. Вальберга возьмите с собою Ваш паспорт и настоящее письмо мое.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 39.

1897, октября 25 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Г. Владимиров А.Е. уехал за границу и вернется в Москву не скоро.

Сделаете ли Вы в 42 № объявление¹² на подписку 1898?

Я никак не могу поймать на этих днях ни Красильникова¹³, ни Морокина. Мне хотелось бы подробнее узнать, кто именно подписался в сумме 1400 р., о которой мне говорил г. Морокин.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 40.

1897, октября 28 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я получил Ваше письмо и посылку с газетами, но не получил указания, кому их раздавать. Если можно, укажите поименно или, по кр[айней] мере, в какой среде их распространить.

Сегодня поймал, наконец, К.С. Красильникова и от него узнал лиц, сделавших для Вас складчину. Она такова: Бого-Глух. М.Р.¹⁴

— 600, Реутовская¹⁵ — 600, Банза¹⁶ — 400, Прохоров Н.И.¹⁷ — 400, Прохоров С.И.¹⁸ — 300, Владимиров А.С. — 300, Арнс¹⁹ — 150 <...>.

Я написал было Вам корресп[онденцию] о крупной мануф[актурной] промышл[енности] настоящего времени и, казалось мне, правду интересную, но Поляков И.К. находит в ней даже какую-то несообразность и мне еще ее не возвратил. Получив ее, постараюсь «сгладить», что можно, чтобы не дразнить гусей, и пошлю Вам.

Есть очень интересная тема для корресп[онденции]. Это новый Сев[ерный] путь в Сибирь и провоз туда товаров. Но как ее напишешь, когда москвичи и слушать не хотят о каком-нибудь облегчении сибирск[их] потребителей в смысле уменьшения пошлины для этого пути, против европ[ейского] тарифа-пошлины. Не говоря о товарах разных мелких, и даже такой предмет, как чай черный кирпичный, которого везется чрез Сибирь около 68 млн. фунтов в год, обходится Северным путем за ящик (180 ф.) в Тюмень (с пошлиною как в Иркутске 2–50 зол. с пуда) по 45 р., а чрез Иркутск по 65 р. при одинаковой пошлине. Теперь на будущую навигацию согласно распоряжению брать пошлину в Тюмени за чай, привозимый морем, по 21 р. с пуда золот., или с ящика 142 р. кред. вместо 17 р. кред., взимаемых в Иркутске.

Значит, Сибирь должна терять с двух концов — получать товары ценами дорогими и продавать хлеб за бесценок, ибо нет ему выхода в Европу.

Спиридонову и Ретникову(?), я полагаю, надо Вам написать мягкие письма с указанием на Ваши разъяснения по поводу писем Морокина и Беляева. Этим, я думаю, дело и обойдется.

О моей статье «Наши миллионеры»²⁰ прежде печатания надо с Вами поговорить, чтобы ею не сделать Вам вреда. Путевые же заметки можете печатать. Я пошлю Вам продолжение их.

Предан. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 41–42 об.

1897, октября 28 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам продолжение путевых очерков гл. III–VII.

В рукописи, у Вас находящейся, в главе II «Константинополь»²¹, прошу вас зачеркнуть слова: «провожатым был у нас опытный путешественник г. Молчанов»²², корреспондент газеты «Новое время»²³.

Это Вы найдете на 2 странице II главы.

Пред. Вам. Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 43.

1897, ноября 2 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам корр. о Сибирском Сев[ерном] пути для напечатания в «Р. труде». Переписывать ее время не имею, за что и извиняюсь. Она прочитана директором фирмы «А. Кузнецов и К^о» г. Долбышевым. На полях рукописи Вы найдете его заметки, которые к печати не назначаются.

Я не совсем понимаю, что вызывает Ваше сочувствие в заметке г. Зензинова²⁴. Покровительство для русской промышл[енности] дело хорошее, но только тогда, когда оно действительно покровительство, а не запрет иностран[ным] товарам, позволяющим местным промышленникам брать цены за товары, какие им угодно. Генерал-губернатор Духовской²⁵, полагаю, лучше знает дело, когда ходат[айствует] за оставление порто-франко²⁶. Иначе там цены на все товары привозимые будут прямо безбожными.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 44–44 об.

№ 9747 срок 12/22 января 98 г.

Москва. Ноября 12 дня 1897

Вексель Сер. Рус. 500

От сего двенадцатого ноября тысяча восемьсот девяносто седьмого года чрез два месяца по сему моему векселю повинен я заплатить в С.-Петербург московскому 1-й гильдии купцу Николаю Мартемьяновичу Чукмалдину или его приказу пятьсот рублей, которые я получил от него товаром сполна.

Губернский секретарь Сергей Федорович...

1897, ноября 15 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вчера и сегодня я по три раза заезжал к гг. Морокину и Красильникову, но ни того, ни другого не заставал. Сегодня вечером прошу г. Морокина к себе приехать.

Выпросил сегодня у Каменского²⁷ для Вас 300 р., также с возвратом в январе. В понедельник и переведу Вам. Я не знаю, что сделали Морокин и Красильников.

P.S. Посылает Вам 25 р. Кельин.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 46.

1897, ноября 17 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня я виделся с г. Морокиным. Денег для Вас найдено: от А.Ф. Морокина 200, Балина²⁸ — 200, А.Г. Каменского — 300, Чукмалдина — 200. Всего 900.

Все эти деньги Вам даются срочно, платежом в январе 1898. Для сего посылаются Вам векселя для подписи на 900 р., которые прошу Вас, подписав, мне возвратить, и я немедленно переведу Вам эти 900 р.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 47.

1897, ноября 17 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я разослал все №№ 46 и, пожалуй, надо бы еще 25 №№. Разошлю и их.

Дайте мне письмом Вашим полномочие принимать подписку на 1898 год. Я думаю, что соберу Вам несколько десятков подписчиков.

Ответ мой Лялину²⁹, пожалуйста, напечатайте в № 47-м.

Деньги 900 р. переведу Вам 19–20 с/м по получении от Вас векселей.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 48.

1897(?), ноября 21 — Н.М. Чукмалдину

СПб.

Многоуважаемый Николай Мартемьянович!

Векселя Вам посланы, но денег еще не получено. К великому сожалению, послать Вам № 46 еще 25 экз. не могу иначе, как неполных, т.е. без последних 4 страниц и частью без обложки. К сожалению, печатал этого № очень мало, и все разошлось. Остается экз. 50, так как идет подписка, то для комплектов[ания]. Ваше письмо³⁰ будет лучше всего вырезать из № и послать кому следует.

Красильников пишет, что собирает деньги. Знаю, что увидеть его трудно, но попытайтесь еще раз и велите ему передать собранное Вам, а то от него не дождешься.

Преданный Вам Шарапов

Д. 1037, л. 48 об.

1897, ноября 21 — Шарарову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы не волнуйтесь и подождите до завтра моего перевода денег. Не я виною, что вчера не сделано перевода. Мне поставлено условие, которое я обойти не могу. Если оно не разрешится сегодня, я завтра переведу Вам 500 р. от себя и Каменского.

Дайте же мне право принимать подписку на 1898. Я уже имею двух подписчиков, но далее затрудняюсь принимать эту подписку.

Не забудьте напечатать мой ответ Лялину.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Нет у меня ни одного 45 и 46 №№ Вашего журнала.

Д. 1037, л. 49.

1897, ноября 22 — Шарарову С.Ф.

Москва

Заказное

Уважаемый Сергей Федорович.

Прилагаю при сем перевод денег Р. С. 500, сделанный от 4 лиц — Морокина, Балина, Каменского и меня, каждого по 125 р. Сообща сегодня решено, что за сделанными г. Красильниковым публикациями в 7 газет Вам денег больше и не потребуется. Посему вексель в 400 р. Вам я возвращаю.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 50.

1897, ноября 22 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Торопясь скорее послать Вам перевод, я забыл вложить Ваш вексель на 400 р., который теперь оказывается лишним. Прилагаю его.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 51.

1897, ноября 25 дня — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прилагаю пока подписку на 8 экз. на Р. С. 70. Потом буду стараться искать подписчиков еще.

Получили ли Вы посланный Вам обратно Ваш вексель на 400 р.?

Пред. Вам Н. Чукмалдин
№ 5001 — 8, 5002 — 10, 5003 — 8, 5004 — 8, 5005 — 8, 5006 — 8,
5507 — 10, 5008 — 10 р.

Д. 1037, л. 52.

1897, декабря 3 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы даете мне непосильные поручения. Передать письмо Гужо-
ну³¹ сегодня и сего же дня вам ответить. Письмо Ваше получено в
1 ч[ас] дня после биржи, я был дома только в 4 часа. Где я найду
Гужона?

Подписные деньги переведу.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 53.

1897, декабря 5 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю при сем всей принятой мною подписки Р.С. 94 и ор-
дер № 5011 на подписку для г. Емельянова.

Корректурa статьи г. Гужона передана через Вогау, но самого Гужо-
на поймать трудно. Его я не видал. Напишите от себя лучше письмо.

Вам собирается написать благодарственное письмо Виктор
Федоров. Кельин³², управ. делами «А. Трапезников и К°», за неко-
торые Ваши статьи, ему понравившиеся. Советую Вам пригласить
его в сотрудники «Р[усского] труда».

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 54.

1897, декабря 10 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я слышу здесь, что статья моя о Северн[ом] пути передана в
Отдел Торговли и Мануфактур в СПб. и будто бы признается с
приемлемым содержанием. Так это или нет, я не знаю, но мне хо-
телось бы иметь от Вас сведения.

Как идет у Вас подписка? Два-три слова напишите.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 55.

1897, декабря 17 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам 2 ордера на подписку № 5014 и 5015. Имею еще в виду подписку на 4 экземп[ляра] годовых.

Мне как-то не верится, чтобы подписка шла так туго, как Вы общаете. Здесь, по-видимому, многие относятся к Вам с сочувствием. Сообщайте мне, пожалуйста, как пойдет Ваша подписка дальше. Снятие с Вас наказания (объявления)³³ ведь это признак хороший?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 56.

1897, декабря 28 — С.Ф. Шарапову

Любезный Сергей Федорович.

Посылаю еще 9 годовых подписчиков. Условия приема объявлений прошу выслать.

27 дек. 97.

Условия те же, что печат. циркуляре.

Всю пользу 30%.

28/XII 97.

Д. 1037, л. 57.

1897, декабря 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Если у Вас мало места в 1-м № журнала для двух моих корр., то предпочтите напечатать прилагаемую — о металлах, а о чае напечатаете в № 2-м³⁴. Если же можно, напечатайте обе, ибо и та и другая касаются особенно теперь интересных вопросов наших промышленного и торгового мира.

Красильникова не только Вы, а даже я, живущий в Москве, никак не могу не только поймать, а даже не могу получить ответа на мои письма. Что с ним такое, право, не разберу. А человек он очень хороший.

О подписках на Вашу газету не вздыхайте. Мне сдается, что все поправится. Ведь Вы подумайте только, что русский человек все пока откладывает вот уж да завтра, а потом предостережение, прочитанное всеми, действовало, конечно, охлаждающим же образом. Я не знаю, сколько дали Вам подписчиков Морокин и Титов, а надо бы и им похлопотать в своих районах.

Будьте же живы и здоровы.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Я только что закончил это письмо, как заходит ко мне Николай Вас. Мешков, пермский купец³⁵. Я ему рассказал Ваше экон. положение. Он тотчас же передал для Вас 100 р. Вот видите, как не надо терять духа и надежды.

Д. 1037, л. 58–58 об.

1898, января 6 – Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Завтра придет Вам г. Кельин большую статью (ответ «Моск[овским] ведомостям»), которая очень интересна, но она займет много места в №. Посему мы вместе с Викт. Федор. Кельиным решили просить Вас напечатать приложением к № 6-му и разослать ее Вашим подписчикам. Вероятно, это потребует ден[ежных] расходов, то Вы подсчитайте сумму и дайте ему телеграмму, имея в виду дать ему еще отдельно 100 оттисков.

Преданный Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 59. <...>

1898, января 8 – С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

1. Пришлите мне немедленно рукописи: а) Смоленск, б) корр. об иностранцах и Полякове, в) корр. г. Владимирова.

2. У меня остались №№ «Р. т.» такие: 8 – 1 экз., 10 – 1, 22 – 8, 34 – 4, 36 – 21, 40 – 1, 48 – 4, 49 – 16.

Не послать ли их Вам?

3. Сенат прав[ительствующий] ответил мне на мое ходатайство отказом³⁶, не дождавшись присылки остальных документов и указав, что при дальнейшем ходат. нужно приложить мое метрич[еское] свидетельство. На днях я пришлю Вам копию указа Прав. сената.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 5–5 об.

10.01.1898 – В.Ф. Кельину

Уважаемый Виктор Федорович.

Посылаю Вам письмо и корresp. из Рима г. Владимирова³⁷, с предложением напечатать ее в 3 № «Р. т.». Если же Вы ее не печатаете почему-нибудь, то прошу немедленно ее мне возвратить.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 6.

1898, января 8 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы присылаете мне много №№ «Р. труда», и я не знаю, что с ними делать. До 1 янв. я их все рассылал, куда мог, в качестве рекламы, а теперь надо делать это редко. Вы сами рассылаете номера подписчикам, мною принятым?

Судя по добавлению к 1-му номеру Вашего журнала, я могу думать, что подписка у Вас идет хорошо. Так ли это, я просил бы Вас мне написать.

Пред. Вам Н. Чукмалдин.

Посылаю ордер на «Р. тр.» № 5022.

Д. 1037, л. 60.

1898, января 14 — Шарапову С.Ф.

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прилагаемую корр[еспонденцию]³⁸ я просил бы Вас напечатать по особенной надобности в № 3-м «Р. труда», не откладывая ее до № 4.

Пред. Вам Н. Чукмалдин.

P.S. Сколько у вас подписчиков?

Д. 1037, л. 61.

[1898, первая декада февраля] — С.Ф. Шарапову*

Уважаемый Сергей Федорович.

Пришлите мне, пожалуйста, «Р. труд»: № 2 — 10 экз., № 4 — 10 экз., № 5 — 50 экз.

Затем надо бы оговорить в ближайших номерах «Р. т.», что цифры в моей корр. № 2 ошибочно помещены после слов: «что у него

взимается	45	Их надо читать:	30
	60		50
	85		65
	1-70		50».

Я скоро Вам пошлю заключительные три главы моих очерков Иерусалима VIII, IX и 10. Теперь же, если можете, подыщите к тек-

* Датируется по содержанию. Ошибка сделана во второй по счету публикации (Письмо X) за 1898 г. в номере от 10 янв. См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы: вырезки из очень старых газет. Тюмень, 2011. С. 238.

сту рисунков хороших по меньшей мере, десятков или более. На это я ассигную от себя рублей 50–60.

К рассказу «Мое младенчество» у меня есть фотография той избы, где я учился, и дома в деревне, где я жил. Теперь их нет, они сгорели. Не удобно ли поместить и их в текст? Или это неудобно, как бы точно занимать людей, как чем-то важным, что дорого только для меня одного? Если можно, напишите мне обо всем выше изложенном.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 165–165 об.

1898, февраля 7 — С.Ф. Шаранову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю при сем ордер № 5032–5035 по подписке на газету.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 62.

1898, февраля 9 — С.Ф. Шаранову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович*.

Сегодня послана Вам статья г. Кельным, и, мне кажется, надо сделать так, как я Вам писал в предыд[ущем] письме, т.е. напечатать ее в приложении к № 7-му.

Посылаю Вам мой доклад, прочитанный на совещании о С[еверном] пути 27 января. Я его как-то захватил у Вас с собой.

Ну как же идет подписка на «Р[усский] труд»? Сообщите, пожалуйста, о количестве подписчиков.

Моя статья о чае в последнем № «Р[усского] т[руда]» вызывает здесь большие толки.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 63.

1898(?), февраля 10 — Н.М. Чукмалдину

Уважаемый Николай Мартемьянович.

Ради Бога не сердитесь на меня за неаккуратность. В эти дни приходилось, с одной стороны, усиленно хлопотать, с другой — еще раз более усиленно работать. Собрался проехать в Москву, но не могу тронуться, потому что жду повестки от министра в[нутренних] д[ел]. Я был у него, но он мне сказал, что со мной будет подробный и боль-

* В документе «Александрович».

шой разговор. На письме ничего не упишешь, но приеду и все расскажу. Сейчас кончаю подготовку к печати Ваших воспоминаний. Дело вот в чем. «Беглого солдата Скрыпы»³⁹ было напечатано очень мало сверх подписчиков, и все разошлось (сколько у Вас — не знаю). Я хочу обе вещи соединить вместе и напечатать одно в виде продолжения другого. Напечатаю сверх нормы для подписчиков еще 1200 экз. Уверен, что пройдет все по цене 30–40 коп. Будет листов 5. А тот, кто прочтет эти Ваши воспоминания, пожелает прочесть «Скрыпу», а у меня почти ни одного экземпляра не осталось. Между тем из нынешних 2300 подписчиков (платных) только 800 старых, остальные все новые и «Скрыпу» не читали.

Издание будет очень парадное. Поставлю сделанную картинку Тюмени.

Закрытие «Р[усского] тр[уда]»⁴⁰ на месяц сделало большое впечатление, и за меня дружно хлопочут разные люди. Подробно все расскажу при свидании.

Ваш Шарапов

Д. 510, л. 7–9.

1898, февраля 11 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вчера я виделся с А.А. Пороховщиковым и кое-что обсуждал с ним по поводу Вашего проекта — издания журнала с газетою. Расчеты Ваши, может быть, и верны, если будет 5000 подписчиков, но весь вопрос в том: будут ли они? Мне кажется, надо бы считать так: на 1 год (1899) — 2000, на 2 г. — 3000, на 3 год — 5000, на 4 г. — 8000, на 5 год — 10000. Принимая это в расчет, и следовало бы составить счет убытков-прибыли по каждому году. Я набросал наскоро программу цифр и прилагаю ее. Проверьте их, исправьте, как можно ближе к действительности, и пришлите мне полный проект-смету и проект т-ва с основным капиталом в 30 т. р. паях по 1000 р. каждый. Формальное т-во, пожалуй, неудобно, но оно все-таки должно быть скреплено домашним условием. Я думаю, что так могли бы взять: А.А. Пороховщиков — 3, Н.А. Найденов⁴¹ — 1, А.В. Морозов⁴² — 1, И.К. Поляков — 1, Н.А. Балин — 1, И.Н. Филиппов — 1, Т^о Богор. м-ры — 1, Л.Ф. Морокин — 1, Н. Чукмалдин — 1, А.Г. Каменский — 1, А. Баранов — 1, А.Е. Владимиров — 1, А.Е. Кухтерин⁴³ — 1, Молчанов, Печорин — 1, Токмаков, Молотков — 1, Варв. Ал. Морозова — 3.

1899

Подписчиков — 2000, розница — 1000 (3000).

Тип. и бумага — 5226 р.; две газеты 3000 экз. — 13500 р.; редакция — 19500 р., контора и экспед. — 5910 р., объявления и прилож. — 1864 р. Всего 46000 р.

2000 подп. по 6 р. 56 к. — 13120 р., 500 журналов по 15 к. — 3900; 1000 газет по 2 к. — 6000, объявления 20 р. в д. — 7000 р. Итого 30000 р.
Убытки 1 г. — 16000 р.

2 год

Подписчиков — 3000, розница — 1000 (4000).

Тип. и бумага — 5816 р.; две газеты 4000 экз. — 14600 р.; редакция — 19500, контора — 6250 р., объявления и пр. — 1864. Всего 48000 р.

3000 подп. по 6 р. 56 к. — 19680, 750 журн. по 15 к. — 5850 р.; 1000 газет по 2 к. — 6000, объявления 30 р. в д. — 10500. Итого 42000.
Убытки 2 года — 6000 р.

3 год

Подписчиков — 5000, розница — 1000 (6000)

Все ваши цифры — 52000, польза — 8600.

5000 подп. по 6 р. 56 к. — 32800, 1000 журн. по 15 к. — 7800, 1000 газ. по 2 к. — 6000, объявления 40 р. в д. — 14000 р. Итого 60600 р.

4 год

Подписчиков — 8000, розница — 1000.

Тип. и бумага — 8216 р.; газета 8000 экз. — 19600 р.; редакция — 19500 р., объявления — 1864 р., контора — 6920 р. Всего 56100 р.
Польза — 24180 р.

8000 подп. по 6 р. 56 к. — 52480 р., объявлений — 14000 р.; 1000 номеров газ. по 2 к. — 6000 р., 1000 тир. по 15 к. — 7800 р. Всего 80250 р.

5 год

Подписчиков — 10000, розница — 1000.

Тип. и бумага — 9776; газета 12000 экз. — 23400; редакция — 19500, контора — 10440. Всего 63116. Польза — 30294.

10000 по 6.56 — 65600, 1000 розн. — 7800. 1000 газет — 6000, объявлений — 14000. Итого 93410.

Сч[ет] приб[ыли]-уб[ытки]

Убытки: 16000 — 1 года, 6000 — 2 год, 0 — 3 год, 0 — 4 и 5 годы.
Итого 22000 р.

Прибыль: 1 год — 0, 2 год — 0, 3 год — 8600, 4 год — 24180, 5 год — 30294. Итого 63074 р.

Сальдо пользы — 41074 р.

Пользы в среднем за год — 8125 р.

Стало быть, надо собрать основы наличного капитала — 30000, с которым только и можно приступить к изданию газеты-журнала в обширных масштабах.

Пожалуй, можно бы добавить, что затраты пайщиков и их риск, в случае удачи, погашается сполна так из прибылей чистых:

а) на 3 год им выплачивать:

I. % на 30000 р. по 6% за 3 года 5400 р., погаш. 00, Вам — 3200 р.

II. На 4 г. % на 30000 р. по 6% за 1 год — 1800 р.; погаш. 40%—12000 р.; Вам — 10380 р.

III. 5 г. % на 18000 р. — по 6% за 1 год — 1080 р., погаш. 60% — 18000 р. Вам — 11214 р.

б) Потом в течение следующих 5 лет выдается премия за риск в размере трети чистого дохода тем же пайщикам, а две трети поступают г. Шарапову.

Но не слишком ли большие цифры я взял подписчиков? Не лучше ли составить проект на 10 лет вместо 5 лет с подписчиками: 1 год — 2000, 2 — 3000, 3 — 4000, 4 — 5000, 5 — 6000, 6 — 7000, 7 — 8000, 8 — 9000, 9 — 10000 и 10 — 10000, с прибавкой на каждый год по 1000 для розницы. Из чистой пользы также погашать:

а) % по 6% в год на капитал;

б) погашение капитала;

в) премию пайщикам $\frac{1}{3}$ чистой прибыли из остатков после погашения % и погашения капитала;

г) Вам — $\frac{2}{3}$ чистой прибыли.

Кому еще предложить больше, я не знаю, как не знаю, наверное, пойдут ли все в пайщики намеченные мною лица. В этом случае припадайте к стопам А.А. Пороховщикова. Он Вам поможет много, как в Москве, так и в Петербурге. Здесь надо поднять на ноги К.С. Красильникова во что бы то ни стало. Я думаю, что Вам надо написать умелое письмо и А.Ф. Морокину. Ну, поворчит, побранит, а все-таки не откажется помочь. Ведь Ваша газета, кроме польского вопроса, отвечает же во многом его убеждениям.

Вот все пока главное.

Пред. Вам Н. Чукмалдин.

P.S. Как жаль, что Вы заслужили опять наказание. Ваша форма порицания не годится, она резка, а отсюда и крайняя, а ведь в крайности не всегда и правда самая.

Д. 510, л. 10–13.

1898, февраля 13 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Быть может, Вам и неприятно, но, не лукавя сердцем, должен Вам высказать прямо, что Вы сделали крупную ошибку, поместив Вашу израильскую статью⁴⁴ в 6-м №. Вы не только получили ма-

териальное наказание заслуженно, но Вы много потеряли в мнении всех благоразумных людей — Ваших читателей. Имейте в виду, что весь склад Вашей газеты — серьезные речи, высказываемые серьезным, сдержанным языком, который читают люди, которым не до смеха и балагурства. А тут вдруг Вы заговорили тоном, извините меня за сравнение, тоном, близким к языку «Моск. листка»⁴⁵. Остроумие — хорошая вещь, но оно никогда не должно переходить известной черты, если хочет оставаться остроумием. Если это шутка, то для шутки Ваша свобода слова убивает... автора.

Я не знаю, сознаете ли вы Вашу ошибку и хорошо ли было, если бы Вы ее сознали, чтобы в будущем времени не повторить ее.

Вчера дал мне слово быть у меня И.К. Поляков и не был. Я с ним имел в виду пообсуждать проект о Вашем предположенном т-ве. Но как-нибудь, спустя немного времени, я поговорю с ним все-таки.

Что же Вы ничего не пишете по поводу статьи В.Ф. Кельина. Это нужно. Я вновь вам напоминаю, что он готов заплатить расходы печатания в приложении, и Вам надо завербовать его в сотрудники, ибо он человек хороший.

Если Вы составите проект т-ва в том ли виде, как думали Вы раньше, или несколько скромнее, как пишет мне А.А. Пороховщиков, пришлите мне его пока для рассмотрения. Потом, пообсудив его сообща, Вы напечатаете его копирным способом для раздачи людям, Вам сочувствующим.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 14–15.

1898, февраля 16 — С.Ф. Шаропову

Москва

Уважаемый Сергей* Федорович.

Спешу ответить на Ваше письмо [от 14 с/м].

Мой доклад напечатайте, пожалуй, рядом со статьей Кельина. Что это будет стоить, пришлите ему и мне счет. Мы заплатим.

Потом путешествие и воспоминания, пожалуй, тоже издайте и отдельной брошюрой, но только на хорошей бумаге и с рисунками, какие Вы обещали подыскать. Отсюда я пришлю Вам рисунок той избы, в которой я учился грамоте. Все расходы я заплачу.

Вы, конечно, не сердитесь на меня, что я послал письмо в СПб.⁴⁶, напечатанное там в № 43. У Вас и так мои письма идут своим чередом.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Жду Вашего проекта.

Д. 510, л. 16.

*В документе Виктор.

1898, февраля 17 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Чтобы не забыть, я думаю, подписку на буд[ущий] год на Вашу газету надо подготовить к Н[ижегородской] ярм[арке], т.е. пустить объявления о подписке до Н. ярм. ну хоть в своей газете, что Вы принимаете подписку на остальную четверть года, или $\frac{1}{4}$ года, и принимать подписку также и на 1899. Потом заготовить полсотни подписных книжек-ордеров и раздать их к ярмарке для принятия подписки след. лицам: Полякову, Назарову К.И., Мешкову Н.В., Каменскому, Владимирову, Швецову, Кельину В.Ф., Оловянникову, Армер И.А., Богор.-Глух. мануф., Осипову А.П., Чукмалдину, Купеч. банку, В.К. банку, О-ву москов. приказчиков, Игнатову И.Ив., Чирикову Мих. Гавр., Бр. Джамгаровым, Вогау и К°, Титову А.А., Кухтерину А.Е., Шавкину Як. Ив., Шимко А. Ив., Макушину П.И., ред. «Ирбит. листка»⁴⁷, Баранову Иосифу, Орлову С.Я., К. Прохорову, П. Митрофанову, Расторгуеву, Филиппову, Шемшуриным и проч.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 19–19 об.

1898, февраля 18 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я все еще сержусь на Вас за Ваше крайнее юдофобство, не знающее предела, хотя вчера завербовал еще новых участников: на пай в 1 т. р. фирму Токмакова, «Молотков и К°»⁴⁸. Разрабатывайте проект К° и проект договора — простого и конторского — между Вами и пайщиками и шлите сюда для проверки.

Право, некогда писать больше.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 20.

1898, февраля 19 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович!

Я эти дни ходил совсем потерявши голову. Масленица, в типографиях пьянство, и едва-едва выпустил №. А тут еще мой доклад и брошюра. Брошюра эта издается на средства Бутми⁴⁹. При № 8 выйдет брошюра Кельина «Северный морской путь». Очень бы было хорошо присоединить к ней и Ваш доклад⁵⁰. Было бы одно стройное целое. Если Вы не отмените этого распоряжения, я так и сделаю. Точно так же будет приложено к номеру и пушено в про-

дажу отдельной брошюрой по 20 к[опеек]. Этим вопросом интересуются, и брошюра может пройти. Затем мне хочется, также не деля и не дробя, пустить две Ваши вещи: путешествие и воспоминания. Надеюсь, что выйдет вполне хорошо. Вслед затем пойдет тоже особым приложением прекрасная вещь, присланная князем Щербатовым⁵¹ (президентом Москов. об-ва с/х), «Наша государственная программа». Я написал ему, что прошу расходы принять на его счет. Тогда это будет огромный выигрыш для газеты без всякого отягощения для бюджета. Так и пойдем дальше.

В Вашем последнем письме Вы меня браните за шутки. Очень все это верно, что Вы пишете, но дело в том, что шутка, вроде, хлыст, которым я их бью, сто раз действительнее всякой серьезной статьи. Я был у министра внутренних дел и вот что у него услышал (буквально). Я спрашиваю: «В. в-ство, читаете “Русский труд”?» — «К сожалению, не могу найти времени, но один отдел всегда читаю». — «Какой?» — «Шутки ради!»⁵². Вот почему, между прочим, с нового года у меня «шутки ради» в каждом номере. Москва серьезна, нет спору, но чтобы здесь сделать что-нибудь, нужно заставить себя прежде читать. И вот все эти шутки ходят по городу, за шуткой о царе иудейском прислали взять три номера «Из дворца». Я не имел права продать, но дал даром. Дорого стоит мерзавцу Ротштейну⁵³ и его покровителям эта шутка. В ней нельзя разобрать, что правда и что вздор, но правда то, что 120 чел. в 4 часа прожрали и раскидали 50000 р.

Я совсем не увлекаюсь и не тешу себя этими шутками, но я вижу их страшное действие. Разумеется, надо полегче, сам знаю.

Подписка немного прибавилась с запрещения продажи. Кстати, это запрещение недели на две — мне уже сказано. Сейчас число подписчиков всех вместе, уплативших деньги, дошло до 900. Дойдет к концу года до 1200–1300. Но если теперь я мог бы сделать объявлений, можно бы догнать и до 2000 экз.

Смету надеюсь выслать Вам, согласно сделанным указаниям, дня через два или три.

А пока крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 17–18.

1898, февраля 21 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Как видите, подписчиков для Вашей газеты я получил уже 40, и буду продолжать вербовать их, как только возможно. Присылайте мне еще книжку для приема подписки.

Я думаю, Вы прислали бы мне в запас 2–3 книжки для раздачи моим знакомым, сочувствующим Вашей газете.

Я сегодня получил удивительное письмо, касающееся старообрядчества. В одной губернии, по распоряжению дух[овной] консистории, полиц[ейский] чиновник забрал у старообр[ядцев] их модельные иконы, книги, листовки и проч., все это препроводил в консисторию. Я прошу у автора позволения препроводить это письмо Вам. Тогда перешлю его в оригинале.

Ну как, помирились ли Вы с Морокиным и вообще, переписываетесь ли с ним? Если нет, то надо бы построить мост примирения.

Преданный Вам Н. Чукмалдин

P.S. Кельин и я ждем счет расходов по изданию приложения к «Р. труду». Мы Вам пришлем тогда деньги. А какой хороший человек В.Ф. Кельин, и как он много Вам сочувствует и обещается помогать и в дальнейшем пути «Р. труду».

Н.Ч.

Д. 510, л. 21–21 об.

1898, февраля 22 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович.

Простите за неаккуратность в ответах. Дела было по горло и выше горла, а тут еще прихворнул слегка. Совсем было невозможно заняться сметой и проектом договора. Теперь выпустил номер и засаживаюсь за работу. Я думаю, что эти документы сам Вам привезу вместе с собственной персоной, на этих днях.

Посылаю Вам вырезку из «Торгово-промышленной газеты»⁵⁴. Вот как начали «Русским трудом» заниматься! Это для начала хорошо. Я думаю, Вам необходимо ответить.

Книжечка вышла очень удачно. В.Ф. Кельин нечаянно коснулся одного великого жульничества, о котором я уже знал — взятки в 100000 р.

Счета на брошюру еще не получил. Получу — немедленно вышлю. Свободной брошюры у меня остается около 1000 экз. Надо бы ее пустить по Сибири для привлечения читателей. Не приложите ли ее к «Сиб. тор. газете»⁵⁵?

От Морокина получил сердитое письмо, но Вы не бойтесь. Нашей с ним дружбы ничто не разобьет.

Ваш Шарапов.

Д. 510, л. 22.

1898, февраля 23 — С.В. Жевакин редакции «Русского труда»

Москва

В редакцию «Русского труда» в С.-Петербург.

Покорнейше прошу редакцию переменить адрес Сергея Ивановича Жевакина⁵⁶ как подписчика. Прежний его адрес был: Москва, Мясницкая, д. Поскина, а по настоящему адресу прошу адресовать так: Мясницкая, дом Лотомновой. С.М. Жевакину, квар. № 23. Москва.

С почтением С. Жевакин

Д. 510, л. 23.

1898, февраля 24 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой и многоуважаемый Николай Мартемьянович!

При этом посылаю Вам смету совершенно переделанную на иных, весьма дельных (верьге мне) основаниях. Все дело в рекламе, а наилучшая реклама для «Русского труда» — это показать товар лицом. Я давно думал о таком плане: до 1 октября вести, как ведем. С 1 октября переходить на ежедневную форму и сразу всю последнюю четверть года рассылать по всем городам России в количестве 20 т. экз. В каждый из 3000 городов попадет по 3 экз. в лучшие руки землевладельцев, купцов, промышленников и т.д. Дело будет перед самой подпиской, и я думаю, что нужный для сметы следующего года состав 5000 подписчиков будет собран. В эти 3 месяца люди успеют ознакомиться с газетой и оценят ее настолько, чтобы выписать. Имейте в виду, что это будет уже газета ежедневная, т.е. вполне могущая заменить собой другую газету.

Прилагаемая смета так и составлена. Паевой капитал принят по Вашему указанию в 30 т. р. Добавлять не придется, а с третьего года уже начнется его погашение.

Договор я еще не писал. Смета написана специалистом, тонким знатоком дела. Весь вопрос, будет ли 5000 подписчиков. Почти уверенно говорю, что с помощью рекламы в виде рассылки 20000 лиц и учреждений — будет. Ведь другой такой газеты у нас нет.

На этих днях получаю обратно розничную продажу № 8 — произвел очень сильное впечатление, но грозы никакой не вызвал. Витте, напротив, был доволен.

С договором надеюсь сам приехать. Насчет Пороховщикова объяснять, думаю, нечего. Спасибо, что исполнили мою просьбу, а теперь исполните и другую. Переведите мне за новых подписчиков и по прилагаемому счету 100 р. Я дал 100 и еще дам Пороховщикову, и этого будет довольно. Сейчас подписчиков с Вашими и

Пановскими около 1000 чел. Последние дни подписка в Петербурге прибавилась. Это вследствие запрета розницы.

Ваш С.Ш.

Д. 510, л. 24–25.

Имея паевой капитал в 12 т. руб., можно вести дело без всяких затруднений в течение 1898 и 1899 годов, а с 1900 года, когда число подписчиков перейдет за 3000, можно постепенно выплачивать или дивиденды, или погашать капитал примерно по 3–4 т. в год.

Собрав капитал в 20 т. р. и употребив его на расширение дела и рекламу, можно довести подписку до 3000 уже в 1899 году и начать выплату с этого года.

Положение дела

Наличных денег около 700 р.

Ожидается в теч. года прихода 4000 р.

Итого 4700 р.

Необходимо до конца года:

типография в месяц — 500 р. — 9 м. — 4500

квартира — 100 — 900

личное мое содержание — 300 — 2700

сотрудник — 150 — 1350

контрощица — 30 — 270

гонорары по 40 р. № — 39 номеров — 1560

почта 3 взноса по 500 — 1500

фальцовка пр. 20 р. номер — 39 номеров — 780

непредвид. расходы — 440

итого 14000

долг Пороховникову — 1200

всего 15200. Вычитая 4700, остается 10500.

Аренс И.А. — 1, Филиппов — 1, Н.М. Молчанов — 1, Кухтерин — 1, Стахеев — 1, Балин — 1, М.А. Морозов — 1, Игнатов И.И. — 1, Швецов А.В. — 1, Бари А.В. — 1, Гужон Ю.П. — 1, Пороховников — 3, Н.М. Чукмалдин — 1, Токм., Молчанов — 1, Каменский А.П. — 1, Арс. Ив. Морозов — 1, Ал. Лук. Лосев — 1, Прохоров С.И. — 1, Моркин, Кельин — 1, Владимиров — 1, Реутовская — 1, Бол. Яросл. — 1.

Д. 510, л. 156, 157, 158.

Проект организации товарищества по изданию газеты «Русский труд» (фрагмент)

Смета по изданию «Русского труда» в его настоящем виде, но с ежедневными приложениями в формате газеты «Свет» и с удержанием той же подписной цены в год 8 р.

1. Типография и бумага

а) еженедельный номер: набор — 40 р., типограф. корректура и часовые работы — 10, печать до 6000 экз. — 18, бумага 13 стоп по 5 р. — 65. Итого 133 р. За 52 номера 6916 р.

б) ежедневный номер (формат и бумага «Света»): набор — 25 р., типограф. корректура и часовые работы — 5, печать за 6000 экз. — 3 — (12), бумага по 3 р. 50 к. — 22. Итого 71 р. За 300 номеров 6800.

II. Редакция

Жалованье редактору 400 р. — 4800

Жалованье помощ. ред. 250 р. — 3000

Жалованье сотруднику 150 р. — 1800

Жалованье корректору 100 р. — 1200

Телеграммы 150 р. — 1800.

Гонорары 75 р. номер еженед. и 10 р. номер ежедн. — 6900.

Итого 19500.

III. Контора и экспедиция

Заведующий конторою — 100 — 1200

Две барышни по 35 — 10 — 840

Два сторожа по 15 — 30 — 360

Квартира редакции с отоп. — 1200

Канцелярские принадлежности — 300

Адреса (5000) по 10 к. — 500

Выписка книг и журналов — 300

Разъезды по делам редакции — 200

Фальцовка и отправка 52 номера по 10 р. — 520

300 номеров по 5 р. — 1500

Итого 6920 р.

IV. Объявления

Наименьшая годовичная сумма — 1500

V. Непредвиденные расходы — 364

Всего расходов 52000 руб.

Приход:

5000 подписчиков (8 р. — 1 р. 44 почта) — 32800

Объявления по 40 р. на номер. 350 номеров — 14000

Розн. продажа в день 1000 номеров по 2 к. — 20 р., за 300 номеров — 6000; за 52 номера по 30 р. — 1560.

Итого 54360 или 54000.

Таким образом, для оправдания всех расходов необходимо иметь 5000 подписчиков. Как ежедн. газету «Русский труд» необходимо выписывать при другой газете. Ежедневная, я полагаю, получит 5 тысяч, ибо газета будет довольно полная. Конкуренция ей со стороны нынешних листков едва ли будет серь-

езная, ибо уличные листки весьма надоели, а между тем в Москве газеты имеют свыше 5000 под. и объявлений много больше изображенной в смете суммы.

Сергей Шарапов

Д. 510, л. 160–161.

1898, февраля 26 — С.Ф. Шарапову

Москва

Господину Сергею Федоровичу Шарапову. СПб.

М.Г.

При сем прилагаю перевод бр. Джамгаровых за № 3437 Рв. 100.

С почтением Вам за *Н. Чукмалдина* [подпись нрзб.]

Д. 510, л. 26.

1898, февраля 27 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю ордера 5043–5044.

Г-н А.А. Пороховщиков прислал мне письмо и Ваш вексель для учета, хотя я ему и говорил, и писал, что не могу этого сделать. Не можете ли посоветовать мне, что с этим делать, даже прислав мне телеграмму.

Ответ «Торг. газете» готовлю и пришлю Вам. Оставьте в журнале местечко.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 27.

1898, февраля 28 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович! У Пороховщикова дела плохи, и он ежедневно осаждает меня с разнообразными предложениями и путевыми и непутевыми, вроде рассылки в виде особого приложения драмы и т.п. Насчет его векселя я вовсе не рекомендовал ему посылать его Вам для дисконта и вообще этими делами вовсе Вас не думаю беспокоить. Пошлите ему вексель назад, а насчет этой драмы «Белая неволя»⁵⁷ напишите коротко, что приложение ее предоставляете на мое решение, если я найду для этого средства. А средств я не найду, и дело с концом.

Какое впечатление произвела на Вас моя смета? Я думаю, что лучше пока ничего не придумаешь.

Огромное впечатление произвел указ(?) и рескрипт относительно 90 миллионов на флот. Витте ухитрился еще раз надуть, и

скверно надуть, государя. 1) Никакой свободной наличности нет, все это бухгалтерские фокусы и только. 2) Ассигнованные 90 млн. израсходовать нельзя, ибо никто заказов взять таких не может, все верфи обременены заказами, ибо все строят флоты, и мы едва можем заказать два больших судна. Так что все это пыль, пускаемая в глаза.

Но впечатление большое, несомненно. Витте командует положением и творит, что хочет. Можно предсказать, что в иностранных газетах будут хохотать над нашей ассигновкой.

Собираюсь проехать в Москву в понедельник. Не знаю, удастся ли, так как дел куча и не на кого оставить редакцию. Но, я думаю, что все-таки удастся урваться.

Очень досадовал на Вас, дорогой Николай Мартемьянович, за историю Дёрова⁵⁸. Можно ли теперь печатать такие вещи? Нас заливают иностранцы и дёровскую историю подхватят нам на смех. Да наконец, если вдуматься в действия тех лиц, что смеялись над Дёровым и не давали денег, право же, они не так виноваты. Потрудитесь начинать у нас какое-нибудь дело.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 28–28 об.

1898, марта 7 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прежде всего обращаю Ваше внимание, что № 9 получен подписчиками в Москве только 5 марта, в четверг. Заявите об этом в почтамт как можно настойчивее.

Потом разберите в вашей экспедиции, почему не посланы «Кноп Кастерин»⁵⁹ в Москве № 1–8, а прислан только один № 9.

Я прошу Вас прислать мне и г. Кельину брошюры «С. м. путь» 100 экземпляров.

Был у меня г. Морокин и крайне недоволен за Ваше пристрастие к полонофильству. Он даже как бы жалуется, что Вы не только не печатаете его корреспонденции, а даже не возвращаете их ему по его требованию. Я повторяю: надо Вам сделать шаг к примирению с ним.

Сию минуту получил Ваше письмо с приглашением приезда в СПб., которым воспользоваться не могу, хотя и благодарю за приглашение.

Книжку Вашу «Бумажный рубль»⁶⁰, если возможно, мне пришлите.

Прочитайте № «Моск[овских] ведом[остей]» от 6 марта, где обругали г. Кельина за его ответ «М[осковским] ведом[остям]». Он готовит им ответ.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 29–29 об.

1898, марта 12 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вторично прошу Вас прислать мне и В. Федор. 100 экз. брошюры «Северный путь».

Если Вы не напечатаете мою корреспонденцию о Дёрове, то прошу Вас немедленно мне ее перешлите.

Г. Кельин послал ответ «Московским вед[омостям]», но он что-то ими не печатается. На днях он поедет в редакцию «М. в.» и пострадает их известной статьей о печати. Я не знаю, читали ли Вы эти №№ «М. в.», где они ругаются против защитников С[еверного] пути. Если нет, напишите, и я пришлю Вам их.

Вчера опять я получил письмо от г. Пороховщикова. Меня это, наконец, удивляет, и я написал ему прямо, что его упреков по адресу моск[овских] богачей, я на свой счет не принимаю.

Подписные деньги за «Р[усский] труд», какие у меня находятся, после расчета с Вами, Вы не пишете, посылать их Вам или не посылать. Вероятно, как-нибудь Вы сами сюда приедете.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 30–30 об.

1898, марта 25 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Не забудьте исполнить:

1. Послать № 1–8 «Кноп Кастерину».
2. Прислать мне счет по изданию брошюры «Сев[ерный] путь».
3. Программу, какие нужно объявления от г. Метцель⁶¹ и на каких условиях.
4. Для г. Филиппова пришлите №, где о нем напечатано. Я пошлю ему от себя.

5. Пришлите мне выписку, с кого не получены в Москве подписные деньги. Я посоветуюсь с Кельиным и Красильниковым, и тогда напишу Вам о нашем мнении.

6. Адреса кожев[енных] заводчиков выписываются и будут вам посланы.

Н. Чукмалдин

P.S. Деньги 300 р. завтра переведу.

P.S. Прошу ни в каком случае не упоминать места (Пермь) и миссионера Луконина, если вы что извлечете из письма⁶².

Д. 510, л. 31.

1898, марта 29 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

1. Послал вчера Вашей сестре 5 шт. кирпичей чая. Всего каждого 2¹/₂ ф. Цена 40 к. фунт.

2. Я думаю, надо составить подписной лист для лиц, желающих дать деньги по участию в издании «Р[усского] труда». К г. Филиппову все еще посылаю с заднего крыльца. Авось и уладим. Кухтерина надо ждать в Москву приезда старшего брата Ал. Евграфов. В Китай Молчанову Кельин и я написали, прося участия. К Метцелю пойду в понед[ельник] или вторник.

В.Ф. Кельин передал мне 200 р.

Вчера переведено вам мною 300 р.

Не умею писать еще лаконичнее.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 32.

1898, марта 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Пробую сегодня послать Вам целых 3 корр. под бандеролью. Написаны они на одной стороне страницы. Если и это еще неудобно, то пришлите мне точный формат бумаги, для вашего набора удобный, и я буду на таком формате писать Вам мои письма.

Вторая моя корреспонденция под буквой А [2 сл. *нрзб. красн. каранда.*] немного задевает приемные комиссии [1 сл. *нрзб.*].

Если это резко, то зачеркните их названия в рукописи.

Я послал Вам уже 4 листа адресов кожев[енных] заводчиков. Вероятно, наберется еще листа 4–5.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 33.

1898, марта 31 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

1. Видел г. Метцеля. Он просит, чтобы Вы написали ему письмо с изложением условий, на каких Вы будете от него брать объявления. Какие цены на 1 и 2 страницы; какая цена построчная. Потом пришлите ему газету «Р[усский] труд».

2. Посылаю «М[осковские] вед[омости]», где бранят Вас как защитника Мельникова.

3. Пришлите мне 13 номера 25 экземпляров. Присланные №№ все разослал.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 34.

1898, апреля 1 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Понемногу фонд денежный увеличивается. Вот цифры: Н. Чукмалдин — 1000, Токмаков, Молчанов — 1000, Каменский — 1000, Кельин — 200. Всего 3200.

Написано мною и Кельиным Молчанову в Китай и, думаем, что там может состояться согласие на 1000 руб. А потом будет сюда А.Е. Кухтерин, которого надеемся уговорить дать нам 1000 р. О Филиппове так ничего еще сказать не могу.

Как подойти к Н.А. Найденову, а чрез него и к его близким людям. Это вы сделаете сами.

Счет на брош[юры] «Северный путь» 102 р. я записал от Вас. Половину, т.е. 50 р., от Кельина я получил.

№ 13 с почты только сегодня в Москве получен. Я разослал их все 25 номеров и теперь жду от вас присылки опять 25 №№.

Ну как идет подписка за последнее время на «Р[усский] труд»?

Я вчера читал большую выдержку из Вашей передовой ст. в «СПб. ведом[остях]». «Моск[овские] вед[омости]» молчат.

Г. Кельин послал Вам, по его словам, злую статью ответом ... «М. ведомостям». Надеюсь читать ее в 14 №.

У меня для номеров «Р[усского] труда» приготовлены 3 корр. — о кабаке, об обществе мел[кого] вз[аимного] кредита и в защиту промышленного класса⁶³. Когда перепишу и pošлю их Вам, я и сам еще не знаю. Вероятно, после Пасхи.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Не написать ли приглашение на 1000 р. А.А. Титову⁶⁴? У него, слышно, личное несчастье. Его избили в Ростове какие-то военные.
Д. 510, л. 35–35 об.

1898, апреля 3 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вторично прошу написать мне, получили ли Вы переводы от меня на 300.

Послал Вам ордер подписки 5050 и интересуюсь знать, как за последнее время идет у Вас подписка.

Здесь носятся слухи, будто бы М. финансов проектирует ввести в России казенную продажу чая. Не можете ли Вы сообщить мне, есть ли подобный слух в СПб., и нельзя ли узнать об этом повернее. Во всяком случае, я прошу Вас написать мне Ваше мнение.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 36.

1898, апреля 11 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вот Вам еще сотрудник — директор Тюменского реальн[ого] учил[ища] Иван Яковлевич Словцов. Посылаю его первую корресп[онденцию] «Надвигающаяся туча»⁶⁵, о чем он меня просит.

От себя посылаю «Моск[овское] о[бщество] вз[аимного] кредита» и кое-что о «стеаринов[ом] производстве». Последнее не лучше ли вам взять материалом для передовой статьи, чем печатать как корреспонденцию с моей подписью.

Статью о Дёрове, если Вы не напечатаете, я не буду претендовать на это и пожалею только, что не могу Вас убедить в верности моих убеждений. Пришлите мне ее обратно. Я пошлю ее в какую-нибудь другую газету.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 37.

1898, апреля 12 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович! Бога ради, не считайте меня очень большим невежей, если так долго молчал и даже с праздником Вас не поздравил. Причина — накопление дел на праздниках и, сверх того, приращение семейства. У меня 10-го родилась⁶⁶ дочь, и все это время я был как на вокзале. А тут пьянство в типографии,

а тут пришлось имение спасать от аукциона. Вы себе представить не можете, какую пережил каторгу. Но всему бывает конец.

Кельина возражение печатаю особым приложением⁶⁷, вместе с очень интересной французской лекцией Шабри «Изложение денег». Выйдет при № 15 или 16.

Положение крайне напряженное. Здесь, должно быть, скоро крах огромный. Держитесь.

Читали Вы, как меня в «М[осковских] вед[омостях]» отдал Антоний? Но и ему не поздоровится.

Хотя и поздно, поздравляю Вас и крепко жму Вашу руку.

Ваш Шарапов

Д. 510, л. 38.

1898, апреля 15 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я недоволен, что Вы делаете ваши вставки в корр. за мою подпись и подчеркиваете там, где этого у меня не было. Лучше было бы, если бы Вы сделали редакц[ионные] примечания особо. Все это касается корр. моей в № 15-м⁶⁸.

С уваж. к Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 39.

1898, апреля 20 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Если Ваш ответ епископу Антонию⁶⁹ пройдет благополучно, то у Вас будет на 100 подписчиков больше. Мне нравится Ваша сдержанность в выражениях <...>. Прошу Вас прислать мне по два номера журнала 10, 11, 12, 14, 15.

Напишите скорее дальнейшее развитие Вашей мысли о сближении с Англией и увлечении Дальним Востоком. Тема верная и благодарная. Интересно было бы прочесть, что именно напечатала английская газета по поводу Вашей статьи.

Я думаю, Вам надобно готовиться к полемике с «Моск. ведомостями». Газета, вероятно, выступит против «Р. труда» со всеми обычными своими приемами и инсинуациями.

Вот еще что бы я Вам посоветовал. Напишите горячее воззвание в пользу голодающих, и откройте в редакции «Р. труда» подписку в пользу их. Поместите от меня пожертвование 300 р. Я Вам тотчас их переведу. Это еще больше поднимет престиж журнала.

Сколько же теперь у Вас подписчиков? Меня дивит рост провинциальных газет. У «Сибир. жизни» 4200, «Урала» — 2000 и даже у тюменской маленькой газеты⁷⁰ 605.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 40–40 об.

1898, апреля 23 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам рукопись «Смоленск». Если рассказ годен для «Р. труда», то напечатайте его. В противном случае верните мне немедленно обратно. Я пошлю его в другую газету.

Снова и снова прошу Вас возвратить мне корр. о Дёрове.

Что-то давно вы не писали мне ни слова. Знаю, что у Вас нет на переписку времени, но как-нибудь урвите минуту-другую и напишите мне.

Теперь, пожалуй, долго не буду Вам корреспондировать, пока сами не запросите московских сообщений. А то, видимо, материалов у Вас так много, что Вам трудно становится находить им места в журнале.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Пишут ли Вам Ваши старые друзья — Морокин и Титов?

Корресп. «Гор. Смоленск» мне пришлите, по крайней мере, 50 №№ или оттисков.

Н.Ч.

Д. 510, л. 41–42.

1898, апреля 24 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович!

Вы совершенно угадали, что мне было очень трудно писать. Минуты не было свободной. За это время сработана очень крупная вещь, один экз., коей посылаю Вам, другой передайте Найденову, третий Арс. Ив. Морозову. Везде одно и то же. Разумеется, секрет полный. Записку Баранов должен сам передать государю, когда у нас установится единомыслие. Имени назвать Вам я не могу, но все есть. Кстати, меня там нет. Я остаюсь журналистом.

Дёрова Вам не посылаю. Я его скоро пушу со своим объяснением. В № 17 идет о Кред. об-ве⁷¹, в № 18 идет письмо о стеариновом деле⁷² и в приложении «Скрыпа», есть материал и на № 19. Но Вас очень прошу написать о наступающих затруднениях и о взгляде Москвы на финансовую политику.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 43.

1898, апреля 25 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам фотографию⁷³ той избы, в которой я учился грамоте. Фотограф[ия] снята мною 45 лет спустя после моего учения. Если Вы найдете уместным поместить ее в рассказы моего детства, то поместите в лучшем воспроизведении.

Я не знаю, как выйдет мой рассказ в печати — интересен или нет. Если да, то я написал уже половину «Моего отрочества». Желаю Вам успехов.

Н. Чукмалдин.

P.S. Ну сколько же теперь у Вас подписчиков?

Д. 510, л. 44.

1898, апреля 27 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я посылаю Вам бандеролью две мои корресп. — о кабаках и о Смоленске, а письма от Вас, получены ли они Вами — нет у меня до сих пор. Черкните хоть две строчки.

Я не знаю, как понять, что я пишу Вам мало. Ведь и времени нет свободного, и исписано уже столько, что Вы не успеваете печатать даже, а все тянет что-то писать и написать.

Вот еще что. У меня есть знакомый, некто Аполлон Емельянович Иванов. Служит он в правлении Брестск[ой] жел[езной] дороги. На тарифном деле собаку съел и не прочь у Вас сотрудничать. Я с ним об этом говорил. Не напишете ли Вы ему письма с приглашением о сотрудничестве? Факты у него из железнодорожной практики великолепные. Адрес его так: Тверская застава, д. Юрасова.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 45–45 об.

1898, не позднее 5 мая — Н.М. Чукмалдину*

Времена наступают очень тяжелые, дорогой мой Николай Мартемьянович; приходится быть страшно осторожным и все мало-мальски сомнительное выбрасывать. По моему ответу Антонию Вы могли видеть, как я осторожен. Ответ не только сошел благополучно, но

* Датируется по содержанию писем Н.М. Чукмалдина от 25 апр., дате отправки фото избышки, а также от 27 апр., в котором встает вопрос о судьбе корреспонденции «Г. Смоленск». Из настоящего письма просматривается решение обоих вопросов.

именно своей сдержанностью произвел наилучшее впечатление. Опасности никакой уже нет, но осторожность нужна вдвое. Правительство ведет игру на обмане государя, с каждым днем возвышая ставки. Голода нет, нет даже большой нужды. Реформируют Вольное эк. общество, т.е. ломают, устраняют всякое противодействие, делают борьбу за царя, за родину, за правду невозможной. Это ужасное время надо попросту пересидеть — развязка не за горами.

Теперь никакой подписки открывать нельзя и те 300 руб., которые Вы хотели пожертвовать, надо затратить другим образом. Я надумал сам лично поехать по голодающим и правдиво описать все, что увижу. А увидеть я сумею, уверяю Вас, и тогда посмотрим, кто окажется прав. Я уверен, что мои письма в «Р. тр.» принесут более пользы голодающим и большему числу, чем непосредственно розданные трем десяткам семей.

Редакционные доходы сильно истончали и на газетные средства до Москвы не доедешь. Ответьте мне, пожалуйста, угодно ли Вам эту Вашу жертву направить так, как я предлагаю? Если да, то я соберусь в середине мая и поезжу до половины июня, человек для замены меня есть.

Отвечу Вам на некоторые вопросы. «Скрыпу» печатаю. Фотографии избушки получил, клише заказал, будет помещено на обложке, чтобы не придавать чрезмерного значения, а, кстати же, и виднее. Немного позднее пойдет Ваше путешествие в Иерусалим. Летом оно лучше, летом много туда едет народу. Дёров идет теперь вместе с стеарином. Лежат еще Ваши два-три письма, которые все пойдут чередом, без пропуска. «Смоленск» мне по совести нравится. Он, как и все у Вас, написан очень здраво, тепло и просто (это великое теперь достоинство!), но позвольте быть откровенным, на меня, как на смолянина, он произвел то впечатление, что Вы мало видели. В Смоленске замечательно, кроме древностей, городское управление, взаимное страхование (чуть не бесплатное!), удивительный опыт с народным кредитом (Муромцев и его увольнение), а затем из древностей — архивы в башнях очень благоустроенные, музеи, Авраамиевский монастырь и мощи. Если б я знал, что Вы туда собираетесь, я бы набросал Вам маршрут, указал людей, и Вы бы насладились всласть. А то выпшло очень бедно.

Вы за мою откровенность не сердитесь? Будь это Ярославль, Орел, Курск, я бы ни слова не сказал. Там и я чужой. А Смоленск я, к несчастью, сам хорошо знаю.

Будьте великодушны, побывайте еще разок у Вашего соседа Метцеля и скажите ему, что такса объявлений обозначена на обложке (20 к.), что конторы его и в Москве, и в СПб. «Р. тр.» получают, что скидку я готов дать 50%, пусть только, ради бога, даст

объявления. Мне даст здесь его уполномоченный Эпштейн, мой приятель, если Людвиг Морицович напишет. А главное — пусть сам уделит из своих московских объявлений. У него их горы.

Пока, до свидания, жму Вашу руку Ваш Шаранов

P.S. Если Вас не затруднит, возьмите у Кельина 50 руб. (за его половину брошюры) и сделайте на эту сумму перевод, но не на мое имя, а на имя Михаила Моисеевича Розенофа, типографшика.

Д. 510, л. 159–159 об.

1898, мая 5 — С.Ф. Шаранову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Спасибо Вам за хорошее издание «Скрыпы». Я доволен им вполне и спасибо Вам второе за предисловие к «Скрыпе». Напишите мне, сколько стоит это издание. Я заплачу Вам за него сполна.

Пошлите Кельину его брошюры 50–100 экз., о которой он Вам уже писал.

Мне пишут из Белебея, что «Р. труд» им нравится, и они его выписывают за это.

А сколько же теперь у Вас подписчиков? Скажите хоть 2 слова.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Если Вы находите, что деньги больше принесут пользы, истрач. на Вашу поездку в деревни, чем прямо в [1 нрзб.] в помощь, то поезжайте, я переведу их Вам.

Д. 510, л. 46.

1898, мая 28 — С.Ф. Шаранову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я немного удивился, что Вы проехали в Петербург, не повидавшись со мною. Что за причина — не знаю.

Посылаю корр. г. В.Ф. Кельина, которую он просит напечатать в ближ. номере «Р[усского] труда».

Здесь Вас спрашивал г. Дурново⁷⁴ и хотел видеть по какому-то важному делу.

Я думаю, Вы напечатаете в ближ. №№ газеты мою корр[еспонденцию] о кабаках⁷⁵.

Я написал «Мое отрочество» и думаю сначала показать Вам, прежде нежели просить Вас его напечатать.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 47.

1898, июня 3 — С.Ф. Шарапову *

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я со всех сторон нашего промышл[енного] сословия слышу нарекания на Ваши статьи о г. Мамонтове⁷⁶. В них, говорят, много есть преувеличенного и неверного, и мне намекнули даже, что Вы сами находитесь под влиянием противной стороны. Сегодня чрез И.К. Полякова я слышал неудовольствие по этому же поводу и со стороны Н.А. Найденова.

Помещая эту статью, я не знаю, какие Вы имели данные, чтобы рекламировать ее портретом г. Веденского⁷⁷ без его ведома и согласия.

Все это вместе взятое указывает, что Вы поступили весьма неосмотрительно.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 48.

1898, июня 3 — Н.М. Чукмалдин в редакцию «Русского труда»

Москва

В редакцию «Русского труда»

Прилагаю при сем принятую подписку на 1 год непременно с 1 янв. 1898 № 5153.

Д. 510, л. 49.

1898, июня 17 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Уж Вы что-то больно хвалите меня, и если даже нет тут лести, то, думаю, есть Ваша ошибка. Хорошо уже ведь и то, что написанное мною «сколько-нибудь ладно».

О тех вопросах, о которых Вы пишете, я думал было поговорить в моих воспоминаниях, но большинство из них вызывают во мне одну сплошную горечь, и если бы я рассказал о них одну голую правду, то люди сочли бы это за памфлет и клевету. Так они были отвратительны в действительной крестьянской жизни. Чиновники сплошные взяточники и притеснители дерев[енского] «мира», где всегда существовали «поборы» для исправника, заседателя и «дохтура», а духовенство даже хуже и отвратительнее было чиновников. И последнее доходило до того, что священник, узнав о смерти старообрядца, с десятистыми ломился в дом среди ночи, ругался непотребными словами, чтобы только взять подачку 5 р. и уйти прочь. Или тот же поп в праз-

* Письмо переписано.

дни, ходя из дома в дом, напивался вина до того, что раз потерял крест на улице и его нашли посторонние люди на другой день в грязи.

Ну, судите сами, как я буду говорить о таких фактах. Или вот еще картина. Я достал раз с великим трудом руко[исную] книгу в Тюмени в то время, когда я получал жалованья 100 р. в год и, поддавшись уверению миссионера, дал ему ее прочесть, как книгу редкую, а он послал ее архиерею и не возвратил, уверяя, что его к тому обязывала присяга. Мне пришлось четверть года служить даром, чтобы заплатить деньги владельцу книги.

Или вот еще случай. В Тюмени же, спустя несколько лет, я достал редкую книгу «Олонецкие ответы»⁷⁸ и нанял переписчика скопировать ее за 5 р. Городничий как-то узнал, книгу и переписчика арестовал, а меня хотел упечь, куда «Макар телят не гоняет». Только взятка 50 р. да заступничество кое-кого спасли меня от острога⁷⁹.

Ах, лучше не касаться этих больных и страшных сторон былой жизни. Меня даже теперь «мороз по коже дерет», когда я, вспоминая это, пишу Вам. Вы не поверите, но мне так больно даже теперь, что я дорого бы дал, если бы можно было забыть подобные страницы в моей жизни.

Вот почему я избегаю говорить о затронутых Вами вопросах.

С уважением Н. Чукмалдин.

P.S. Посылаю Вам таблицы, переданные мне г. Кельным.

Д. 510, л. 50–51.

1898, июня 22 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Г. Бахрушин передал мне 16 р. — подп[исную] плату за 1897–1898 гг. «Р. труда», им уже получаемого.

Посылаю ордера 5157 Бахрушину (газета уже высылается), 5158 — Глумову. Высылать.

Разноска газеты по Москве конная, устроится артелью. Я веду переговоры.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 52.

1898, июня 23 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам вырезку из вчерашнего № «Моск[овского] листа» с выходкой против Вас. Г. Кельин что-то собирается Вам написать по этому поводу.

Рассылка по Москве «Р[усского] труда» устроится отлично. Ответств[енная] богатая артель берется за 2 коп. с № разносить подписчикам немедленно газету в день ее получения. Газетные разносчики берутся даже за 1 коп. с №, но только разносить два дня.

Присылайте скорее список подписчиков, и я заключу с артелью условие. На будущий год, я думаю, та же богатая артель возьмет по 1½ к. с №.

Вот Вам и яичко к Пасхе.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 53.

1898, июня 24 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я хотел написать в намерении проблем дерев[енской] жизни несколько строк, а написалось как-то гораздо больше и думаю, что это окажется интересным. Перепишу написанное в тетрадь скоро и пошлю Вам целиком все.

До сих пор не найду еще в бумагах сказки. Но это вопрос нескольких дней.

Вы слышали, конечно, что отправлена комиссия ревизовать Архангельско-Яросл. жел. дорогу. Сам Мамонтов, говорят, уехал за границу.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Напишите мне, когда и сколько нужно Вам денег. Когда напечатается статья моя о Смоленске?

Д. 510, л. 54.

1898, июля 1 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю переводы Вам Р. С. 800 и впереди его благодарность за присылку Вашей карточки.

Адреса артели сданы, разноска газеты будет исполняться ею, я думаю, исправно. А где же список не уплативших денег подписчиков? Его не приложено.

К «Моему отрочеству» недостающие добавления сделаны и вышло, по-видимому, очень ладно. Я их все переписал в тетрадь и завтра думаю послать Вам. Никак не найду только сказки⁸⁰. Но обойдется и без них. Сказок у меня складывается в голове целая серия белыми стихами. Как-нибудь я покажу Вам в виде

опыта одну из них. Если Вы со стороны найдете сносным, буду продолжать их составлять.

За присылку Ваших сочинений шлю Вам вторую благодарность.

За печатание хотя бы приложением к «Р. труду» «Моего отрочества» я заплачу типографские расходы и бумагу.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 55–55 об.

1898, июля 2 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Чтобы выиграть время для Вашего отдыха 1 месяц, я полагаю, можно выпустить вместо 4-х 1 номер, объявив о временной болезни Вашей. На № материалов у вас хватит всегда, и никто за это на Вас претендовать не будет и не может.

Вчера Вам послан перевод Р. С. 800. Сегодня посланы мои тетрадки «Мое отрочество» с добавленными воспоминаниями, которые надо вставить в указанные в самой рукописи места.

С уваж. к Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 56.

1898, июля 8 — С.Ф. Шарарову

Уважаемый Сергей Федорович.

Напишите мне, получили ли Вы рукописи «Мое отрочество».

Пришлите мне 3–5 экз. брошюры Иванцова-Платонова «О русском церк. управлении»⁸¹.

№ 27 «Р. труда» разнесли по адресам, но оказалось, что около 40 человек переменили квартиры. Неужели Вам об этом не сообщено подписчиками?

Интересно бы знать, тянет Вас к суду г. Мамонтов или еще нет.

По Вашим адресам трудно знать наверное, получены с подписчика деньги или не получены. Что означает знак «V» и слово «ничего». На № 3158 и этот знак, и слово «ничего» существ. рядом.

Не послать ли Вам адреса обратно. Они здесь не нужны.

Для того, чтобы с подписчиков я мог собирать деньги, надобно иметь от Вас доверен. или хоть верящее письмо, что ли.

Повторю просьбу: получили ли деньги, от меня переведенные?

Когда напечатаете «Смоленск»?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 57–57 об.

1898, не ранее июля 11 — Н.М. Чукмалдину*

Дорогой Николай Мартемьянович!

Ваши записки и перевод на 800 получены. «Смоленск» печатаю в скором времени. Что касается адресов, то на каждом сделаны указания, сколько получено. Где этих указаний нет, там приложена расписка, которую следует передать подписчику при получении с него денег. Но я Вас попрошу обождать посылать за деньгами. Я пришлю Вам, кстати, выметку должников и за 1897 год. Можно человек со 100 получить по 16 рублей. Мамонтов судиться не будет — ему здесь запретили. Будут отмалчиваться. Многие жалуются, что прекратили «Московские письма». Напишите что-нибудь о новом обложении. Кланяюсь Вам низко.

Ваш Шарапов.

Д. 510, л. 57 об.

1898, июля 14 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня М.Ф. Морозова прислала мне для передачи Вам Р. С. 200.

Здесь А.А. Пороховщиков говорит, что не может больше печатать «Р. труд» и давать Вам кредит. Как Вы с ним устроитесь, я не знаю. Перемена адреса редакции не означает ли уже перемену типографии? Напишите мне об этом.

Вы пишете, что спрашивают, почему нет писем из Москвы. Боюсь я, нет ли с Вашей стороны преувеличения в этом извещении.

С уважением Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 58.

1898, июля 21 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Если Вы не ошибаетесь, приписывая некоторые достоинства к моим воспоминаниям, то у меня начинают появляться страницы моей дальнейшей биографии, по-видимому, не меньшего интереса, чем в младенчестве и отрочестве. Как они выйдут в целом, я еще не знаю, но в ярмарку, куда Вы приедете, Вы их прочитаете и скажете мне откровенно, стоят или не стоят они напечатания.

* Ответ написан на об. письма Н.М. Чукмалдина от 8 июля 1898 г.

В ярмарку я поеду 31 июля. Для Вас комната и стол готовы там. Вы это знаете.

Как резко Ваше открытое письмо Л. Толстому. Многое в нем правда сущая, но, право, зачем эта [нрзб.] в серьезном разборе его проповеди. Ведь это отдельный эпизод, особая маленькая сторона его деятельности и ничтожная частица [нрзб.] его баланса — тогда зачем же ставить ее в ряд крупных отрицательных величин.

Вы не прислали списки должников-подписчиков. Время до ярмарки осталось мало, и я не могу уже этим заниматься.

Пред. Вам. Н. Чукмалдин

P.S. Я на днях получил длинное письмо от моего сослуживца-приказчика, с которым мы жили в период 1857–1860, некоего М.А. Рылова. Оно полно воспоминаний из нашей совместной жизни⁸² и вызвано брошюрой «Беглый солдат Скрыпа». Письмо интересно, и я Вам его в ярм[марку] покажу.

P.S. У меня написана статья о характере дурных сторон русск[ого] купечества, но боюсь посылать ее вам. Некоторые говорят, что это будто только на руку кн. Мещерскому.

Д. 1037, л. 64–64 об.

1898, июля 23 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня передано мне от А. Еф. Владимирова для Вас Р. С. 125.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 59.

1898, июля 24 — Н.М. Чукмалдину

СПб.

Дорогой и уважаемый Николай Мартемьянович!

Письмо Толстому⁸³ произвело отличное действие и страшно упорчило положение «Русского труда». Я высказал голую правду, как совесть велела, а там мне все равно, за правительство ли это вышло или против. Я хочу говорить одну правду и хамствовать ни перед кем не буду.

В первых числах августа, так 2-го, 3-го, надеюсь, воспользоваться Вашим гостеприимством в Нижнем. Надо похлопотать собрать что-нибудь, а то приходится совсем плохо. Подписчиков сейчас платных имеем около 1450–1500, но в деньгах теснота. 11 августа наступает срок векселю моему Пороховщикову. Вексель

учтен в Вол. Кам.⁸⁴, где никаких разговоров. Пороховщиков умоляет оплатить сполна. Его положение тоже тесное. Поэтому буду Вас очень просить из того небольшого фонда, который у Вас собран, уделить эту сумму. Затем я позабыл Вам сообщить, что я обращался человекам к 6-ти крупных москвичей с просьбою взять на себя расходы по изданию отдельным приложением книжки Н.М. Лагова «Реформа русской грамматики». Результат был тот, что вместо нужных 250 рублей собрали: от К.Т. Солдатёнка⁸⁵ 100 р. (послано прямо мне), от А.Е. Владимирова 125 (писал, что даст Вам) и от М.Д. Морозовой 200. Так как автор очень нуждается, я считаю справедливым дать ему гонорару 100 р., а так как и затем будет избыток ($200+100+125=425$, а нужно $250+100=350$), то я издам отдельным приложением давно намеченную брошюру: три статьи: К.С. Аксакова, А.Д. Градовского и М.С. Аксакова о самодержавии⁸⁶. Записка К.С. Аксакова — драгоценнейший документ. Так как Пороховщиков очень нуждается сейчас и в деньгах, и в работе, будьте добры, имеющиеся у Вас 200 р. от М.Д. Морозовой и 125 р. от Владимирова перевести непосредственно на имя типографии Пороховщикова и прислать перевод мне вместе с моим переводом, округлив цифру 1167 до 1200. Сделайте милость, устройте это, уважаемый Николай Мартемьянович, до Вашего отъезда в Нижний, чтобы я мог отсюда уехать, расплатившись.

Очень хотелось бы мне узнать Ваше совершенно искреннее мнение о моем романе «Кружным путем»⁸⁷, который Вы, может быть, уже прочли.

Здоровье мое совсем неважно, пью Виши и веду аскетический образ жизни. Если б отдохнуть! Да нельзя. Ваш совет выпустить сразу 4 номера невозможен. Это значит погубить издание. Отдохну тогда, когда поставлю газету на ноги и буду в состоянии оплатить гонорары. А это, я думаю, с нового года будет уже возможно.

Сердечно Вам преданный *Шарапов*

P.S. Вашу статью о дурных сторонах москвичей посылайте. Они любят, когда их немножко ругают, любя, конечно.

Как Вам понравится моя статья о Бисмарке?

Д. 510, л. 60–60 об.

1898, июля 28 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам два перевода: один на имя А.Я. Пороховщикова в 325, а другой на Ваше имя в 875. В первый перевод вошли сум-

мы, полученные мною от Морозовой 200 и Владимировой 125. Второй же составляется из взносов, назнач. в ссуду Вам от меня, Каменского, Токм[акова], Молоткова и Кельина.

Ваши статьи о Толстом и Бисмарке хороши⁸⁸. В особенности мне нравится целиком последняя. Она, мне кажется, процеженное резюме русского сердца и ума. Статья же о Толстом хороша, но условно. В ней мне кажутся лишними резкие слова и, в особенности, приговор, что Толстой намеренно избегает обходить некоторые положения. Откуда Вы знаете, что тут его намерение, а не ошибка? А ведь это одна сторона из самой сути Вашего разгрома его учения.

Роман Ваш я все еще не прочитал. По поводу его поговорим в ярмарке.

Когда же Вы напечатаете «Смоленск» и «Мое отрочество»? Я что-то начинаю быть нетерпеливым.

Из Нижнего я намерен уехать в Арзамас 2 авг[уста] и вернуться туда 4-го утром. Если Вы приедете и без меня, то комната Вам готова.

В Арзамас я еду посмотреть свою войлочную фаб[рику]. Там поставлены теперь новые машины, и дело становится интереснее, чем прежде.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 65–65 об.

1898, сентября 6 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович!

Вы, вероятно, уже вернулись из Нижнего. Посылаю Вам при сем образец чаквинского чая⁸⁹, доставленного мне Георгием Александровичем Соловцовым⁹⁰. Очень буду Вас просить изречь ему приговор на страницах «Р. тр.».

Тяну из себя жилы, но хочу, чтобы подписка в 1899 году дала хороший результат. Что Бугров?

Вскоре надеюсь самолично явиться в Москву — все средства подобались. Надо похлопотать здесь.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 61.

1898, сентября 6 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Ожидаю фотогр. карточек и видов балагана Кухтерина и моей лавки. Очень нужны. Завтра приедет в Москву и Кухтерин.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 62.

1898, сентября 7 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вчера мне прислано 25 экз. «Р. труда» № 32 вместо № 36 [Я прошу прислать № 36, ну хоть 10 экз. *] 25 экз. получено 7 сент. 98.**

Прошу также прислать мне, если есть, 200 экз. брошюры «Солдат Скрыпа и мое ученье».

Жду письма от Вас.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 63.

1898, сентября 9 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

К Вам явится Аполлон Емельянович Иванов из Москвы. Завербуйте его в сотрудники. Он владеет большим знанием тарифного дела и пишет очень дельно.

Когда Вы напечатаете «Мое отрочество»? Жду его.

Напишите мне, какой ценою будет продаваться русский чай. Качество его, как чая, очень хорошее, и я напишу по поводу его статейку.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 64.

1898, сентября 18 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам пока одну первую половину моей корреспонденции о чае. Вторую же половину о чае (и о Соловцове) пошлю на днях⁹¹.

Для видимости шлю Вам преискурант моей войлочной фабрики.

Шлю Вам интересное сведение в № 3 от Токмакова, Молоткова о чае. Напечатайте его целиком или в выдержках.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 65.

* Зачеркнуто.

** Дописано другим почерком.

1898, сентября 28 — С.Ф. Шарарову

Москва. Господину Сергею Федоровичу Шарарову в Петербург М.г. При сем прилагаю перевод Банкирской конторы бр. Джемгаровых за № 3713 руб. 1000, по которому благоволите получить деньги.

С почтением к Вам за Н. Чукмалдина [подпись *нрзб.*]

Д. 510, л. 66.**1898, 29 сентября — С.Ф. Шарарову**

Уважаемый Сергей Федорович.

Моя статья о чае наделала здесь значительного шума. Бранят меня крупные чайные фирмы, на чем свет стоит. Но зачем же Вы прибавили заголовок против моей рукописи? Я прошу Вас как-нибудь оговорить это в следующем номере⁹².

Поляков И.К. обещал Вам 200 р.

Для характеристики г. Кутьина посылаю Вам его письма.

Получен ли вчерашний перевод в 1000 р.?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 67.**1898, 30 сентября — С.Ф. Шарарову**

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прошу прислать мне хоть 10 номеров «Р. труда» (№ 39) с приложениями. Все, что было, растащили.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 68.**1898, октября 11 — Н.М. Чукмалдину**

Уважаемый Николай Мартемьянович.

Я послал Вам портрет Ваш и вид Вашего дома в Нижнем. Получили ли Вы их? Приступаю к печатанию вашего «Отрочества».

В бытность мою в Москве Найдёнов⁹³ обещал посодействовать получению небольшой поддержки от москвичей. Не знаю, каков будет результат, но найти 2–3 т. рублей необходимо теперь же, ибо, во-первых, надо сделать серьезные объявления, а не по прошлогоднему, а во-вторых, и долгу накопилось довольно. Опять большая часть подписных денег уйдет в платежи, и денег не будет.

Статья Дедулина⁹⁴ отправляется к государю — впечатление будет ужасное. Вот в каком положении Россия!! Наша программа, которую мы хотим привезти в Москву, затянута, но во второй

половине октября явimsя с Олем⁹⁵... Не знаю, как переживет В.А. Гринмут⁹⁶ нанесенную ему в № 41 рану, но удар здоровый. Но, обличая других, надо и самим не делать того же, а потому я распорядился больше ничего с кондукторами не посылать, а только багажом, а по Москве разнесет посольская артель. Им все это написано, но не худо бы и лично условиться, сколько будут брать за доставку Вам, Анисимову, Печниковскому в Бог.-Глух. м-ру.

Большакову больше посылать не стоит. Это не торговец.

Пока все. Подписки надо ждать хорошей. До свидания.

Весь Ваш Шарапов.

Д. 510, л. 69–69 об.

1898, октября 11 – С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам корр. в виде фельетона. Тут под видом забавного высказана только правда. Я не знаю, как Вы ее найдете, но мне казалось, что ее прочтут раньше другого. Напишите мне ваше мнение, и я не буду спорить, если Вы найдете ее неинтересной.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 70.

1898, октября 14 – С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я пока сижу дома, немножко прихворнув от простуды. Когда выйду, то буду говорить о Вас с И.К. Поляковым.

У Вас теперь две моих ненапечат[анные] корреспонденции. Получены ли они – Вы ничего мне не пишете.

Не знаете ли Вы, кто издает на самом деле газету «Чайный вестник»⁹⁷.

Я, конечно, с нетерпением жду «Мое отрочество». Если это выйдет ладно, то буду продолжать «юношество». Если же нет, то брошу все в корзину.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 71.

1898, октября 16 – С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам рукопись г. Владимирова Н.М., моего приятеля, проживающего теперь за границей, «Виши». Мне кажется, содер-

жание ее интересно, и Вы печатали бы ее в нижнем отделе газеты, в виде фельетона. Гонорара ему не нужно. Печатание «Виши» вне-сло бы в газету нечто новое, по плечу многим, для которых экономика — скучная материя, и дало бы еще лишний шанс для увеличения Ваших подписчиков.

Жду сегодня-завтра Вашего письма.

Я опасаясь, что Ваши расчеты на дельную живую критику в Москве Ваших эконом[ических] выводов не оправдается сколько потому, что москвичи к этому не подготовлены, столько же и потому, что вопросы эти требуют «не одного присеста времени», чтобы сделать «выводы». Может быть, я и ошибаюсь, но пока таково мое мнение, сложившееся из моей практики. Москвичи, я разумею, деловые люди, заняты делами, что называется, по горло и о многих вопросах судят, что называется, инстинктивно, чем изучая его в деталях и осваивая его основы.

Лично Вам приехать в Москву надобно. Но нелишне было бы некоторым лицам написать письма по поводу Ваших денежных затруднений, прося их содействия и помощи.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 72–72 об.

1898, октября 24 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Для Вас от т-ва В. Морозова получено мною Р.С. 300. Пока же больше я ничего не имею.

Я думаю, надобно мне прислать чековую книжку для подписки на 1899 г.

Вы что-то давно мне не пишете. Я уже думаю, здоровы ли Вы? Жду письма Вашего.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 73.

1898, октября 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Заказное

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам перевод Р. С. 1000.

На бирже меня сегодня просили написать Вам, чтобы узнали и напечатали в газете, что за крах случился с обществом «Феникс».

Пришлите мне еще 2 чековые книжки для приема подписки. Я их раздам сочувств. Вам людям, и будем собирать по зернышку подписчиков Вам.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 74.

1898, ноября 4 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

В «Чайном вестнике» меня немножко задели⁹⁸, и я завтра посылаю в «СПб. вед.» мой ответ. Если сочтете удобным, перепечатайте его частью или целиком в ближ. номере «Р. т.».

Хлопочу о подписке на «Р. т.» 1899. Собрал уже годовых подписчиков 39 лиц. Ваших 2 книжки отдал другим для уловления подписчиков. Хлопочу у Боткина о пособии.

Вчера переписал рассказ о «Юношестве моем», т.е. вчера окончил переписывать. Когда в Москву приедете, передам его Вам для приложения в 1899-м. Мне кажется, как будто написано интересно, но Вы прочитайте и скажите мне откровенно, стоит оно печати или не стоит.

Напишите мне, как у Вас начинается подписка на «Р. труд» 1899 и где Вы сделали публикации.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 75–75 об.

1898, ноября 10 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Для Вас передано мне от П. Боткина 100 р. Г. Кельин возмущается малой суммой и не советует ее брать. Как тут быть, я и не знаю. Напишите мне об этом.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

P.S. Подписчиков у меня на 1899 42 номера.

Д. 510, л. 76.

1898, ноября 28 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я написал 3 корр. о чае. Первые две сегодня посылаю. Поместите их так: 1 в № 49, 2 — в № 50, 3 — в № 51⁹⁹.

Прошу вас так и сделать. III корр. о кирп. чае пошлю Вам на буд. неделе. Для нее я не найду еще сведений, сколько у нас в России всех жителей-нехристиан — татар и инородцев. Если найдете, сообщите.

Ну, слава Богу, сегодня прочитал в «Н. времени» объявление об издании «Р. труда». Надо бы поместить в провинциальных газетах такие же объявления.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 77.

1898, декабря 1 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

1. Вот Вам и последняя, третья, о кирпичном чае. Образцы кирпичного чая на днях Вам отправлю.

2. Номера «Р. труда» — 49, 50, 51 — Вы напечатайте часть лишних по 100 или 200 экз. и пришлите мне. Я разошлю их в провинции чайным торговцам.

3. Напишите мне, когда Вам отослать адреса подписчиков, принятых мною на 1899 г. Я все стараюсь собрать побольше их.

4. Видел недавно Сироткина¹⁰⁰. Он удивился на Бугрова, что тот ничего для «Р. труда» не дает. Сироткин советует Вам самим увидеть Бугрова в Петербурге, куда он часто ездит.

5. Расторгуев отказал в помощи до Рождества. Каменский 750 р. что-то не хочет мне уплатить. Буду настаивать. К Боткину П.П. два раза ездил, но все неудачно — не застаю дома.

6. Ну, сколько же у Вас подписчиков на 1899 г.?

Речь Чемберлена в Англии, я думаю, Вам по душе, и Вам надобно опять затронуть вопрос о сближении с Англией. Тема верная и благодарная. Но только не хватайте через край и не очень браните немцев резко, а дипломатичнее, но существенно. По-моему, так лучше и вернее.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 78–78 об.

1898, декабря 2 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Видимо, Вы корр[еспонденцию] о фабрикантах, переданную Вам лично, не напечатаете. Посему прошу Вас прислать ее мне. Я пошлю тотчас же в другую газету для напечатания.

Никак не дойдут от Вас хоть бы пары строчек.

Д. 510, л. 79.

1898, декабря 4 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

К Вам явится Николай Андреевич Попов, консул в Фучжоу (в Китае), интересующийся чайным делом вообще и русским потребителем в частности. Ему нужны мои статьи о чае, чтобы показать их г. Ковалевскому. Посему я прошу Вас напечатать их все три не в трех номерах «Р. труда», а в одном номере хотя бы для этого пона-

добится прибавить $\frac{1}{2}$ листа лишнего. Сделайте это во имя нашего потребителя-бедняка, чтобы до праздников прочли статью власть имущие. Лишние расходы на $\frac{1}{2}$ листа отнесите на мой счет.

Образцы кирп[ичного] чая посылаю Вам завтра.

Удивляюсь я, что Вы мне ничего не пишете. Что за причина — не знаю. Здоровы ли Вы, дел ли у Вас по горло, как решили — не знаю.

Ждут мои вопросы Ваших ответов.

1. Когда посылать Вам талоны подписчиков?

2. Сколько у Вас подписчиков?

3. Почему нет в разн[ых] газетах объявлений об изд. «Р. труда» в 1899 г.?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 80–80 об.

1898, декабря 5 — Н.М. Чукмалдину *

Москва

Дорогой Николай Мартемьянович!

Очень винюсь перед Вами. Дела действительно по горло. Взглянешь на свою кучу писем, на которые приходится отвечать, выберешь самые нужные и ждешь свободной минуты. А у меня этих минут, словно у начальника станции, где проходит 40 пар поездов.

Вчерашнее письмо пришло сегодня, в субботу, после выпуска №, где 1-е письмо Ваше уже напечатано. Все, что смогу сделать — это в следующем № 50 напечатать два остальных вместе.

Подписчиков еще очень мало: городских 17, иногородних около 85, Панов Н.А. прислал 49, вот пока все. Не знаю, что будет, но получаю много писем, что журнал очень дорог, и что в деревне все разорено и денег ни у кого нет. Ужасы пишут. За Камой и Волгой форменный голод.

Ваших подписчиков посылайте хоть сейчас, а то в конце месяца конторе будет тяжело.

Объявления все сданы. Получив счет, Вам сообщу подробно, куда и сколько раз.

Записку мою царь переслал Сольскому¹⁰¹ [?] всю исчерченную синим карандашом.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Шарапов.

Д. 510, л. 80 об.

* Ответ на письмо Н. Ч. от 4.12 писан карандашом на обороте этого же письма.

1898, декабря 9 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Карточку покойного П.М. Третьякова едва достал. Ни в магазине, ни у родственников и даже у г. Найденова я не мог ее получить, а нашел в одной из фотографий.

Приказчик мой Гагарин приобрел Вам 5 подписчиков №№ 6101–6105. Посылаю ордера.

От меня еще подписчик № 6039 — Вас. Ив. Руднев.

Корр[еспонденцию] мою о чае, пожалуй, уже печатайте II в № 50 и III в № 51-м, если она не попала вся сразу и в один номер.

Я жду, когда будет напечатано брошюрою к «Р. труду».

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 81–81 об.

1898, декабря 23 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня я дней на 12–14 уезжаю из Москвы. Хочется отдохнуть и бросить все дела и заботы хоть на время. Быть может, около 1–2 января заверну в С.-Петербург и зайду к Вам.

Чая для Вашей сестры на 200 р. отправлено.

Поздравляю Вас с праздниками и желаю Вам पहले всего здоровья, а потом уже и подписчиков как можно больше.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 82.

1898, декабря 29 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня посылаю в Сенат удостоверение москов. губернатора от 14 дек. за № 3683 о том, что я не предосудительный человек и под судом не бывал. Сим прошу Вас похлопотать, где возможно, о скорейшем окончании дела в утверждении меня в звании потомств[енного] почет[ного] гражданина.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 83.

1899, января 12 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прошу Вас написать мне, принимать ли подписку на «Р. беседу» или не принимать.

Я не знаю, как у Вас с квартирою. Напишите мне новый адрес, если Вы ее переменили. Тогда я пришлю рисунки к моим воспоминаниям. Кстати, напишите мне, во что обойдется издание этих воспоминаний, если напечатать их 3000 экземпляров?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 84–84 об.

1899, января 24 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы ничего мне не отвечаете, и я могу только думать, что с Вами?

Прошу опять: пришлите мне рукописи: а) Владимирова «Описание Виши»; б) мою «Смоленск».

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 85.

1899, января 26 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я рад тому, что у Вас 1982 платн[ых] подписчика и посылаю Вам ордер на 1983-го, если не на 2000-го. Все это добрая сторона, и она была бы еще ценнее, если бы не постигло Вас второе предостережение.

Вероятно, Вы скоро приедете в Москву и тогда лично передадите и расскажете все Ваши новости.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 86.

1899, января 27 — в контору Н. Чукмалдина, Москва

Захарьевская, д. 3, кв. 17. С.-Петербург

Милостивый государь.

Прилагая при сем карточку и билет кн. маг. «Нового времени» за № 5263, редакция газеты «Русский труд» просит выслать 50 экземпляров книги «Основные начала экономии» и, по исполнении сего, билет переслать обратно в контору редакции.

С совершенным почтением за заведующего конторою редакции газеты «Русский труд» [подпись нрзб.].

Д. 510, л. 87.

1899, января 29 — в редакцию «Русского труда»

Москва

В редакцию «Русского труда»

«Новое время» (магазин) ответило, что книгу «Основные начала экономии» приготовят дней через 7–10.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 88.

1899, февраля 10 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вы что-то ничего не пишете и не отвечаете на мои письма. Уж здоровье Ваше в полном ли порядке?

Опять прошу Вас прислать мне мои рукописи: а) «Очерки Египта», б) «Смоленск» и рукопись «Виши» г. Владимирова.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 89.

[1899], февраля 22 — Н.М. Чукмалдину

Уважаемый Николай Мартемьянович!

Очень сожалею, что первое Ваше поручение сопровождается отрицательным результатом. Прилагаю справку, которую только что получил от Н.М. Баранова по Вашему делу¹⁰². Не мог сделать он этого раньше, так как недели три не был в Сенате.

Мне кажется, Вы сделали ошибку. Нужно было, собрав нужные документы, лично их передать и кое-кому из маленьких сунуть на чай.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 90.

1899, марта 9 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я перевел сегодня по Вашему указанию за напечатание издания «Моих воспоминаний» г. Пороховщикова Р.С. 300. Перевод послан ему.

Я отправил также и Стаховичу в Елецк один пуд кирпичного чая.

Интересуюсь знать, что сделал для Вас г. Красильников?

Пред. Вам Н. Чукмалдин

При сем посылаю талон за № 6134.

Д. 510, л. 91.

1899, марта 28 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я все жду издания моих воспоминаний.

Как-то мне было сообщено по телефону, что Н.А. Найдёнов будет хлопотать для Вас по сбору денег от моск[овского] купечества, когда вернется из Петербурга.

Прошу передать бар. Каульбарсу¹⁰³ за его брошюру: от меня, Сахарова и Клепикова по 1 р., а всего — 3 р.

Ну уж и слог же автора Каульбарса. Это пагуба для проповедуемого дела.

Кто писал брошюру Пороховщикову «На злобу дня»? Написана легко и хорошо. Читается она с удовольствием.

Жду Вашего письма.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 92–92 об.

1899, апреля 1 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сегодня подал мне счет г. Пороховщиков на 495,57. Вы же мне говорили, что весь расход не превысит 300 р. Прошу Вас просмотреть счет и мне его возвратить с Вашим мнением. Если все выходит так, как в счете, то надо и платить.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 93.

1899, апреля 4 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Г. Найдёнов не передавал еще мне денег, хотя вчера на бирже и обнадежил, что соберет и передаст.

Пришлите мне без переплета «Моих воспоминаний» 25 экз. Все, что было у меня, я раздавал.

По Вашему совету я написал вновь десятка два страниц о торговле, пользе и %, которые прибавлю к рукописи моей «Мои воспоминания».

С уважением Н. Чукмалдин

P.S. Книгу Розанова получил. Спасибо за присылку.

Д. 510, л. 94.

1899, апреля 4 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой и уважаемый Николай Мартемьянович!

Позволяю себе направить к Вам г-жу Зыбину, рожденную Удинцову, из Кунгура, ту самую, которая у себя основала замечательную школу-приют для детей, описанный в прошлом году в «Русском труде».

Помогите ей для ее прекрасного дела и не столько личной лептой, сколько указанием и советом, к кому в Москве обратиться.

Дела идут хорошо (редакционные), но беда со студентами. Вчера была уже уличная сцена на Невском, очень тяжелая. Правительство вызывает революцию.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 95.

1899, апреля 9 — С.Ф. Шарапову

Уважаемый Сергей Федорович

Спешу всех порадовать: Н.А. Найдёнов передал мне для Вас от Н.И. Прохорова 1000, А.Л. Лосева — 500 (1500). Вот Вам к празднику и яичко.

Посылаю счет артели за март месяц по розн. газете: Р. С. 92.94.

Присылайте с Вашим ответом счет А.А. Пороховщикова.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 96.

[1899], апреля 18 — Н.М. Чукмалдину

Дорогой Николай Мартемьянович!

Христос воскрес! Правда Ваша, с ума сходим эти дни. Номера будут посланы. Книги Вам посылаются. «Смоленск», помнится, сам лично свез и сдал Вам. Перерыли все и не нашли, а у меня рукописи в большом порядке.

Владимирова пошлю. Печатать трудно. Очень много боевого материала.

Посылаю гектограф моего письма к Ермолову¹⁰⁴.

Преданный душевно Шарапов

Д. 510, л. 97.

1899, апреля 18 — С.Ф. Шарапову

Уважаемый Сергей Федорович.

Корр. из Москвы, при сем прилагаемую, посылал в «Новое время». Там ее не напечатали и возвратили мне. Почему? Не знаю. Не напечатаете ли ее в «Р. слове»? Если, по-Вашему, да, то отдайте ее туда.

Н. Чукмалдин.

P.S. Я вчера послал Вам номера с Урала с вост. [1 сл. нрзб.]
Д. 510, л. 98.

1899, апреля 27 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Приложение к № 16–17 получено вчера утром. Я его еще не читал.

Копии письма протопопа Аввакума вы можете напечатать. Я получил на это разрешение от О. Луконина.

Ожидаю 200 экз. в переплетах «Мои воспоминания».

Очень занят. Писать некогда.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 99.

1899, апреля 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Во второй половине мая я думаю уехать из Москвы на полтора-два месяца куда-нибудь отдохнуть. Посему напишите мне, нужно ли оставить распоряжение о выдаче Вам денег.

Прошу ускорить высылку 200 экз. «Моих воспоминаний».

Здесь есть слухи, что будто бы предписано моск. прокуратуре произвести следствие по поводу постройки Арханг. ж[елезной] дороги¹⁰⁵.

Подвигается ли вперед подписка на «Р. труд» или остановилась?

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 100.

1899, мая 3 — Н.М. Чукмалдину

Уважаемый Николай Мартемьянович!

На случай отъезда, сообщите, куда посылать газету, а насчет денег, будьте добры сделать распоряжение, чтобы в случае чего, получить и без Вас. Кое-как тянусь, но может прийти крайность. Сделайте милость приказать поместить в «Р[усских] ведомостях» прилагаемое объявление и прикажите с ними условиться: не сде-

лают ли какую-нибудь скидку? Тогда будем помещать ежедневно. Это очень важно для распространения газеты. Передайте им, чтобы открыли счет, а расчет мы посылали бы к Вам раз в месяц.

Желаю Вам здоровья и приятного отдыха. 200 экз. в переплете все еще не получены.

Ваш С. Шарапов

Подписка сейчас почти совсем стала.

Д. 510, л. 100 об.

1899, мая 4 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Пришлите же скорее 200 экз. в переплетах «Мои воспоминания».

Также поспешите прислать рукопись Владимирова. Он ее требует обратно.

Что стоит издать в 3000 экз. Очерк «Палестина и Египет» на хорошей бумаге? В них печатных листов 8–9. Это для Белогорского м[онастыря] на Урале¹⁰⁶.

Здесь есть слух, что против Вас возбуждается судебное преследование. Правда ли это?

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 101.

1899, мая 5 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Редакция «Р[усских] ведом[остей]» Вашего клише не знает и просит указать номер газеты, где это было напечатано. Только тогда она может и назначить цену.

Напишите, как поступить.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 102.

1899, мая 15 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Г. Пороховщиков прислал мне сегодня фельетон «России»¹⁰⁷, в котором бранят Вас на все корки. Вы что-то ничего мне не отвечаете, и я тревожусь, что Вам, вероятно, живется нелегко.

Я уезжаю 20 мая. Поклон Вам.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 103.

[1899], 17 мая — Н.М. Чукмалдину

Какой Вы добрый и хороший, Николай Мартемьянович! Не браните меня за неаккуратность и молчание, а меня же оправдываете, что, должно быть, живется нелегко! Ох, еще как тяжело-то! Вдобавок ко всему воспаление в глазу! И при этом даже корректуру всю держал сам, все как обычно. Должно быть, на том свете отличный отдых дадут за мою здешнюю работу. Только сейчас получил от Кирхнера Ваши 80 экз., которые и посылаю, удержав 2, за что не сердитесь.

Уведомите о Вашем летнем пребывании. Не заглянете ли в Петербург? Если будете, то раньше дайте телеграмму, так как я между Петербургом и дачею (старый Петергоф).

Ваш Шарапов

Д. 510, л. 104–105.

1899, мая 25 — в редакцию «Русского труда»

Москва

М.г!

При сем препровождается квитанция за № 34607 конторы «Русские ведомости» на объявление, принятое от Вас.

С почтением *Н. Чукмалдин* по доверен. [подпись *нрзб.*]

Д. 510, л. 106.

1899, июня 13 — в редакцию «Русского труда»

Наугейм

В редакцию «Русского труда»

Вам прислана от г. Сумарокова из Перми статья — несколько мыслей по поводу мирной конференции. Автора я знаю за хорошего и искреннего человека. Если нужно сделать в статье некоторые изменения, то он против этого ничего не имеет и просит меня написать вам от себя о ее напечатании.

С почтением *Н. Чукмалдин*

Д. 510, л. 107.

1899, августа 23 — С.Ф. Шарарову

Н[ижегородская] я[рмарка]

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю вам напечатанную мою корр. в «Волгаре» (IV) и не напечатанную (рукопись), для «Р. труда» мной назначаемую. Корреспонд. № III послана в «Урал», но еще не напечатана.

Ваша сестра написала мне письмо, прося отнести на Ваш счет сумму сверх 100 р. Так ли это я запомнил. Пожалуйста, напишите мне об этом.

Кланяюсь Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 108.

1899, августа 29 — С.Ф. Шарапову

Н[ижегородская] я[рмарка]
Уважаемый Сергей Федорович.

За сч[ет] Вашей сестры записано на Ваш счет Р. С. 100.

Еду в Москву только 31 авг[уста], так что, вероятно, успею написать Вам еще с ярм. корреспонденцию.

Здесь слухи о чуме скверные. Будто бы в Казани было уже два случая заболевания, и даже здесь был случай заболевания — подозрительный.

Желаю Вам всего хорошего. Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 109.

1899, сентября 3 — С.Ф. Шарапову

Москва

В редакцию «Р[усского] труда»

Посылаю Вам новую корр. г. Владимирова с тремя рисунками и прошу Вас напечатать в «Р[усском] труде» как корр., так и рисунки. По моему мнению, и то и другое очень интересно.

Если же Вы не найдете возможности напечатать, то возвратите мне немедленно и рукопись, и рисунки.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 110.

1899, сентября 5 — Н.М. Чукмалдину

СПб.

Многоуважаемый Николай Мартемьянович!

Во-первых, прошу извинения, что напечатал Ваше объявление о кирпичном чае, переделав его из циркуляра, который Вы мне дали. Во-вторых, посылаю Вам мою статью в «Гражданине»¹⁰⁸, где есть упоминание о Вас. Пришлось начать полемику с Мещерским у него же в газете. Увы! Это единственная газета, где все можно сказать. Для читателей «Русского труда» надо будет сделать это особым приложением, да денег нет. Беда... Что ни придумать хорошего для дела, ведь всегда остановка одна — денег нет.

Затем простите, что выпустил конец Вашего письма, где Вы говорите об отливе денег в деревню. Или пришлось бы возражать и

писать больше, чем Вы написали, или было бы прямым противоречием. Да и объяснение Ваше неверно. Денег не будет, им неоткуда явиться. Прочтите-ка статью Евреинова в «СПб. вед[омостях]» или Ромера в «Русском вестнике».

Ваш преданный Шарапов

Д. 510, л. 111.

1899, сентября 30 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Если прилагаемая корреспонденция в № 40 не успеет напечататься, то возвратите ее мне скорее. Я пошлю ее в «Урал».

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 112.

1899, октября 2 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Фирма «Г. Лист» совсем отказалась платить деньги по Вашему счету. Взыскивайте с них уже сами.

Эйнем¹⁰⁹ обещается уплатить на буд. неделе.

Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 66.

1899, октября 11 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Г. Пороховщиков показал мне Вашу телеграмму, где сказано, что у Вас уже заключен договор на т-во. Поздравляю Вас с этим, если только действительно кто-то взял 12 паев по 1 т. р. и дал Вам денег 12 т. р., как рассказал мне А.А. Если деньги внесены и они у Вас, то советую поберечь их, а не расходовать быстро на уплату старых обязательств.

№ 41 у разносчиков появился на продажу вчера, мне доставлен только сегодня, а подписчики по почте получают его, вероятно, только завтра.

Кирпичный чай многие требуют пробы или присылки по одному, по два кирпича. Все это хлопотливо и дорого. Не удобно ли бы было послать швейцару Вашей редакции для продажи по одному кирпичу желающим. Вот разве только неудобно вам заявить, что чай продается при ред. «Р[усского] труда»? Если да, тогда это не нужно.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 113–113 об.

1899, октября 15 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Сколько помню, я передал Вам снимок с бюста Высоцкого. Вы этот рисунок не воспроизводите. Я заказал его в Москве у г. Павлова 5000 экз. и пришлю его Вам к 10–15 ноября. Остальные фотографии и снимки посылаю Вам: Арзамас и Л. — 2 рисунка, р. Чусовая — 3, д. реальн. учил. — 1, музей Словцова — 2, дом, где я родился, — 1, изба, где я учился, училище в Кулаково — 1, кладбище — 1.

Итого 12.

Картины И.А. Калганова: три лица — одна голова.

IV. Ночл[ежный] дом в Москве — 1.

I. Завтрак директ. гимназии у смотр. уезд. училища — 1.

Кому на Руси жить хорошо V, VI, VII, VIII — 4 рисунка.

Скульп. произвед. И.А. Калганова:

а) бюст К.Н. Высоцкого — 1,

б) «Плюшкин» — 1.

Итого 8.

Есть еще у меня два рисунка, но я хотел, чтобы вы сначала посмотрели их, когда будете в Москве, а потом уже после этого, если Вы посоветуете, тогда только напечатаете их.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 114–114 об.

1899, октября 24 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Посылаю Вам рисунок Владимирова, сделанный тушью, и его жалобу на Вас, что Вы ему и не пишете, и «Р[усского] труда» не высылаете. Пошлите же ему газету и напишите Ваше приглашение в сотрудники.

Рисунки г. Владимирова, для Вас негодные по цвету (краски), пришлите мне в Москву обратно.

Н. Чукмалдин

P.S. Снимок с бюста Высоцкого я заказал напечатать здесь согласно приложенному при сем образцу.

Получены ли Вами снимки с картин Калганова и рисунки из музея?

Д. 510, л. 115.

1899, ноября 11 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я не знаю причины, почему Вы к последнему номеру «Р. труда» приложили письма о подписке на 1900-й и не сделали в самой газете объявление о подписке. Я считаю это значительным упущением и затрудняюсь даже, принимать ли мне подписку или не принимать.

Готовятся ли к печати «Мои воспоминания»? Когда Вам послать отсюда картину для этой книжки «Бюст Высоцкого»?

Н. Чукмалдин

P.S. Давно жду Вашего письма.

Д. 510, л. 116.

1899, декабря 9 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я совсем не понимаю Вашего молчания за последнее время относительно меня. Я Вам писал писем 20 и не получил ответа¹¹⁰. Теперь «Р. беседа»¹¹¹ объявила, что подписка на журнал принимается в Москве у меня, а мне не пишется ни слова, и нет квитанц. книжек для подписки. Приходят подписчики, и я отказываю.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 117.

1899, декабря 11 — Н.М. Чукмалдину

СПб.

Дорогой и многоуважаемый Николай Мартемьянович!

Вы спрашиваете, отчего не пишу. Я удивляюсь, как я еще пишу за тревогами и делами последних дней. Целое стадо слонов бегают за маленьким мышонком и не могут раздавить. И все-таки как удержится «Беседа» — не знаю. Скандал при ее появлении вышел невероятный. Рескрипт Витте был отвергнут, как говорят, перед 6 декабря, но после выхода № 1 со статьей Вуича Витте потребовал рескрипта категорически, и царь смалодушествовал. Можете представить, как злы на меня! Теперь цензура настолько душит, что № 2 выйдет совсем в другом формате и даже другим шрифтом. Пока я все-таки не унываю.

Больше всего тяготит меня мой долг перед Вами, ибо это долг чести и слова. Сделайте милость, пошлите кого-нибудь с моей запиской в Петровские линии к Анисимову получить по посланно-

му ему счету. Это пока мой единственный ресурс для оплаты Вам, но если Анисимов будет тянуть, отыщу другой источник.

Преданный Вам Шарапов

P.S. Подписку принимайте пока по старым книжкам. Перечеркните «Труд» и надпишите «Беседа».

Д. 510, л. 118.

1899, декабря 21 — С.Ф. Шарапову

Москва

Господину Шарапову С.Ф.

Я завтра уезжаю с семьей в Финляндию на Иматру¹¹² на все праздники. В конторе у себя оставляю распоряжение принимать подписку на «Р. беседу».

В Москву вернусь 5–7 января.

С уважением Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 119.

1900, января 18 -- С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Напишите пару слов, где Вы и что делаете с выпусками «Р. беседы». Я жду Вашего ответа.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 120.

1900, марта 1 — С.Ф. Шарапову

С.-Петербург

М.г!

Разыскать мастера, о котором я говорил, мне не удалось и едва ли удастся еще. Поэтому Вам придется предложить осмотр машин кому-нибудь другому.

С совершенным почтением по доверенности.

О. Йенсен

Д. 510, л. 121.

1900, мая 5 — Н.М. Чукмалдину

Уважаемый Николай Мартемьянович!

Каждый день собираюсь зайти к Вам, но так завален делами и устройством квартиры и конторы, да и далеко, что не мог до сих пор выбраться. В редакции бываю вечером.

Статья Ваша не идет пока из-за недостатка места. Газета маленькая и теснота страшная, тем более что масса живет по строчкам, уступив место, теряют гонорар, а потому рычат и держатся зубами.

На этих днях явлюсь.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 123.

1900, мая 15 — Н.М. Чукмалдину

Добрейший Николай Мартемьянович!

Все подждал Вас и напрасно.

Вчера случилась со мною неприятность. Ездил на Пороховщ. поселок, оступился и повредил ногу. Дня два просижу. Посылаю Вам «Мирные речи»¹¹³. Издание кончилось, а на рассылку не хватает. Там в Вашей священной книге есть на моем счету около 200 рублей. Я не хотел их трогать без крайности, но теперь надо расплатиться с типографией и купить марок для рассылки. Будьте великодушны мне эти деньги или завезти, или прислать. Очень нужно.

Хорошо бы Вы поступили, если бы заглянули ко мне сами на Патриаршие пруды (д. Вешнякова). Я Вас все поджидаю.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 122.

1900, июля 31 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я сегодня ждал Вас напрасно, вероятно, потому, что Вы еще не вернулись из Смоленска. Сего же дня я еду в ярмарку.

А нужно было бы поговорить по поводу печатания «Моих воспоминаний». И по поводу печатания «Путевых очерков» отдельною брошюрой с прибавлением 10-ти глав, утерянных почтою (30 глав помещены в «Урале» и присланы мне брошюрой¹¹⁴).

Напишите мне в Н. ярм.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 124.

1900, августа 20 — С.Ф. Шарапову

И[ижегородская] ярм[арка]

Уважаемый Сергей Федорович.

Я только что прочел Ваше предисловие во II выпуске «По-русски» и сию же минуту пишу Вам, выражая мою симпатию Вашей и искренности, и Вашей неутомимости. Предисловие вызывает со

стороны читателей уважение к автору и, вероятно, вызовет у многих желание выписывать от Вас этот новый род журнала.

Прошу послать Ваши выпуски с корот. письмами, ссылаясь на меня.

1. В Глазов Анисифору Михайлов. Гырдымову.

2. В Нолинск Сергею Михайл. Л.*

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 125.

1900, сентября 2 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Что это Вы на письма мои не откликаетесь? Здоровы ли Вы? Если есть время, заверните ко мне в понед[ельник] или вторник.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 126.

1900, сентября 8 — С.Ф. Шарапову**

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Нет ли у Вас свободного времени приехать сейчас на завод Грачев и К^о¹¹⁵ на молебствие (в 12 ч. дня ровно). Вы посмотрите завод, и, может быть, вынесите из осмотра его что-нибудь полезно-приятное. Я тут состою в должности как участник предприятия.

Право, уделите часа два времени и приезжайте.

Н. Чукмалдин

Адрес завода в заголовке.

Д. 510, л. 127.

1900, сентября 9 — Н.М. Чукмалдину***

Патриаршие пруды, дом Вешнякова (Малая Бронная № 30)

Уважаемый Николай Мартемьянович.

По поводу нашего вчерашнего разговора препровождаю Вам некоторые интересные документы по моей мастерской, которые очень прошу Вас препроводить Василию Ефимовичу Грачеву при

* Далее зачеркнуты:

3. Н. Новг. Слепушкину Фед. Михайлов. 4. Н. ярм. Седлову Лавр. Иван.

** Письмо на бланке «Правления Товарищества машиностроительного завода В. Грачев и К^о».

*** Машинопись.

Вашем письме, которое будет лучше всякого разговора, тем более что о своем деле я вообще разговаривать не умею.

Преданный Вам Шарапов

Д. 510, л. 128.

1900, сентября 15 — в редакцию «СПб. ведомостей»

Москва

В редакцию «СПб. ведомостей»

Прилагаемую корреспонденцию я просил бы напечатать в газете и мне прислать 50 номеров газеты или столько же особых оттисков.

Если корр. не будет напечатана, прошу ее мне возвратить.

С поклоном Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 129.

1900, сентября 15 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прилагаемую корр[еспонденцию] мне неудобно напечатать от себя. Не можете ли Вы ее использовать от Вашего имени даже в виде материала?

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 130.

1900, сентября 18 — Н.М. Чукмалдину*

[...] Считаю совершенно бесполезным производить основные затраты в размере большем, чем здесь исчислено, по следующим соображениям: 1) производство плугов ручное может быть столь же совершенным, как и машинное, но при дороговизне у нас капитала и дешевизне рабочих рук оно будет значительно дешевле; 2) в плуге нет вовсе точеных частей, штампование же большинства частей производится на разнообразных поддонах вручную, кроме некоторых отвалов, которые выгоднее давить прессом. Даже нет расчета ставить механические ножницы. Болты, которых идет довольно много, выгоднее заказывать и только нарезать самим на ручных болторезках; 3) сверление дыр до $\frac{3}{4}$ дюйма выгоднее на ручном стенном станке, а более широких для плугов не требуется. Гораздо выгоднее увеличить затрату на объявления, предоставляющие расход в высшей степени производительный.

* Фрагмент. Начало утрачено. Машинописный текст.

Было сказано в личном разговоре, что года два-три вся прибыль от дела должна идти в дело же. Это вполне разумно, но единственная, по-моему, форма производительного употребления этой прибыли — это развитие сети собственных складиков по уездным городам, по станциям жел[езных] дорог и в больших земледельческих селах. Россия представляет огромный рынок и даже с одними только плугами можно делать обороты на сотни тысяч, особенно на юге, теперь сполна захваченном иностранцами. Конкуренция с ними вовсе не так трудна, как кажется. Нужно только иметь товар всегда в готовности, правильно приходящиеся запасные части и возможность оказывать долгий кредит торговцам при скидке не меньше 20%. Провозные тарифы на земледельческие орудия чрезвычайно низки. Так, напр., провоз двухкорпусного плуга весом в 4 пуда из Москвы во Владикавказ стоит не дороже рубля. При такой дешевизне возможна полная централизация дела, т.е. работа на всю Россию. У меня выработаны типы плугов¹¹⁶ для всех полос и почв, и практика покажет, какие и куда орудия более всего пойдут. Но главное — это специализоваться на одном деле, строить только одни плуги, но строить их дешево и по точным шаблонам.

Во избежание конкуренции мне придется взять несколько привилегий, по поводу которых между мною и товариществом будет отдельное соглашение.

Я взял производство для опыта в небольшом размере и на короткий срок 5 месяцев. Весна покажет, каков будет сбыт, и в каком направлении вести дело дальше. Но даже в случае неуспеха, если бы пришлось дело ликвидировать, существенного убытка быть не может. Сделанные плуги распродаст по нормальным ценам моя мастерская, которая существует вот уже 22 года, работая при самых ужасных условиях.

Москва. 18 сент. 1900.

Сергей Шарапов

Д. 510, л. 131.

1900, сентября 18 — Н.М. Чукмалдину

В редакцию газеты
Москва

Многоуважаемый Николай Мартемьянович.

При сем прилагаю некоторые цифровые соображения по постройке плугов на заводе Вашего товарищества. Из моего разговора с Грачевым я убедился, что при самом лучшем его отношении к этой идее он совсем не в курсе дела и смотрит на него довольно

мрачно. Между тем, дело, бесспорно, очень выгодное. Весь вопрос в распродаже товара, и этот вопрос решается хорошо. При самых тяжких условиях: без денег, без кредита, отказываясь от больших заказов, и почти не делая скидки, — моя мастерская работает безостановочно 22 года и дает доход.

Цифры, приводимые в записке, взяты на память и потому я старался их преувеличить в дурную сторону.

На этих днях получу коллекцию плугов, и тогда будем с Грачевым иметь разговор технический. А пока поговорите с Верховланцевым¹¹⁷ и меня поддержите.

Статьи обе, вероятно, скоро будут напечатаны.

Весь Ваш Ш[арапов]

Д. 510, л. 129.

Записка о плугах*

Считаю полезным остановиться пока только на постройке плугов, открыв с этой целью при заводе особое отделение в следующем составе:

кузнецов 2 с жал. 30 р., в мес. 60 р.
 молотобойцев 2 с жал. 18 р., в мес. 36 р.,
 сборщиков 8 с жал. 30, в мес. 240,
 сверлильщиков 2 с жал. 20, в мес. 40
 чернорабочий 1 с жал. 15, в мес. 15,
 маляр 1 с жал. 25, в мес. 25 р.
 Итого 16 — 416 р.

Производство будет идти так: будет строиться четыре типа наиболее ходких плугов, а именно: одноконный марка К¹ в 7 рублей, одноконный марка Л¹ — в 7 и 8 рублей с приспособлением для окучника, пароконный марка З¹ — в 20 руб. с двухколесным передком и легкий двухкорпусный марки ЛЛ в 25 и 27 р., все четыре железные. Остальные плуги должны строиться только по заказу.

Два месяца потребуется для организации дела при половинном составе рабочих. В это время будут сделаны образцы, приготовлены шаблоны и необходимые инструменты. В течение следующих пяти месяцев должно быть изготовлено: 1000 плугов К¹ на номинальную сумму 7000 р., 500 плугов Л¹З¹ — на 3500 р., 200 окуч. КЛ по 3 р. 50 к. — 700 р., 300 плугов З¹ на номин. сумму 6600 р., 200 ЛЛ — 5000 р.; запасных частей к ним на 1200 р.

Итого 24000 р.

На производство в течение 5 месяцев этих 2200 плугов потребуются расходы:

* Машинописный текст, фрагмент.

1) заработная плата 10 чел. Рабочих по 416 р. в месяц — 2080 р., руководителю по 400 р. — 2000. Итого 4080 р.;

2) материалы: железа сортового около 3200 п. по средней цене 2 р. за пуд — 6880 р., стали листовой. 450 п. по 3 р. — 1350.

Цена 20 и 24 р. средняя 22 р.

Средняя цена 36 р. <...>

Д. 510, л. 132.

1900, сентября 27 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Получили ли Вы вторую мою корр. и, если да, то почему она не печатается. Если неудобна почему-нибудь, то прошу возвратить мне ее немедленно.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 133.

1900, ноября 1 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Прилагаемая корр[еспонденция] г. Рылова¹¹⁸ назначена для напечатания в «Р[усском] слове». Человек он бедный и надо ему за нее заплатить.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 134.

1900, ноября 11 — С.Ф. Шарарову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я давно Вас не вижу и давно о Вас не слышу. Где Вы?

Не завернете ли ко мне или на биржу? Надо бы двумя-тремя словами перекинуться с Вами.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 135.

1900, ноября 15 — С.Ф. Шарарову

Уважаемый Сергей Федорович.

Прошу Вас прислать мне 300 экз. «Моих воспоминаний». Они мне очень нужны.

Затем надо бы напечатать вторую часть «Моих воспоминаний», рукопись которых передана Вам. Это издание надобно сделать с рисунками и, мне кажется, пора его печатать.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 136.

1900, ноября 22 — С.Ф. Шарапову

Москва

Господину Шарапову С.Ф. от Н.М. Чукмалдина

Г. Владимиров Н.М. прислал мне из Рима, где он проживает, две прилагаемых при сем корреспонденции. Благоволите передать их для напечатания в «Русском слове».

Предан. Вам Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 137.

1900, ноября 23 — Н.М. Чукмалдину*

Москва

Уважаемый Николай Мартемьянович, Вы не удивляйтесь, что не захожу и не отвечаю на письма, подаю повод думать Бог знает что. Дело в том, что я пролежал в жестокой инфлюэнции и самые неотложные работы диктовал через силу. Я и сейчас еще почти не выхожу.

На этих днях постараюсь к Вам заглянуть. Корреспонденцию из Рима Вашего приятеля получил и передам по назначению, не ручаясь за успех, т.к. все сотрудники зубами держатся за строки и левых стараются не пускать.

Пока до свидания.

Преданный Вам [без подписи].

Д. 510, л. 135.

1900, декабря 5 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Вновь напоминаю Вам:

1. О печатании «Моих воспоминаний».
2. О возврате мне корр. г. Владимирова.
3. О присылке мне 300 экз. «Моих воспоминаний».

У меня имеется для передачи Вам:

1. От Е.Е. Емельянова 100 р.,
2. От И.П. Желтова и Рассказова 5 р.

* Машинописный текст выполнен на бланке письма Н.М. Чукмалдина от 11 ноября 1900 г.

3. От Ив. Антонова 25 р. Итого 130 р.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 138.

1900, декабря 16 — Н.М. Чукмалдину*

Москва

Дорогой и многоуважаемый Николай Мартемьянович.

Очень виноват перед Вами за молчание, да ничего не поделаешь. Уж если за готовыми деньгами не иду, значит, очень меня затрепали. До поездки в Петербург я не мог доставить Вам 300 экз. Ваших воспоминаний, потому что весь остаток издания был сложен там на хранение. Теперь книги все переправлены сюда и на этих днях вам Ваши брошюры доставлю.

Делал ремонт своего паровика на заводе Грачева. Там совсем мало работы. Жаль, что сам Грачев болен, я уже давно собрался порешить с ним на счет Вашей идеи о плугах. Эх, хорошо бы было, да, кажется, там не очень этому рады. Поговорите-ка еще раз с Верховланцевым, да давайте сделаем хорошее дело. Кстати, я совершенно не понимаю требования Грачева — привезти ему плуги для осмотра, да оно было мне несколько и обидно. Не гораздо ли же проще, если нужен эксперт-механик, захватить его с собою и побывать у меня праздничным днем? Я думаю, что это просто замаскированное нежелание. Будьте справедливы и согласитесь, что легче же им вдвоем приехать ко мне на извозчике, чем мне ломать плуги и везти их на двух подводах.

Я глубоко убежден, что дело могло бы отлично пойти. Россия — громадный рынок, и как сельское хозяйство ни разорено, однако заграничных плугов проходят по-прежнему десятки тысяч.

Шли тут у меня переговоры об основании самостоятельного товарищества, да уж очень глупый человек попался. Ничего не вышло.

Пока до свидания, многоуважаемый Николай Мартемьянович, на этих днях явлюсь собственной персоной.

Весь Ваш [без подписи].

Д. 510, л. 139–139 об.

1900, декабря 19 — Н.М. Чукмалдину*

Патриаршие пруды, дом Вешнякова.

Добрейший и многоуважаемый Николай Мартемьянович.

При сем препровождаю Вам триста экземпляров Ваших воспоминаний. Собирался сам сегодня побывать у Вас, но в эти морозы

* Машинопись.

зы слегка простудился и побоялся выходить. Впрочем, явлюсь скоро, а пока будьте великодушны приказать выдать моему посыльному имеющиеся у Вас на моем счету 133 рубля. Он пойдет от Вас прямо в почтамт за марками для рассылки второго, а, в сущности, первого выпуска дневника.

Итак, до скорого свидания.

Весь Ваш [без подписи]

Д. 510, л. 140.

1901, января 9 — С.Ф. Шарапову

Уважаемый Сергей Федорович.

Я хотел бы скорее напечатать вторую часть «Моих воспоминаний». Прошу Вас как-нибудь завернуть ко мне. Я болен и, говорят, серьезно¹¹⁹.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 141.

1901 (?) января 21 — С.Ф. Шарапову

Уважаемый Сергей Федорович.

Советую завернуть в амбары «А. Трапезников и К°» к Виктору Федоровичу Кельину. Сейчас Вы его застанете. Это на Ильинской, ход с угла от биржи. Он сегодня с почтов. поездом едет в СПб.

Пред. Вам Н. Чукмалдин

Д. 1037, л. 68.

1901, января 22 — С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович.

Я снова повторяю мою просьбу: поспешите с печатанием «Моих воспоминаний».

Я болен и не знаю еще настолько ли серьезно, что нужна будет операция, или же это обойдется сидением дома.

Н. Чукмалдин

Д. 510, л. 144.

1901, февраля 27 — Н.М. Чукмалдину

Не сердитесь на меня, многоуважаемый Николай Мартемьянович, за молчание. Мне очень нездоровится и телесно, и, в особенности, душевно. Я совершенно изнемогаю и над работой, и над черными мыслями. А черные мысли естественны. Ведь большое

дело — веду страшную борьбу и совершенно одиноко. Дают гроши, которые меня только связывают. Нет человека, который бы серьезно пришел на помощь, серьезно дал возможность приложить мою очень большую силу. Каждый думает только о себе, тешит свое личное самолюбие в той или иной форме, и всех порознь и вместе съест Витте, а затем [1 нрзб.].

Будьте благонадежны.

Я осужден $\frac{9}{10}$ времени тратить на пустяки, на мелочи, на черную работу, потому что не на что секретаря нанять, и сдохну, не сделав и $\frac{1}{10}$ того, что мог бы сделать. Хоть бы эта история с плугами. Вспомнить не могу, до чего это все противно. После 23 лет работы, да какой работы! Я еще поезжай вези плуги и кланяйся Грачеву, да слушай от него «да знаете, это конечно... только видите ли» и пр., и пр.

Немец, англичанин и др. оттого и сильны, что они ум чтут, выдвигают, сплываются вокруг него, а не возят воду на рысаках. Помилуйте, скажите: не мог человек захватить посмотреть плуги у меня. Ну и пусть завод сидит без работы, а я отказываюсь в мастерской своей от заказов. Наплевать!

Я зол, как сто чертей, потому что силы слабеют, жизнь уходит, а вокруг и впереди все то же свинство и гадость, которые видел всю жизнь. И никакого выхода не видно...

Не могу Вам ничего сказать относительно издания конца Ваших «Воспоминаний». Я так завален делами, что не могу выбрать времени, чтобы над ними поработать и придать им литературную форму. А без этого их издавать не следует. Очень уж будет велика разница с первой частью, которая мною очень сильно переработана.

Простите за скверное настроение духа. Желаю Вам поскорей оправиться.

Искренно преданный Шарапов

Д. 510, л. 145–145 об.

**1901, июнь — Извещение о вступлении в наследство вдовы
Н.М. Чукмалдина Александры Ивановны Чукмалдиной***

Москва

М.г.

Имею честь известить Вас, что за смертью мужа моего московского 1-й гильдии купца Николая Мартемьяновича Чукмалдина и на основании оставшегося духовного завещания все движимое и недвижимое имущество покойного переходит в полную мою собственность.

Торговое дело покойного буду продолжать в прежнем, без всякого изменения виде под фирмой «Наследница Николая Марте-

* Типограф. оттиск.

мьяновича Чукмалдина», причем ведение его поручаю многолетним сотрудникам и доверенным умершего Оскару Федоровичу Йенсену и Сергею Ивановичу Жевакину на основании доверенностей, мною им выданных.

Доводя это до Вашего сведения, я покорно прошу Вас удостоить меня тем же благосклонным доверием, каким пользовался покойный муж мой.

С совершенным почтением
Александра Ивановна Чукмалдина

Д. 510, л. 146.

1901, не ранее июня — А.И. Чукмалдина С.Ф. Шарапову

Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Я просила бы Вас принять на себя труд печатать «Воспоминания» моего мужа. Мне нужно не более трехсот экземпляров, чтобы раздать знакомым и то только вторую часть.

Продавать же не буду.

Когда напечатаете, то прошу Вас черновики мне возвратить. Рукопись его нам дорога, и мы постараемся ее сохранить.

С уважением А. Чукмалдина

Д. 510, л. 168.

1901, августа 3 — А. Чукмалдина С.Ф. Шарапову

Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Будьте любезны сообщить мне: намерены ли Вы печатать теперь вторую часть воспоминаний моего покойного мужа?

Позднее, мне кажется, выпуск этой книги не будет иметь интереса.

С уважением А. Чукмалдина

Д. 510, л. 147.

1901, августа 4 — С.Ф. Шарапову

Москва

Господину Сергею Федоровичу Шарапову.

Милостивый государь, покорно просит Александра Ивановна Чукмалдина дать ответ на последнее ее письмо или заехать на квартиру, Рождественка, дом 8, Третьякова. Просит Вас ответить не дальше понедельника.

Д. 510, л. 148.

1901, сентября 21 — С.Ф. Шарапов О.Ф. Йенсену

У Старого Пимена, д. Викторсон

Дорогой Оскар Федорович.

У меня обработка «Воспоминаний» вполне готова и можно печатать хоть завтра. Пожалуйста, поговорите с А.И. Чукмалдиной и напишите мне, согласна ли она:

1) принять на себя расходы по изданию, т.е. бумагу, печать, клише на основании тех оправдательных документов, которые будут мною представлены, засчитав мне лично за обработку, редактирование и корректуру 500 руб.?

2) Разрешит ли она мне сверх нужных ей экземпляров тем же набором напечатать за мой счет и на моей бумаге некоторое количество, которое будет нужно лицам, имеющим первую часть и желающим приобрести вторую? Я думаю, что против этого Александра Ивановна возражать ничего не может.

По получении ответа я тотчас же приступлю к печатанию.

С искренним уважением Шарапов

Д. 510, л. 149 об.

1901, сентября 21 — О.Ф. Йенсену*

Москва

Уважаемый Оскар Федорович.

Сделайте милость, выясните с А.И. Чукмалдиной вопрос о печатании «Воспоминаний» Н.М. Она мне писала, что не желает их пускать в продажу, а напечатать только 300 экз.

Я же просил печатать минимум 2000, так как мною только из конторы «Р. труда» продано около 300 экз. да свыше 500 экз. находятся в магазинах на комиссии, счет с которыми не сделан.

Д. 510, л. 149.

1901, октября 15 — О.Ф. Йенсен С.Ф. Шарапову

Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Прошу Вас мне сообщить, когда выйдут из печати «Воспоминания» покойного Н.М. Чукмалдина, и когда Вы доставите в контору заказанное Вам количество экземпляров. Ведь время уходит.

С совершенным почтением Йенсен.

Д. 510, л. 150.

*На тип. бланке Сосновской мастерской С.Ф. Шарапова. Черновик.

1901, октября 17 — С.Ф. Шарапов О.Ф. Йенсену

Многоуважаемый Оскар Федорович!

Печатание второй части «Воспоминаний» Николая Мартемьяновича я уже начал. Так как там много рисунков и потому необходимо клише, то, конечно, все это печатание замедляется. В ноябре книгу надеюсь выпустить.

Не будете ли добры, кстати, приказать внести в типографию А.В. Васильева на Петровке д. Обидиной за мой счет 200 рублей, по предоставлении мною счетов эти деньги удержите.

Искренно уважающий Вас *Шарапов*

Д. 510, л. 154.

1901, ноября 12 — А.И. Чукмалдина С.Ф. Шарапову

Москва

Памятная

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Александра Ивановна просит Вас поторопить выпуском II части «Воспоминаний». Согласитесь сами, время уходит, и интересы остывают.

Потрудитесь сообщить, можно ли рассчитывать на выпуск книжки к 20-му ч/м.

С уважением [штамп Н-ца Н.М. Чукмалдина] А.И. Чукмалдина
По доверенности О. Йенсен

Д. 217, л. 1.

1901, ноября 13 — О.Ф. Йенсен С.Ф. Шарапову

Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович!

На последнее Ваше письмо спешу ответить Вам, что деньги за Ваши труды и расходы по печатанию «Воспоминаний» будут уплачены Вам по получении заказанного Вам количества экземпляров.

Уважающий Вас Йенсен

Д. 510, л. 151.

1901, ноября 16 — С.Ф. Шарапов О.Ф. Йенсену

Уважаемый Оскар Федорович!

Покойный Ник[олай] Март[емьянович] говорил, что в его воспоминания следует вставить два рисунка: 1) портрет его матери, 2) вид церкви, им построенной в Кулакове. Портрет он показывал в рамке на столе его кабинета (увеличенная фотография),

церковь обещал заказать снять и рисунок мне прислать. Это последнее, я думаю, Александра Ивановна сделала для себя в бытность свою там.

Сделайте милость, как можно скорее портрет вместе с рамкою пошлите снести напротив Вас в Ютков переулочек в цинкографию Метцгер, который делает и стальные клише для «Воспоминаний». Там, не снимая стекла, переснимут и тотчас же Вам возвратят. Туда же не откажите послать фотографию церкви, если таковая есть. Я одновременно им сообщаю [нрзб.], как и в каком размере сделать.

Если почему-нибудь встретятся препятствия, то я закончу книгу и без этого, но будет очень досадно, имея рисунки Калганова, вид музея и пр. не поместить в книгу таких важных вещей, как портрет матери Ник. Март. или главное им созданное — церковь.

Пожалуйста, ответьте поскорее.

Ваш Шараров

Д. 217, л. 2–2 об.

1901, ноября 17 — О.Ф. Йенсен С.Ф. Шарарову

Москва

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Сегодня посланы в цинкографии Метцгера три фотографии: портрет покойного, его матери и вид церкви. Весьма желательно поместить их в «Воспоминания».

Потрудитесь Метцгеру дать размеры для клише, поторопите его, а мне сообщите, можно ли рассчитывать на выпуск книжки к 25-му ноября.

Уважающий Вас Йенсен

Д. 510, л. 152.

1901, ноября 27 — С.Ф. Шараров О.Ф. Йенсену

Уважаемый Оскар Федорович!

Задержка не за мною. У Метцгера не готовы клише, а их довольно много. Теперь зима, свету мало, а потому все фотогр[афические] работы идут крайне медленно. А книжка вся набрана, только без клише нельзя верстать.

Не пошлете ли Вы от себя человека (это ведь против Вас), поторопить их!

Передайте мой поклон Александре Ивановне и скажите, что от получения клише через неделю привезу ей все издание.

Вам преданный Шараров

Д. 510, л. 151.

1902, января 3 — О.Ф. Йенсен С.Ф. Шарапову

Москва

Господину Сергею Федоровичу Шарапову

Милостивый государь!

Прошел 1901 год, а обещанных Вами «Воспоминаний» нет и нет. Нет даже от Вас объяснений, почему задержка и когда, наконец, выйдет книжка. Прошу ответить категорически, будет ли напечатана Вами книжка.

С почтением [подпись Йенсена]

Д. 510, л. 153.

1902, января 5 — С.Ф. Шарапов О.Ф. Йенсену

Многоуважаемый Оскар Федорович!

Книжка отпечатана и сегодня сдается в цензуру¹²⁰. Задержка вышла потому, что в типографии перед праздниками было слишком много спешной работы. Поэтому же и мой 15 вып. не успел выйти в 1901 году а перенесен на этот год.

У нас в России так всегда.

Уважающий Вас Шарапов

Поздравляю Вас с Новым годом и прошу выразить мои наилучшие пожелания Александре Ивановне и детям.

Д. 217, л. 3.

× 1902, января 8 — С.Ф. Шарапов О.Ф. Йенсену

Уважаемый Оскар Федорович!

Посылаю Вам отпечатанную книжку. Не готова только обложка, да вот вышла ерунда с цензурой. Не слышали ли Вы от пок[ойного] Николая Мартемьяновича, что изображает карикатура на стр. 44 (внизу). Я думаю, что это б[ывший] город. голова Подаруев¹²¹.

Сделайте милость, если кто знает, сообщите. Завтра надо по этому поводу ехать объясняться. Прилагаю письмо фактора типографии.

Буду ждать ответа, если можно, сегодня к вечеру.

Преданный Вам Шарапов

Д. 217, л. 4.

1902, не ранее 8 января — О.Ф. Йенсену*

Уважаемый Оскар Федорович.

При сем прилагаю 300 экз. второй части «Воспоминаний» Н.М. Чукмалдина и счет, деньги по коему не откажите уплатить подателю.

Александра Ивановна просила сохранить для нее рукопись покойного Ник. Мартемьяновича. Эта рукопись будет доставлена на днях вместе с оригиналами рисунков.

С искренним уважением Шарапов

Д. 510, л. 143.

**1902, января 16 — Счет на издание
второй части «Воспоминаний» Н.М. Чукмалдина***

Москва

Счет

Г-же А.И. Чукмалдиной, наследнице Н.М. Чукмалдина, по изданию второй части «Воспоминаний» Н.М. Чукмалдина.

За клише Метцлеру уплачено 134 р. 30 к.

По счету типографии А.В. Васильева следует уплатить 197 р. 85 к.

Мой гонорар согласно условию — 500.

Итого 832 р. 15 к.

Деньги верю получить рассылному Прокофию Савкину. В случае, если Вам будет удобно оплатить счет типографии самим, благоволите 197 р. 85 к. из общей суммы исключить и счет оставить. В противном случае счет благоволите прислать, который по оплате будет Вам представлен. 300 экземпляров книги у сего прилагаются.

Москва. 16 янв. 1902.

Шарапов

Д. 510, л. 142.

1902, января 17 — С.Ф. Шарапову

Москва

Памятная

Многоуважаемый Сергей Федорович!

За деньгами 832 р. 15 к. потрудитесь приехать сегодня или завтра. Рассылный Ваш Прок. Савкин не застал меня вчера в конторе.

Хотелось бы погасить Ваш небольшой дебетовый счет в наших торговых книгах 26 руб. 10 коп.

С Вас: протест век[сельный] Анисимова 2 р. 10 к., гонорар адвок. по взыск[анию] 300 р. 30 к.

Вам подписать 6 р.

Не позволите ли мне удержать? За Квапилом И. Ф. состоят по сч. 23-го марта 1899 г. р. 16+80. Не получали ли Вы этих денег?

С искренним уважением подпись О. Йенсен.

Д. 1037, л. 67.

* Рукопись на тип. бланке «Сосновская мастерская С.Ф. Шарапова»

1902, апреля 3 — О.Ф. Йенсен С.Ф. Шарапову

Москва

Уважаемый Сергей Федорович!

Александра Ивановна просит возвратить ей рукопись первой части «Воспоминаний» и все клише рисунков, воспроизведенных в воспоминаниях, а также вернуть обещанную ей переписку Вашу с покойным Н.М.

Все эти вещи прошу выдать предъявителю сего.

Уважающий Вас Йенсен

Д. 510, л. 155.

*Публикация С. Дикка,
Ю. Мандрики и В. Темплинга.*

Комментарии к переписке автора с издателем

Публикуемая часть переписки нашего земляка Николая Мартиновича¹ Чукмалдина с «классиком русской экономической мысли, до конца не понятой и не оцененной»², Сергеем Федоровичем Шараповым вносит некий диссонанс в наше восприятие удачливого купца из д. Кулаковой.

Конечно, мы должны сделать некую корреляцию информации, обнародованной эпистолярием: коллекцию писем для передачи в архив подбирал в последние годы своей жизни сам скандально известный журналист славянофильского толка С.Ф. Шарапов. Мысль об избирательности памяти письменных источников возникает сама собой, когда уже просматриваешь переписку, сохранившуюся в Смоленском областном государственном архиве. Будучи очень занятым человеком, «узник» Сосновской мастерской, в которой изготовлялись плуги, уж больно тщательно заботился об историографических источниках, которые скрасят его имидж перед потомка-

¹ Такая артикуляция отчества Н.М. Чукмалдина — точка зрения автора статьи, которую он обосновывал в своих предыдущих статьях. См., например: Мандрика Ю.Л. О московском периоде Чукмалдина // Лукич. 2001. Ч. 4. С. 3–17, 216.

² Панаэтов О.Г. С.Ф. Шарапов о прессе и проблема подбора кадров // Журналистика: историко-литературный контекст. Краснодар, 2003. С. 79.

ми: лишь на некоторых из писем Н.М. Чукмалдина оставлены черновики (черновики ли?) ответов издателя «Русского труда». Но вообще-то надо сделать оговорку, что в фонде С.Ф. Шарапова — бесчисленное количество копий его ответов корреспондентам... А это ставит предположение о возможной фальсификации под сомнение...

Баловень судьбы, Сергей Федорович практически двадцатилетним уехал добровольцем в Боснию и Герцеговину, где поднялось восстание южных славян против османского владычества. И прямо оттуда — в парижские корреспонденты «Нового времени». Сегодня вообразить трудно — интервьюировал самого автора «Отверженных»...

Вернувшись в Россию, получал свое экономическое образование на рабочем месте, прямо в Сосновской мастерской, где пытался не только разработать новые технологии пахоты земли путем усовершенствования плугов, но и постичь премудрость хозяйствования русского мелкого предпринимателя. Не желая усваивать психологию кулака, Сергей Федорович недостаток денег на развитие сосновского хозяйства пытался компенсировать на журналистской ниве. Хотя при этом предупреждал заранее своего читателя: «На литературу не надейтесь, ее нет. Она умерла вместе с теми людьми, у которых двигателем была любовь к родине...»³

И.С. Аксаков считал Сергея Шарапова своим лучшим учеником.

Лебединую песнь — «Русский труд» — он исполнял достойно, несмотря на то, что жил в «каторжное время. Заболевает жена, в деревне обрушиваются судебные взыскания, денег ни копейки. Вообразите положение человека, который не спал несколько ночей подряд, нравственно истощен и которому приходится вместо отдыха садиться писать ответственную и важную передовую статью и редактировать номер. Я писал, клянусь Вам, в каком-то чаду, с нервами, страшно взвинченными. Привычка к работе выручала, и мысль укладывалась, но эта мысль невольно бунтовала против двигавшей ее воли и укладывалась раздражительно, нервно»⁴.

Так писал в письме от 1 августа 1897 г. С.Ф. Шарапов начальнику Главного управления по делам печати М.П. Соловьеву. Передовая статья о Каткове вызвала недовольство в ГУДП, и автора пригласили на собеседование. Но он не пошел, отправил почтой лишь объяснительную: «Я не буду уверять, что это не повторится, т.е. что в один из таких тяжелых моментов я вновь не напишу чего-нибудь, с моей собственной точки зрения — преступного (ибо преступление для меня — погубить «Р[усский] тр[уд]» так же, как погубил «Русское дело»), но я позволю дать Вам слово (и исполню

³ ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 544. Л. 184.

⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. 1896. Д. 1010. Л. 27 об.-28.

его), что в такие психологические моменты я не буду вовсе ни статей писать, ни номеров выпускать. Лучше пропустить неделю и даже месяц, чем вовсе погубить газету»⁵.

Это было в самый тяжелый период «Русского труда». Соиздателю барону А. Штиглицу, магистру международного права, не нравилось, что страницы нового шараповского издания превратились «в картинную галерею Ваших знаменитых друзей»⁶. Это ему напоминало бульварную прессу, которую он презрительно именовал «иллюстрированной». При этом барон требовал предоставлять на предварительное прочтение передовые статьи Шарапова еще до верстки полос, в рукописи: «Вы, буйная голова, опять меня расстраиваете, разойтись окончательно и навсегда ведь недолго, отношения так обострились, что держатся на волоске...»⁷. Несвоевременное представление рукописей на ознакомление соиздателю, самостоятельная агрессивная политика С. Шарапова в распространении «Русского труда» (бесплатная рассылка большого количества экземпляров без подписки, в расчете, если понравится читателю — оплатит полученные номера и захочет регулярно читать издание), барон «лишен возможности печатать и новые свои статьи, и продолжение даже своих старых статей»⁸ в журнале, который им финансировался вполовину «нарисованной» Шараповым сметы — все это раздражало А. Штиглица. К моменту публикации статьи о Каткове пути соиздателей разошлись.

Имя С. Шарапова было довольно известно читающей купеческой России. Поэтому редактор уверовал, что раз «обещала помочь Москва...». Хотя сомнения одолевали: «Вы знаете, как туга она, как трудно ее расшевелить»⁹.

И вот здесь начинается экономический детектив, трудный во всех отношениях для С.Ф. Шарапова. В его жизни появляется московский купец, очевидно, давний знакомый (первое сохранившееся письмо датировано 1890 г., следующее — шараповский фонд предлагает только за 1897¹⁰), Н.М. Чукмалдин.

О его меценатстве мы впитали с молоком матери. Хотя вслед за всяким произнесенным «А» часто следовало печальное «Б».

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 28.

⁶ ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5 об.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 27 об.

¹⁰ Что это? Вопрос сохранности или все-таки случай сознательного отбора документов, предназначенных для хранения в архивных фондах?

Пожертвованные им 3000 руб. на открытие сельского банка¹¹ могут вполне оказаться не более, нежели мифом. Документальных данных о существовании учреждения в то время пока не обнаружено¹². Но 29 января 1890 г. приговором Кулаковского сельского схода было принято решение о закрытии сельского банка, учрежденного на основании устава 1885 г. в кулаковском обществе на капитал 300 руб., пожертвованный крестьянкой Ульяной Лазаревой. Крестьяне пришли к заключению, что при таком основном капитале и изложенных в уставе условиях банк не только не даст прибылей, но и вряд ли сможет существовать. Учреждение, на открытие которого было получено разрешение, так и не появилось в Кулаково.

Были ли у Ульяны Лазаревой последователи? Дать ответ на этот вопрос могут только документальные источники, с которыми пока дело обстоит туговато.

Примерно так же выглядит и предложение заполучить музей, от которого «так позорно отказались тюменские отцы города»¹³. Газета «Урал» рассказывала эту историю. Даритель выглядел в ней не лучшим образом: заявление больше смахивало на шантаж, заставляющий городскую управу встать на колени: приобрету коллекцию, чтобы передать в собственность, если вы построите здание для музея. Попытка властей взять у Чукмалдина кредит на несколько лет, чтобы музей смог обрести свой дом, оказалась безрезультатной.

И как на самом деле появился городской музей, никто из нас так пока и не знает. Хотя «Сибирская торговая газета» в начале 1901 г. сообщала, что министр народного просвещения разрешил Тюменскому Александровскому реальному училищу принять в собственность от московского купца Н.М. Чукмалдина научные коллекции, ценность которых составляет около 10 тыс. рублей¹⁴. Нахождение частного музея И.Я. Словцова на партизанских правах в здании реального училища, директором которого он и был, таким образом было легализовано.

Очевидно, не все просто было вокруг в отношениях меценатов с местными обществами в то время. В «Тюменских письмах» корреспондент формулировал злобу дня: «Нужна не “игра в благотворительность”, а действительная серьезная помощь рабочему классу населения. ...нужны школы, больницы, ночлежные приюты, дома

¹¹ Сиб. торг. газета. 1901. 8 мая (№ 102).

¹² Разные известия // Сообщения С.-Петербургского отделения комитета о сельских ссудно-сберегательных и промышленных товариществах. 1890 г. СПб., 1891. Вып. 2-й. См. также С. 36.

¹³ Урал. 1901. 22 апр. (№ 200).

¹⁴ Сибирский листок: 1901–1907. Тюмень, 2003. С. 13.

трудолюбия. Народ нуждается в дешевых театрах, чайных, в заботах о его насущных нуждах, в сердечном к нему участии»¹⁵.

Читая сегодня переписку Н.М. Чукмалдина с С.Ф. Шараповым, в первом видишь деятельного коммерсанта, которому мало чайных, сахарных дел и торговли шерстью. Николай Мартинианович пытается осваивать новый рынок. Он делает очень мягкую экспансию в необычную для него отрасль — газетно-журнальную, капитализирующуюся к этому времени в России.

Письма нашего героя свидетельствуют о реальной помощи Н.М. Чукмалдина «Русскому труду». Здесь присутствует не только сбор денег для издания (от 15 окт. 1897 г.: «*Я просил бы Вас прислать мне наиболее характерных номеров "Р. труда", экземпляров 5, для предъявления одному крупному заводчику, который, если заинтересуется Вашим изданием, то значительно поможет Вам средствами*»), но зачастую и распространение вышедших номеров (от 28 окт. 1898 г.: «*Уважаемый Сергей Федорович. Я получил Ваше письмо и посылку с газетами, но не получил указания, кому их раздавать. Если можно, укажите поименно или, по мере, в какой среде их распространить*»), заботу о наличии постоянного читателя (от 21 февр. 1898 г.: «*Как видите, подписчиков для Вашей газеты я получил уже 40 и буду продолжать вербовать их, как только возможно*»), участие в привлечении к сотрудничеству новых авторов (от 11 апр. 1898 г.: «*Вот Вам еще сотрудник — директор Тюменского реальн. учил. Иван Яковлевич Слоцов. Посылаю его первую корресп. "Надвигающаяся туча", о чем он меня просит*»; 16 окт. 1898 г. «*Посылаю Вам рукопись г. Владимирова Н.М., моего приятеля, проживающего теперь за границей... Мне кажется, содержание ее интересно, и Вы печатайте ее в нижнем отделе газеты, в виде фельетона*»).

Но, участвуя в финансировании «Русского труда», Н.М. Чукмалдин, как и его предшественник на этом поприще, А. Штиглиц, не мог удержаться от оценочных суждений о некоторых номерах (от 28 июля 1898 г.: «*Ваши статьи о Толстом и Бисмарке хороши. В особенности мне нравится целиком последняя. Она, мне кажется, процеженное резюме русского сердца и ума. Статья же Толстого хороша, но условно. В ней мне кажутся лишними резкие слова и, в особенности, приговор, что Толстой намеренно избегает обходить некоторые положения. Откуда Вы знаете, что тут его намерение, а не ошибка? А ведь это одна сторона из самой сути Вашего разгрома его учения*»). Если Вы прочтете письма, то заметите, что были и более жесткие оценки работе С.Ф. Шарапова.

¹⁵ Урал. 1898. № 441.

Параллельно постоянной помощи в выпуске журнала шла работа по созданию товарищества, которое готово было поглотить «Русский труд» и сделаться машиной для зарабатывания денег всем акционерам.

Но у Сергея Шарапова хватало жизненного опыта, чтобы не стать на те же грабли, которые он то и дело имел удовольствие получать от барона А. Штиглица: «...я особенно счастлив, чем особенно горделив, это тем, что [1 нрзб] свое писательство сделал действительно серьезным и настоящим делом. Ни одной строки не найдется у меня такой, которая была бы написана иначе, как ради идеи, казавшейся мне в данную минуту самой верной, самой необходимой...»¹⁶.

Эта свобода стоила С. Шарапову дорого. Он ее отстаивал как мог, уступая лишь в мелочах. Публиковал письма своего помощника, рекламируя его как единственного честного торговца в России, привлекал даже некоторых его знакомых в качестве авторов «Русского труда», готов был не только отредактировать, а целиком написать воспоминания, лишь бы газета выжила.

Шарапов боролся за свое детище все время «в каком-то чаду», тараня изданием финансовую политику государства. «Мне и без того три года давали говорить с такою свободой, с какой до сих пор никто у нас не говорил, включая Аксакова и Каткова. И эта свобода за мной бы и осталась, если...»¹⁷

Это ласковое «если...» обволакивало, грозило устроить нормальную жизнь, в которой прибыль от коммерческой деятельности рассчитана на много лет вперед. При этом Н.М. Чукмалдин, не умеющий без посторонней помощи написать текст, пригодный к изданию в качестве воспоминаний книгой¹⁸, позволял цикать на

¹⁶ ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 592. Л. 2.

¹⁷ Шарапов С.Ф. Три сборника 1900 г. Мирные речи. По-русски. Старое и новое. М., 1901. С. 83.

¹⁸ Об существовании заавторства в статьях Н.М. Чукмалдина можно судить по некоторым другим публикациям. Так, в газете «Урал» печатались «Путевые очерки Кавказа» с продолжением. Почти в последней публикации, «Гамборский перевал», встречается любопытный отрывок: «строй жизни кавказца на каждом шагу представляет ряд комичных бытовых особенностей, совсем незнакомых нашему русскому обывателю. Те же 9 пар волов, запряженных в плуг, **на ярме которых сидят лицом назад пятеро погонщиков и, колотя быков и буйволов направо и налево, с шумом и гиком проводят борозду, разве это не наивность земледельца, не желающего купить хорошего плуга, для которого довольно и двух пар буйволов?** ...А стадо ослов, гонимое по прекрасному шоссе за 20

своего редактора: мол, чего позволяете делать курсивные выделения в тексте без моего согласия. Свобода «Русского труда» грозила стать лишь финансовой вольницей Сергея Шарапова, да и то в рамках учрежденного товарищества.

В дневниках журналиста и писателя того времени нет ни одного упоминания о Н.М. Чукмалдине, основном помощнике в деле издания «Русского труда», каким мы видим московского купца в публикуемых письмах. Очевидно, на фоне тех проблем, которые преподносило ежедневно русское государство своему народу, выходец из Кулаковой для С.Ф. Шарапова был меньшим злом и с ним какое-то время можно сосуществовать. Практически перед закрытием своего детища он писал на имя начальника ГУДП Н.П. Соловьева: «Когда вы изъемлете из обсуждения какой-либо вопрос, это не должно значить, я думаю, чтобы о нем совсем не говорили, а то, чтобы не волновали общество, не разжигали страсти. Отчего бы о таких изъятых вопросах не позволять говорить желающим с представлением статей на предварительную цензуру»¹⁹.

И он говорил, говорил, говорил. В первую очередь, о желании царского правительства девальвировать рубль, который до того времени был обеспечен государством определенным количеством серебра, независимо от котировки этого металла на рынке сбыта. «Все мои грехи, за которые на мои издания сыпались разнообразные кары, заключались почти единственно в страстности тона и резкости выражений. Принципиально я всегда защищал самодержавную царскую власть, православно-церковный строй, самобытность и незави-

верст с верушки высокой горы с вязанками дров на спине – разве такая громадная затрата труда и времени, дающая ничтожный результат – не смешна?» (Урал. 1897. 29 сент. № 214).

Такое *«на ярме которых сидят лицом назад пятеро погонщиков»* в те времена было возможно только в одном случае: литературный раб мстил своему мнимому «хозяину» за плохую оплату своей работы. О жадности московского купца рассказывала как-то газета «Сибирь» (см. Лук & Чок. 2008. Вып. 2. С. 150–151), который под видом меценатства обирал нищего, но талантливого художника-самоучку.

Больше путевые очерки Н.М. Чукмалдина в «Урале» не появлялись. Да и в некрологе данной газеты было отмечено, что он «известен как писатель, чутко относившийся к вопросам торговли и промышленности» (Урал. 1901. 22 апр., № 200). И никаких упоминаний о «Моих воспоминаниях». Не знать об этой книге в Екатеринбургe не могли. За публикацию С. Шарапова в «Урале» издание было приостановлено с 5 августа по 15 сентября 1900 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 156).

¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 106.

симось русского народа»²⁰. И в этом признании С.Ф. Шарапова не было нисколько лукавства. Он, во всяком случае, знал, что можно ожидать и от правительства, и от подпирającego его своими заботами товарищества, которое готово было вот-вот возникнуть...

И С.Ф. Шарапов натягивал поводья издания до последнего, мчался в пропасть. И, скорее всего, не потому, что у него не было вариантов. Он торопился многое сказать. Его голос слышали и государь, и правительство. Тому есть немало документальных подтверждений. При этом некоторые его современники были уверены, что, критикуя государственную кредитную политику на страницах своего журнала, Шарапов таким образом пытается решить свои проблемы, вынуждая министра финансов С.Ю. Витте выдать ему кредит...

Но совещанием трех министров издание было приостановлено за дискредитацию государства на международном финансовом рынке: уж очень часто «Русский труд» писал о неурядицах с деньгами в России. Это было для издателя своего рода спасением, свободой от тех помощников, которые хотели поймать ветер для мельницы своего благополучия.

Участвовавший в экспертизе «противоправительственного направления» «Русского труда» представитель Московского цензурного комитета 11 ноября 1900 г. писал уже после кончины издания в ГУДП, находившееся в северной столице: «Политического содержания статьи его всегда отличались как живостью изложения, так своеобразностью понимания и толкования им событий и решения разного рода вопросов. Как таковые эти статьи его всегда читались с огромным интересом и вниманием. В цензурном отношении (насколько помню, за время, когда мне приходилось следить за газетой «Русское слово») эти статьи г. Шарапова никакого вреда не представляли, напротив, в большинстве их проглядывал явно и его патриотизм, и его понимание с чисто русской точки зрения событий, о которых он печатно вел речь. Только статья его «По канцеляриям и департаментам», в которой он осуждает существующие порядки в наших правительственных учреждениях, да его суждения о евреях и о самоуправлении, насколько помню, останавливали на себе внимание, но и такого рода статьи я, по крайнему своему разумению, не только не считаю, но и не мог считать за вредные, так как видимая цель, с которой они писались г. Шараповым, всегда состояла не столько в осуждении им существующих у нас порядков, сколько в желании устранения непорядков, или всего того, что и ему, и другим казалось и кажется аномальным и вредным»²¹.

²⁰ ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1007. Л. 32.

²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 159.

Отчаянный крик владельца погибшего издания («Крайне нуждаюсь в деньгах. Ведь запрещение газеты вконец меня разорило»²²) сменился облегченным вздохом: «Материальная сторона устроилась хорошо. Остался старый долг по «Русскому труду», выплаченный лишь в небольшой части, но все же уменьшившийся... Значительная его часть будет погашена бесплатно высылкою моих сочинений в 902 году, остальная уплатится постепенно. Остались неоплаченные счета типографии и за бумагу, это долги текущие, которые покроются [1 нрзб] кредитом»²³. И в этом монологе столько спокойствия, столько уверенности: «Высочил. Жизнь только начинается».

Для стартового капитала вполнегодились 500 руб., назначенные Сергеем Шараповым наследникам Н.М. Чукмалдина за подготовку «маленького наследия покойного»²⁴ к печати. Это была мелкая месть не компаньону по бизнесу, а человеку, претендующему занять публичное место коллеги по литературному цеху. Как и уточнение Шараповым в заголовке посмертных «Записок о моей жизни»²⁵.

Ю. Мандрика

¹ Пороховщиков Александр Александрович (1833–1918). Выходец из семьи потомственных дворян Московской губернии, служил в лейб-гвардии Семеновского полка, в 1859 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. Уйдя из армии, Александр Александрович занялся подрядными строительными работами. Ему удалось получить несколько выгодных казенных заказов на строительство или переустройство правительственных зданий: Синода, судебных установлений, Министерства иностранных дел. Эти работы получили высокую оценку и создали Пороховщикову репутацию в строительном деле. В начале 1870-х годов Пороховщиков осуществляет грандиозный замысел, принесший ему славу: строительство на Никольской улице в Москве гостиницы «Славянский базар». Она была задумана как своего рода центр городской жизни, включавший магазины, ресторан, большой концертный зал...

В оформлении ресторана и особенно в убранстве концертного зала архитекторы А.Л. Гун и П.Н. Кудрявцев использовали русские узоры и резьбу, другие национальные мотивы. Молодому, тогда еще никому

²² ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 543. Л. 114.

²³ Там же. Д. 592. Л. 1.

²⁴ Там же. Д. 7. Л. 344 об.

²⁵ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни: посмертное издание по рукописи, во второй части начерно отделанной автором. Проредактировано и снабжено вступительной статьей Сергеем Шараповым. М., Типолитография А.В. Васильева и К^о, 1902. XVI, 197 с.

не известному выпускнику Академии художеств Илье Репину Пороховщиков заказал для концертного зала полотно «Русские и славянские композиторы» по программе Николая Рубинштейна.

«Славянский базар» вошел в историю русской культуры. Здесь любили останавливаться В.В. Стасов, Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский, И.А. Тургенев, Г.И. Успенский. В ресторане «Славянский базар» 1 июня 1898 г. произошла встреча В.В. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского, положившая начало Московскому Художественному театру. В эти же годы Пороховщиков-подрядчик осуществляет еще один, менее известный, но не менее замечательный в культурном отношении проект. Речь идет о реконструкции здания Горного правления (бывшего дома Нарышкиных) для архива Министерства иностранных дел. Затем Пороховщиков берется за благоустройство московских мостовых, известковая пыль которых, по мнению врачей, была одной из причин легочных болезней. Пороховщиков впервые стал мостить улицы твердыми породами камня — диабазом и диоритом, широко использовал для покрытия улиц асфальт. Качество его асфальта на Никольской улице было таким, что четверть века не требовался ремонт.

В эти же годы Александр Александрович особенно тесно сблизился с лидерами славянофильского направления — Аксаковыми, Катковым — и развернул кипучую общественную деятельность в Славянском комитете, в Московской городской думе. В преддверии Русско-турецкой войны офицерский опыт и связи оченьгодились Пороховщикову. Он стал одним из основных организаторов набора летом 1878 г. русских добровольцев в Сербию, к генералу Черняеву. Но еще в сентябре 1876 г. Пороховщиков был негласно направлен специальным уполномоченным Славянского комитета в Крым, где отдыхал Александр II, которого нужно было убедить, что движение за освобождение славян является чисто патриотическим и народным, что его «не под силу вызвать одному человеку или группе людей», а руководители движения, и прежде всего Иван Аксаков, — искренние и благонамеренные, преданные императору деятели. Высочайшая аудиенция в Ливадийском дворце, продолжавшаяся полтора часа, состоялась 21 сентября. Месяц спустя царь объявил из Кремля всему миру, что войну за освобождение братьев по вере он считает и своим делом. «Русский народ впервые живет своей историей, своей религией и своей политикой», — сказал по этому поводу знаменитый историк Сергей Соловьев. А менее чем через год, 12 апреля 1877 г., Россия объявила войну Турции.

Пороховщиков был одержим идеей создания «русского стиля» в архитектуре. Архитектор Гун спроектировал и построил для него

в Москве «избу» — бревенчатую, с резными наличниками, со светелкой наверху, с деревянными воротами. От нее пошла целая традиция в московской архитектуре. В «избе» Пороховщиков и поселился с семьей, хотя был одним из крупных домовладельцев Москвы. С годами энергия Александра Александровича не иссякает. В начале 1890-х он на всю страну рекламирует строительство так называемых огнестойких поселков, которые заменили бы крестьянские деревянные избы с соломенными крышами, подверженные пожарам. Новые дома предполагалось строить прежде всего из глины, по образцу саманных построек. Пороховщиков часто выступает с лекциями в обоснование этой идеи и издает массовым тиражом соответствующую брошюру. Он даже собирался поставить «образцовую негораемую саманную избу для крестьянской семьи» на Красной площади, около Кремлевской стены, «лицом к крестьянину Минину и князю Пожарскому». Показательные образцы проекта демонстрировались на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Было начато строительство экспериментального поселка в селе Спасское-Котово, в 20 верстах от Москвы. Неоднократно избирался гласным Московской городской думы.

Видя себя трибуном, глашатаем идей, как Катков или Иван Аксаков, стареющий Пороховщиков с головой окунулся в патриотическую публицистику, организовал в Петербурге собственное издательство и типографию, а 9 ноября 1890 г. выпустил в свет первый номер своей ежедневной газеты «Русская жизнь», редактором которой стал сам. Современники назвали было «Русскую жизнь» первой после долгих лет опустошенности прогрессивной оппозиционной газетой. Газета Пороховщикова, в частности, неоднократно выступала с резкой критикой разорительного, по его мнению, для страны экономического курса министра финансов И.А. Вышнеградского, финансовых операций правительства, сокращавших государственный золотой запас. «Русская жизнь», которой Пороховщиков отдал немало сил и средств (до 300 тысяч рублей), после неоднократных цензурных взысканий 20 января 1895 г. была окончательно запрещена.

² Публикация «Нижегородская ярмарка» появилась в газете «Урал» в №182 за 1897 г. И лишь в 1899 г. появилось ее продолжение (№743, 745, 751, 759; «Урал» издавался с единой нумерацией, начинавшейся с выходом первого номера, 29 декабря 1896 г.)

³ Поездка С.Ф. Шарاپова в Тюмень состоялась осенью 1897 года. В номере «Сибирской торговой газеты» за 20 ноября помещен отчет о показательной пахоте, проводившейся С.Ф. Шарановым в Кулаковой 17 ноября. В тот день на школьном участке вполне успешно были продемонстрированы модели плугов Н, ЗК. Для сравнения вместе с

плугами артели Шарапова в испытании участвовала и соха, производства местных мастеров. По завершении испытаний плуги были оставлены в деревне, один из них подарен крестьянину И. Чукмалдину в благодарность за помощь, остальные переданы школе.

⁴ «Русский труд» — еженедельник, издававшийся в Петербурге с 19 января 1897 г. практически по 10 ноября 1899 г. под знаменем славянофильства, поставленного на экономическую основу. Первоначально издателем («вносить по истечении каждого месяца $\frac{1}{12}$ часть сметной суммы»). ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 24. Л. 9) выступал барон А. Штиглиц, магистр международного права, в прошлом банкир. Однако характер С.Ф. Шарапова преопределил непрочность этого альянса: «Мой компаньон оказался помешанным человеком, и, во-вторых, бывало, несколько дней болел после взноса денег. Через полгода, найдя благовидный предлог, он наделал мне оскорблений и отказался от договора, оставя издание без всяких средств...» (РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. «По изданию г. Шараповым в С.-Петербурге газеты «Русский труд». Л. 27 об.). Вот в этот момент и завязались партнерские отношения С.Ф. Шарапова с Н.М. Чукмалдиным, направленные на создание товарищества по изданию «Русского труда». Именно эта деятельность и проходит красной нитью через всю переписку, публикуемую в данном номере.

Первая публикация Н.М. Чукмалдина в данном издании появилась 18 октября 1897 г. «Эволюция в валяльном деле». В «Сибирском листке» за 1897 г. (№92–93) было опубликовано сообщение, что такая статья была издана отдельным оттиском, но найти брошюру с таким именем пока не удалось (См.: Мандрика Ю. О московском периоде Чукмалдина // Лукич. 2001. Ч. 4. С. 3–17, 216).

⁵ Обнаружить указанную статью в «Русском труде» не удалось.

Материалы дела «О дозволении жительства в Москве почетному гражданину Николаю Михайлову Владимирову» (ГАРФ. Ф. 63 : 1883. Оп. 3. Д. 329) оказались весьма скудными и не позволили уточнить биографию сибиряка: прибыв из-за границы, он направлялся в Псков. Именно в этом деле встречается имя Н.М. Чукмалдина, одного из получателей писем из Англии, пропагандирующих способы борьбы рабочих за свои права. В письме С.Ф. Шарапову от 25 октября 1897 г. московский купец упоминает Владимирову с другими инициалами. Ошибался ли автор письма или речь идет о другом человеке — ответить на этот вопрос пока невозможно.

В тексте публикуемых писем встречаются Владимировы и с другими инициалами.

⁶ Поляков И.К. — потомственный почетный гражданин, коммерции-советник. Член совета Волжско-Камского коммерческого банка. Товарищ председателя совета Российского взаимного

страхового союза. Член правления Товарищества мануфактур Видулы Морозова с сыновьями.

⁷ Были опубликованы в «Урале» в 1899 г. (№№647–648, 652–654, 661–662, 664–665, 670, 672–674). Книга «Путевые очерки Палестины и Египта» отпечатана отдельным изданием типографией ежедневной газеты «Урал» (Екатеринбург, 1899. 79 с.). Юдофобские настроения С.Ф. Шарапова не позволили ему изменить своим принципам, несмотря на хроническое отсутствие денег.

⁸ Открытое письмо редактора «Русского труда» к И.К. Полякову появилось во 2-й половине 1897 г. (№ 35. С. 7–10; №37–38. С. 7–10). Речь шла о покупке и разработке иностранным капиталом российских естественных богатств, за которые ратовал И.К. Поляков. С.Ф. Шарапов признавал, что европейцы во всем «обошли нас... лучшей организацией, более крепкой общественностью, лучшим государственно-экономическим механизмом». Но дать полную свободу колонизации иностранным капиталом значит, что «русский человек будет вытеснен и замещен немецким, как культурно сильнейшим». По мнению автора письма, «отчужденная немцами территория — это только номинально Россия».

⁹ Морокин Александр Фёдорович (? — 5.02.1911, с. Новая Гольчиха) — вичугский фабрикант, земский и общественный деятель, публицист. Кинешемский купец 1-й гильдии. В 1865 г. основал ткацкую фабрику в селе Новая Гольчиха. В 1898 г. на фабрике строится прядильный корпус.

Был гласным Кинешемского уездного земского собрания в течение 23 лет (1877–1880, 1884–1904), членом учительского совета при земстве, принимал активное участие в развитии сельских народных школ, выступал против пьянства.

Ярко проявил себя на публицистическом поприще в консервативном, славянофильском духе, активно сотрудничал с газетами и журналами, писал книги. Встречался и диспутировал с Л. Толстым. Был близко знаком с писателем Мельниковым-Печерским, автором романов «В лесах» и «На горах». Сам П.Ф. является автором нескольких книг, записок путешествий, публицистических статей. Совместно с К.С. Красильниковым опубликовал исследование: «Наша фабрично-заводская промышленность и ее недоброжелатели перед судом правды» (Москва, 1894. 108 с.).

В № 46 за 1897 г. «Русского труда» (с. 17–18) опубликованы заметки А. Морокина «О промысловом налоге».

¹⁰ Заводчик Бари — известная российская строительная контора Александра Бари, американского гражданина, потомка выходцев из России, переселившихся в 60-е годы XIX века в США. На Всемирной выставке (Филадельфия, США, 1875–1876) А.В. Бари

побеждает в конкурсе на лучший павильон, получает Гран-при и золотую медаль, здесь же знакомится с В.Г. Шуховым. Эта встреча положила начало будущей совместной творческой деятельности двух выдающихся инженеров в России.

В 1877 г. Александр Вениаминович с семьей перебирается в Россию, где в 1880 г. основывает фирму «Строительная контора инженера А.В. Бари». Главным инженером и техническим директором становится В.Г. Шухов.

В 1893–1895 годах близ Симонова монастыря А.В. Бари был построен кузнечно-котельный и меднолитейный механический завод. Организация труда рабочих на заводе выгодно отличалась от других аналогичных заводов того времени. Рабочий день длился 10 часов (на других предприятиях — 11–12), зарплата была выше среднероссийской на 10 процентов, отсутствовала система наказания штрафами, рабочие получали горячие обеды, для них при заводе действовала сберегательная касса. Заболевшим заработная плата выплачивалась в первую неделю на 100%, во вторую — 50%. Потерявшие кормильца вдовы пожизненно получали пенсию в размере половины заработка мужа. При заводе действовали вечерние общеобразовательные курсы для рабочих. Занятия вели заводские мастера, инженеры, чертежники, дочери хозяина. Члены семьи Бари дружили со многими выдающимися людьми того времени: Д.И. Менделеевым, Н.Е. Жуковским, П.К. Худяковым, С.А. Чаплыгиным, Р.И. Клейном, Ф.О. Шехтелем, И.И. Рербергом. А.В. Бари около 1898 г. близко сошелся с Л.Н. Толстым.

После Октябрьской революции семья Бари эмигрирует (Александр Вениаминович скончался еще в 1913 г.), а мандат на управление заводом получил В.Г. Шухов. Начинается строительство первых промышленных магистральных трубопроводов, сооружается знаменитая башня на Шаболовке (1922). Предприятие получает название «Государственный котельный завод “Парострой” имени В.М. Лихачева».

¹¹ Банкирский дом Джамгаровых возник в 1874 г. и пользовался вполне заслуженным доверием биржевиков и промышленников. Им руководили братья — коммерции советник Иван, потомственные граждане Николай и Александр Исааковичи, а в его состав входили Афанасий Исаакович, Исаак Исаакович и сын Николая — Степан Николаевич. В столице братья были известны своим деятельным участием в благотворительности. Так, Иван Исаакович входил в Благотворительный тюремный комитет, имевший своей целью обеспечивать материально освободившихся после отбытия наказания заключенных, их семьи во время отбытия кормильцем срока заключения, заботиться о детях заключенных, обес-

печивать им кров, еду и обучение. Отдельно комитет заботился о тех, кто оказался в долговой яме.

Благотворительные взносы И.И. Джемгарова оказались так значительны, что он был избран пожизненным почетным членом комитета. Его племянник Степан Николаевич выполнял обязанности директора Яузского отделения Московского совета детских приютов.

¹² «Русский труд» издавался в обложке, и, скорее всего, может считаться журналом. Найти объявления о подписке не удалось, т.к. в просматриваемом комплекте издания (Государственная публичная историческая библиотека России) обложки отсутствуют.

¹³ Красильников Константин Сергеевич, секретарь правления К^о Богородско-Глуховской мануфактуры и доверенное лицо А.И. Морозова; консервативный публицист. Критиковал не порядки и пороки, замечаемые среди православного духовенства, чем нажил себе немало врагов.

¹⁴ Богородско-Глуховская мануфактура — одна из ведущих текстильных фирм в России. Состав предприятий складывался в XIX — нач. XX в. Первоначально Захар Саввич Морозов (1802–1857) получил в собственность от отца Саввы Васильевича Морозова (1770–1860) отделение Зуевской фабрики (известна с 1830-х) в Богородске Московской губ., включавшее красильно-белильное производство и раздаточную контору. В 1842-м перенес предприятие в с. Глухово, где купил у помещиков Глухова и Жеребцова 18 десятин земли. В 1847 г. построил там механическую ткацкую фабрику, позднее — бумагопрядильную. В 1856-м делает преобразование в паевое товарищество. После смерти З.С. Морозова его сыновья Андрей Захарович (1821–1871) и Иван Захарович (1823–1888) построили в 1870 г. близ с. Зуева (родового гнезда Морозовых) красильно-набивную фабрику. В 1876 г. в д. Кузнецы около Орехово-Зуева Морозовы основали мануфактуру ручного ткачества и резки плиса (хлопчатобумажного бархата). Впоследствии это предприятие было перенесено в Глухово, а земля с постройками продана в 1915-м. Со смертью И.З. Морозова дело перешло к его сыновьям: Давиду Ивановичу (заведовал коммерческой частью) и Арсению Ивановичу (заведовал хозяйственной частью). Первые 50 лет своего существования фирма ориентировалась гл. обр. на выпуск дешевых тканей для крестьян. В конце XIX в. заведено ниточное производство, а с 1911 г. начало производство дорогих тканей для городского населения.

В к. XIX в. на предприятии имелось 100 тыс. прядильных и 47 тыс. крутильных веретен, 2100 механических ткацких станков. Годовое производство — 15 млн. руб.

В начале XX в. под руководством коммерческого директора Николая Давидовича и технических директоров Петра Арсенье-

вича и Сергея Арсеньевича Морозовых расширено ткацкое и красильное производство, начат выпуск высококачественных тканей. Ассортимент легких, средних и тяжелых тканей достиг уровня лучших фирм России («Циндель Эмиль» товарищества, Прохоровской трехгорной мануфактуры товарищества, Коншина Н.Н. товарищества). Компания имела торговые отделения в Москве, Киеве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Харькове, Н. Новгороде, Екатеринбург, Ташкенте и Ирбитской ярмарке. В 1870, 1882 и 1896 гг. фирма удостоивалась права изображения на вывесках и ярлыках Государственного герба. На ее средства содержались: больница на 136 коек, роддом на 28 коек с гинекологическим отделением, ремесленное училище на 1500 учащихся, богадельня на 140 мест и др.

¹⁵ Реутовская мануфактура в г. Реутов Московской губернии. В 20-е гг. XIX в. была основана купцом 1-й гильдии И.Ф. Похвисневым бумаго-прядельная фабрика. В 1843 г. ее покупает С.А. Мазурин и в 1860 г. организует фабрику на паях с семьей Герасимовых «Товарищество Реутовской мануфактуры».

¹⁶ Банза К.А. — германский подданный. Член правления Общества Белорезских железоделательных заводов Пашковых, кандидат в члены правления Товарищества Московского металлического завода.

¹⁷ Прохоров Николай Иванович (1860, Москва — 19 сентября 1915, село Никольское, Московская губерния) — представитель известной московской купеческой семьи Прохоровых, потомственный почетный гражданин, с 1912 г. потомственный дворянин, мануфактур-советник, глава Прохоровской трёхгорной мануфактуры. Николай Прохоров родился в Москве в 1860 г. Получил образование в Ревельской гимназии, затем учился на юридическом факультете Московского университета, по окончании которого вступил в правление Прохоровской мануфактуры, во главе которой состоял до последних дней своей жизни. Будучи талантливым управленцем, превратил это предприятие в одно из самых известных и крупнейших в России, причем на своей фабрике постепенно вводил все новейшие технические усовершенствования.

Также являлся членом правления Московско-Кавказского нефтяного промышленно-торгового товарищества, Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова, членом советов Московского купеческого банка (1890–1914), Русско-Азиатского банка (1910–1914), Московского Торгового банка (1890–1914), член Московского отделения Совета торговли и промышленности, выборный Московского биржевого общества (1888–1915), гласный-Московской городской думы (1901–1904), член советов Московского прядельно-ткацкого училища и Московского автомобиль-

ного общества, казначей попечительского совета Иверской общины сестёр милосердия. Николай Прохоров пользовался большим авторитетом и глубоким уважением как в промышленных и общественных кругах, так и среди рабочих.

¹⁸ Прохоров Сергей Иванович — брат Н.И. Прохорова, совладелец компании, в отличие от Николая Ивановича, занимавшегося коммерческой частью, был ответственным за технические вопросы производства, изучал технологии в Германии.

¹⁹ Аренс И.А. — потомственный почетный гражданин, статский советник. Член совета Московского купеческого банка, член правления Общества химической фабрики «Шеринг» (Москва), директор-распорядитель торгово-промышленного товарищества «Понтин, Аренс и К°» в Москве.

²⁰ Статья с таким названием пока не обнаружена.

²¹ Глава из путевых очерков «Палестина и Египет».

²² Молчанов Александр Николаевич (1847–?), журналист, автор нескольких книг: «Между миром и конгрессом. Письма в “Новое время” из Константинополя, Измида, с Принцевых островов, из Дарданелл, Галлиполя, Сан-Стефано и Филлиполя» (СПб., 1878. 544 с.), «По России: очерки» (СПб., 1894), «Из записок беглого: роман в 2 частях» (СПб., 1900. 157).

²³ «Новое время» — газета политическая и литературная (Петербург, 1868–1917). С 1876 по 1899 г., а затем с 1908 г. изд. А.С. Суворин; с 1912 г. — издание «Т-ва А.С. Суворина — “Новое время”». В правительственных кругах высоко ценили заслуги А.С. Суворина перед русским самодержавием. Ему было предоставлено монопольное право газетной торговли на железных дорогах страны и доверена цензура его изданий. Среди ведущих публицистов были В.П. Буренин, В.В. Розанов.

²⁴ Зензинов Михаил, автор письма к редактору «Русского труда» «Амурско-Сибирское порто-франко» (1897. 26 окт., № 43. С. 12). Говорил о вредном влиянии порто-франко на развитие русской промышленности и торговли.

Один из владельцев Сибирского торгового дома «Братья Зензиновы». Главная контора находилась в Москве, на Моховой; отделение — в Одессе. Предприятие специализировалось на исполнении всякого рода коммерческих поручений (покупка, продажа и отправка сухопутно и морем товаров) для Сибири, Амура и, вообще, для Дальнего Востока. Отправка морем производилась из портов Петербурга и Одессы на пароходах Добровольного флота.

²⁵ Сергей Михайлович Духовской (1838–1901), генерал от инфантерии, активный участник Кавказской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., приамурский генерал-губернатор (1893–

1898). Его руководство Приамурским краем пришлось на 90-е годы XIX века, период ужесточения экономической политики центральных властей на окраинах страны, в том числе и на Дальнем Востоке, где с начала 50-х годов действовал режим приграничной беспошлинной торговли (порто-франко) между Россией и Китаем.

С середины 80-х годов, под давлением предпринимательской верхушки центра страны, правительство постепенно сокращает границы порто-франко на Дальнем Востоке и ликвидирует его полностью в 1909 г.

При Духовском заведены регулярные пароходные рейсы между Европейской Россией и Дальним Востоком; оборудован Владивостокский порт; Хабаровск соединен с Владивостоком железной дорогой, начата колонизация северных областей края и урегулировано сообщение с этими окраинами по берегу Охотского моря и Камчатки; создана газета «Приамурские ведомости». Духовский принимал живое участие в организации Приамурского отдела Императорского географического общества и немало потрудился для развития в крае учебных заведений, устройства помещений для войск, улучшения быта офицеров, учреждения военных собраний и библиотек при них.

²⁶ Порто-франко (итал. *porto franco* — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства. Часто создаётся при сооружении нового порта с целью привлечения грузов и увеличения товарооборота.

В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми и Владивостоке.

²⁷ Александр Григорьевич Каменский — российский купец, меценат и общественный деятель, оказавший существенную поддержку развитию учебных заведений в городе Перми. Был попечителем Пермской Мариинской гимназии (1888–1896), Убежища детей бедных и Пермской городской общественной богадельни (до 1902 года), Успенского женского монастыря (1896–1905). Активно участвовал в деятельности благотворительных общественных организаций: был почётным членом губернского попечительства детских приютов, членом Пермского окружного правления Общества спасания на водах и Епархиального комитета Православного миссионерского общества. В 1896 году был избран директором Пермского тюремного комитета.

20 июня 1897 г. Каменский учредил для *Алексеевского реально-го училища* в Перми стипендию в форме государственной 4-процентной ренты на 1200 рублей. Он присвоил этой стипендии имя своего отца, Григория Козьмича Каменского, предпринимателя и мецената, одного из основателей Товарного дома «Ф. и Г. Каменс-

кие». После смерти Александра Григорьевича попечителем училища стал его брат, Иван Григорьевич Каменский.

²⁸ Балин Н.А. — потомственный почетный гражданин, статский советник, мануфактур-советник. Член совета Московского торгового банка, член совета Российского взаимного страхового союза, директор-распорядитель Товарищества мануфактуры А.Я. Балина в Москве.

²⁹ В письме Феофана Лялина к редактору «Русского труда» «Учетная политика Государственного банка» (1897. № 46. С. 16) высказано недоумение по поводу невразумительной позиции Н.М. Чукмалдина в его I «Московском письме» (№ 40 «Русского труда» 5 октября 1897) о зависимости процентных ставок от срока их учета, граничащей с некомпетентностью. Ибо для разного класса предпринимателей, по мнению Ф. Лялина, учетная ставка Госбанка в зависимости от срока кредита может быть по-разному привлекательна.

Ответ опубликован в № 47 «Русского труда» (22 нояб. 1897) (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы: вырезки из очень старых газет. Тюмень, 2011. С. 228–230). Н.М. Чукмалдин полагает, что Государственный банк должен держать учетный вексельный процент в градации, наиболее подходящей для большинства своих клиентов.

³⁰ В номере была очередная публикация Н.М. Чукмалдина, V, из серии «Московские письма» (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 222–228).

³¹ Гужон Юлий Петрович (1852–1918, под Ялтой) — российский предприниматель. Французский подданный. Крупнейший пайщик Товарищества шелковой мануфактуры (Москва) и Товарищества Московского металлургического завода (ММЗ, завод «Серп и Молот»). Председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов (1907–1917). Член Общества распространения полезных книг, Французского общества взаимного вспомоществования, член Совета Римско-католической французской церкви Святого Людовика, действительный член Императорского Московского скакового общества. Автор ряда произведений на экономические и производственные темы. Убит на собственной даче офицерами Добровольческой армии.

³² Кельин Виктор Федорович (1855–1920) — окончил юрфак Московского университета, служил в Петербурге в Министерстве финансов, затем переехал в Москву. В 90-е гг. XIX — начале XX века работал в торгово-промышленных фирмах «А. Трапезников и К^о», управляющим московской конторой Ю.С. Нечаева-Мальцева, известного миллионера и мецената, на чьи средства было построено здание Музея изящных искусств в Москве (Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Сотрудничал в муниципаль-

ных и частных благотворительных учреждениях и обществах, был гласным Московской городской Думы. В 1911 г. построил, а затем содержал детский сад памяти жены О.Н. Кельиной. После революции работал в дошкольном секторе управления одной из железных дорог, а затем в финансовом управлении Наркомпроса.

Отец известного советского литературоведа, переводчика с испанского языка Ф.В. Кельина (переводы А. Мачадо и др.). Был знаком с И.В. Цветаевым.

³³ 2 декабря 1897 г. за публикацию слухов о содержании еще не опубликованной государственной росписи (цифра дефицита) на 1898 г., о чем еще не было и официального сообщения, Главное управление по делам печати запретило сроком на 1 мес. публиковать частные объявления (РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 55). Но к 15 декабря 1897 г. вышеуказанный запрет был снят.

³⁴ Заметка о чае, посвященная появлению на внутреннем рынке чая российского производства фирмы К.С. Попова, была опубликована в № 1 «Русского труда» за 1898, в следующем номере за 10 января — статья о влиянии высоких пошлин на импорт металла, которые, по мнению автора, обеспечивали высокий и чрезмерно высокий уровень доходов владельцам металлургических предприятий, особенно юга страны, в большинстве своем иностранных граждан, вывозивших капиталы из страны. (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 235–242.)

³⁵ Мешков Николай Васильевич (30.05.1851, Восьегонск Тверской губ. — 19.6.1933, Москва) — виднейший представитель торгово-промышленных кругов Прикамья, меценат, прогрессивный общественный деятель. Родился в мещанской семье. Отец — заготовитель с/х продукции с.-петерб. фирмы. После трагической смерти отца (1870) М. поступает на службу к купцу Соболеву (г. Казань), в 1873 г. — в большую пароходную фирму «Т-во Волго-Камского пароходства». В 1876 г. оставляет службу в т-ве и становится частным предпринимателем-транспортником. Постепенно М. вытесняет на Каме, Вятке, Белой др. пароходства. На Волге его почтово-пассажирские линии достигают Казани и Н. Новгорода. М. становится к 1915 г. фактическим владельцем старинной транспортной фирмы бр. Каменских, присоединяет к ней свою фамилию. «Т-во пароходства и транспортирования грузов бр. Ф. и Г. Каменских и Н. Мешкова» существует до национализации в 1918 г. В 1920–1931 г. работал в Наркомате путей сообщения.

М. принял деятельное участие в организации в Перми первого высшего учебного заведения на Урале Пермского государственного ун-та, открытого 1.10.1916 г. как отделение Петроградского ун-та. На этой базе Временное пр-во 5.5.1917 г. учредило Пермский университет.

М. был пожизненным членом УОЛЕ, широко поддерживал сельское учительство, организацию сельских школьных библиотек и Пермское общество бесплатной библиотеки. До 200 человек получили специальное и высшее образование по стипендии Мещкова. Он оказал щедрую финансовую поддержку (1916) Высшим женским курсам им. П.Ф. Лесгафта в Петрограде, которым грозило закрытие. Несколько профессоров и преподавателей этих курсов (преобразованных в Институт физической культуры им. П.Ф. Лесгафта) стали вскоре работать в Пермском университете. М. разработал проект ж/д магистрали от Оренбурга через Уфу, Пермь и далее на север в Печорский край к Сев. Ледовитому океану. При поддержке торгово-промышленной общественности Оренбурга и Уфы он организовал акционерное общество, сам внес весь акционерный капитал (более 2 млн. руб.) и финансировал исследовательские работы. М. поддерживал издание ряда прогрессивных газет и журналов, сам (1908) издавал журнал «Минувшие годы», но царская цензура запретила это издание.

В числе ближайших друзей М. были писатель М. Горький, академик, д-р математики С.А. Чаплыгин, академик Ю.А. Орлов, профессор В.Е. Грум-Гржимайло, профессор А.А. Заварзин, великий русский артист Ф.И. Шаляпин. М. находился в переписке с Л.Н. Толстым.

³⁶ Речь идет о неудачной попытке Н.М. Чукмалдина получить звание почетного гражданина. Институт почетного гражданства был установлен в 30-е годы XIX в. и имел своей целью оградить благородное российское дворянство от наплыва огромного количества выходцев из непривилегированных или полупривилегированных слоев, которые, в соответствии с законами о прохождении государственной службы, имели возможность приобрести дворянское звание. Почетное гражданство как сословный институт следует отличать от почетного гражданства городов. Почетные граждане — сословие, с определенным кругом привилегий. Городское почетное гражданство — знак внимания и благодарности, звание, присваиваемое городскими властями тому или иному лицу, внесшему значительный вклад в жизнь городского сообщества. Присвоение этого звания не имело никаких правовых последствий.

Николай Мартинианович имел право на получение звания потомственного почетного гражданина вследствие двадцатилетнего пребывания в купцах I гильдии, именно такой срок был установлен законодательством.

По-видимому, было предпринято несколько попыток приобрести это звание. Письмо датировано январем 1898 года. Между тем в фондах Сената сохранилось дело с начальной датой 28 октября 1898

(РГИА. Ф.1443. Оп. 1. Д. 5608), но по формальным причинам его прошение было отклонено. Решение было объявлено Чукмалдину 3 января 1899 г. (РГИА. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 5608. Л. 9 об.). Хлопоты по приобретению звания были продолжены уже после смерти купца его второй супругой — Александрой Ивановной, урожденной Андреевой. (РГИА. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 5609). Подготовительные процедуры, сопровождавшиеся сбором документов, справок и проч. оставили нам ряд любопытных свидетельств о непростой семейной истории Николая Мартиниановича, имена его супруг и детей. В частности, из справок, выданных Московской купеческой управой, становится известно, что с 1874 по 1882 год Чукмалдин состоял во второй гильдии, а с 1882 г. числился непрерывно купцом 1-й гильдии. Супруга его — Людмила Александровна скончалась 19 июня 1899 года. Очевидно, этот брак был бездетным, поскольку в справке имена детей не указаны, а к гильдии, как правило, причислялось все семейство. При этом почти за десять лет до смерти первой супруги в 1890 г. Николай Мартинианович усыновил 4 детей гельсингфорской «девицы» А.И. Андреевой — Николая, Бориса, Надежду и Ольгу. История их отношений относится, по-видимому, к 80-м годам. Надежда родилась в июле 1883, Ольга — в августе 1884, Николай — в апреле 1886, а Борис — в августе 1888 года. Бракосочетание с Александрой Ивановной состоялось в октябре 1899 года, спустя четыре месяца после смерти первой супруги. (ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 3016. Л. 51–52 об.)

³⁷ Очевидно, постоянная помощь Н.М. Чукмалдина в издании «Русского труда» вынуждала С.Ф. Шарапова идти на уступки. В журнале обнаружены несколько корреспонденций из Рима. В № 17 от 25 апр. 1898 г. опубликованы «Два слова о современной Италии» с датой «апрель 1890 г.», за подписью Ф. Однако, встречаются публикации и за подписью Н. Владимиров. См. «По сельской Англии» (1899. № 43).

³⁸ В номере за 17 января 1898 г. помещено XI московское письмо. Но в данном случае речь идет скорее о «чайной» публикации Н.М. Чукмалдина, увидевшей свет 24 янв. Имеенно она вызвала отклик 9 февраля 1898 г., о котором идет речь в публикуемом в данном журнале письме (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 245–248).

³⁹ Брошюра «Беглый солдат Скрипа и мое учение. Из детских воспоминаний» появились в свет в особом приложении к «Русскому труду», №18 за 1898 г. (24 с.)

⁴⁰ За публикацию в № 6 от 7 февраля 1898 г. «Встречи царя иудейского царем израильским» (см. текст в примечании 44) была запрещена розничная продажа «Русского труда», возобновление которой для издания появилось только 30 мая 1898 г.

⁴¹ Найденов Николай Александрович (1834–1905) – представитель крупной купеческой фамилии, предприниматель, банкир, меценат, общественный деятель. На его средства и при его содействии в 80–90-е гг. XIX века вышло 14 альбомов с видами Москвы, 9-томное издание «Материалов по истории московского купечества».

⁴² Морозов Алексей Викулович (1857 – 2 дек. 1934), российский промышленник, известный коллекционер и благотворитель. Принадлежал к старшей ветви «Викуловичей» рода Морозовых. В возрасте 12 лет был отдан в реальное училище, однако не сумел его закончить: учение давалось ему с трудом. Позднее Алексей Морозов много занимался самообразованием, слушал лекции в Московском университете по всемирной истории и истории искусства. Некоторые профессора приходили заниматься с ним на дом. В итоге он получил широкие познания в области отечественной культуры.

«Викуловичам» принадлежало «Товарищество мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями в местечке Никольском», основанное в 1882 г. В 1894 г. после смерти родителей А. В. Морозов становится главой товарищества. В 1898 г. он пожертвует из сумм, завещанных покойным родителем Викулой Морозовым на благотворительные дела, капитал в размере 400 тыс. руб. на устройство в Москве новой детской бесплатной больницы имени покойного родителя. В 1902 г. больница приняла первых пациентов, в народе она всегда была известна под названием «Морозовская». Ныне она вновь носит имя Морозовых официально.

В 1900 г. Алексей Морозов, увлеченный собирательством фарфора, стекла, икон и др., передает дела брату Ивану, а сам, имея в распоряжении наследство, с неутомимой энергией начинает заниматься коллекционированием. Родовой дом «Викуловичей» в Москве (Введенский, ныне Подсосенский, переулок, 21), после смерти родителей перешедший к Алексею Викуловичу, становится местом размещения его знаменитой коллекции. Ядром музейной экспозиции становится расположенная во втором этаже библиотека и связанные с ней входной двухцветный зал и лестница. В библиотеке размещались книжные фонды, содержащиеся в застекленных готических шкафах, а также уникальный по конструкции и исполнению шестигранный стол, изготовленный по проекту Шехтеля. Каждая вторая ячейка шестигранника являлась витриной, где хранились и экспонировались раритеты из коллекции старообрядческих книг; основа этой коллекции была заложена еще книгами о вере Елисея Саввича.

Интерьер библиотеки-музея был выполнен в любимом Шехтелем стиле неоготики. Небольшие комнаты особняка украшали узкие панно, выполненные М.А. Врубелем на сюжеты из «Фауста».

Как коллекционер Алексей Морозов прославился прежде всего собранием русского фарфора. Это была лучшая коллекция из когда-либо существовавших в России. В ней были представлены все российские фарфоровые заводы — 2459 предметов — от первых чашек елизаветинского времени до новейшей продукции российских предприятий: образцы продукции Ф. Гарднера, завода Попова, а также редкие изделия заводов Юсупова, Всеволожского, Поливанова, Долгорукова.

Коллекция гравированных и литографированных портретов Алексея Морозова к 1912 г. насчитывала около 10000 листов гравюр и литографий, в том числе множество портретов отечественных знаменитостей. Занимаясь изучением своей коллекции, Морозов в 1912–1913 гг. выпустил в свет многотомный «Каталог моего собрания русских гравированных и литографических портретов».

Были в коллекции Морозова и иконы. Часть старинных икон досталась ему от деда — большого почитателя «древнего письма», часть от отца. Всего за 4 года Морозову удалось собрать великолепную коллекцию (в основном житийных) икон XIII–XVII вв. К 1917 г. коллекция насчитывала 219 экземпляров.

В марте 1918 г., когда особняк был захвачен латышской анархической организацией, собрание и его владелец едва не погибли. С помощью оружия анархистов удалось выбить, однако коллекциям был нанесен непоправимый ущерб: исчезли все табакерки, погибли все ткани и часть миниатюр, было разбито много фарфора, попорчена часть мебели, изъятые из папок гравюры были разбросаны по комнатам, личный архив Морозова погиб.

19 августа того же 1918 года коллекция была национализирована. По акту в собрании находилось 2372 предмета из фарфора. Бывший владелец получил от новых властей две комнаты в особняке и занимался хранением и описанием коллекции. Собрание Морозова получило статус «Музея-выставки русской художественной старины» с отделами фарфора и средневековой живописи.

Однако вскоре иконы были поделены между Историческим музеем и Третьяковской галереей, коллекция гравюр перешла в Графический кабинет музея изящных искусств, серебро и миниатюры попали в Оружейную палату, остальные предметы и книги — в различные музеи. После реорганизации музей получил название «Музей фарфора. Отделение центрального декоративного музея».

С 1932 г. собрание переехало в Кусково. С момента образования в особняке Морозова «Музея-выставки русской художественной старины» коллекция стекла и фарфора стала пополняться за счет поступления из так называемых Пролетарских музеев и из хранилища Государственного музейного фонда, в которых находились экспроп-

риированные ценности из крупных частных коллекций. Сейчас в Кусково находится 2,5 тыс. единиц стекла, из них 1200 русского, а «морозовский» фарфор «растворился» в общем 7-тысячном фонде.

Похоронен Алексей Видулович как старообрядец на Преображенском кладбище.

⁴³ Кухтерин Алексей Евграфович — глава торговой-транспортной компании «Евграф Кухтерин и сыновья», учрежденной в Томске в 1887 году. Кухтерины — выходцы из тюменских ямщиков, родом из д. Шукиной Троицкой волости. Развитие парашодного, а затем и железнодорожного сообщения привело к упадку извозного промысла в Тюмени, и его центр переместился в Томск, куда Кухтерины и переехали.

⁴⁴ Николай Мартинианович критикует фельетон, опубликованный в № 6 (07.02.1898) «Встреча царя иудейского царем израильским». В нем описывался прием, устроенный одним из ведущих банкиров России, советником С.Ю. Витте, А.Ю. Ротштейном по случаю приезда в столицу одного из крупнейших сахарозаводчиков Л.И. Бродского:

«Встреча царя иудейского царем израильским»
(От собственного корреспондента)

В начале января происходит у Эрнеста весьма замечательный пикник. Адольф Юльевич *Ротштейн* торжественно чествовал Лазаря Израилевича *Бродского*, прибывшего из Киева для благополучного устройства новой сахарной стачки, о которой наша патристическая печать благоразумно умалчивает. На прием г. Ротштейном было ассигновано 50 тыс. руб., распределенных между всеми предприятиями, в коих он участвует. Распорядителем приглашен Н.Н. Суцов, кассиром — нотариус Хольм. К назначенному часу собралась вся петербургская haute finance и служащие ей лица: все с нетерпением ждали высокого гостя.

Ровно в час дня возвестили выезд Лазаря Израилевича. Коляска, запряженная цугом, остановилась у подъезда. Адольф Юльевич стоял на крыльце, обворожительно улыбаясь, и грациозно подал руку выходившему Лазарю Израилевичу, благоговейно поддерживаемому представителями правлений, членами учетных комитетов и старшинами биржи. Музыка играла...

Вскоре все сели за огромный стол, расположенный покоем и уставленный цветами, в зале, декорированной тропическими растениями с огромным щитом, заключающим все тринадцать заповедей. Перед каждым прибором лежало художественно исполненное меню завтрака. К сожалению, экземпляр у меня затерялся, но я помню, что было и птичье молоко, и соловьиные языки, а la Гантовер, и печенки креветок, и чья-то кровь, и, кажется, чьи-то даже слезы. Сто-

яло и особенное, впервые открыто сервированное, впрочем, вполне кошерное блюдо с юмористическим титулом «проданная совесть».

Центр стола заняли хозяин и гость. Около них расположилась ближайшая свита из обрезанных. Ниже, по чьему-то шутливому выражению, кончалась черта еврейской оседлости и размещались христиане (!) разных исповеданий. Дамы как элемент, достоинству фестиваля не соответствующий и довольно скучный, были заменены танцовщицами и певицами из хоров по особому строгому выбору в равном числе с мужчинами.

Присутствующие с напряженным вниманием вслушивались в разговор Адольфа Юльевича с Лазарем Израилевичем.

— Ну что наш Дрейфус?

— Плохи дела, Адольф Юльевич! Золя никакой пользы не принес. Я дал миллион двести тысяч по раскладке Израильского Союза. Денег много, ох, много пошло, но проклятые гои его не выпустят.

Хозяин вздохнул, покачал головой, затем махнул платком, и музыка заиграла «На реках вавилонских».

— Ну, а у вас как, Адольф Юльевич?

— У нас? А вот!

Ротштейн вынул из кармана горсть новых золотых и, привстав, швырнул между столами. «Печать» бросилась подбирать, давя друг друга и хватая за горло.

Чем дальше шел завтрак, тем более все оживлялись. После шампанского «черта еврейской оседлости» была уничтожена, и все слилось в одну ликующую толпу.

Хозяин торжества поманил пальцем распорядителей и своих лейб-публицистов Нотовича и Проппера и сказал:

— Господа! Начинает быть скучно. Биржа не в таком настроении, чтобы вешать носы. Сколько денег остается?

Хольм отвечал:

— Никак не могли издержать более 25 тысяч.

— Хорошо! Надо придумать какого-нибудь особого удовольствия. Моему другу Лазарю больше радости нет, как пошутить над «акумами». Думайте, господа!

— Ваше могущество! Стецькин с Трубниковым предлагают в еврейскую веру перейти...

— Тьфу! Сто рублей за обоих! Надо тысячи распределить.

— Семен Пафнутьевич предлагает, чтобы у него на голой спине масляными красками морской вид нарисовали.

— Хорошо! Тысяча рублей! Художнику пятьсот. Дальше!

В таком роде было придумано несколько остроумных развлечений. Но деньги все еще оставались. Тогда было решено принести ванну и купать в шампанском наиболее интересных певиц из

хора. Первою взяла ванну красавица Марианна Ведель. Наконец, кассир заявил, что ассигнованная сумма может быть израсходована. Зимнее солнце быстро опускалось к горизонту. Лазарь Бродский шепнул Ротштейну:

— А как же «минха»?

— Ах, виноват, пора! Не стесняйтесь, дружище! Здесь все *свои*.

И он ударил ладонью по столу и громким голосом закричал: «Ша»! Все смолкло.

— Шапки всем господам!..

Лакеи подали шапки, фуражки и треуголки. Все, сохранявшие еще вертикаль, накрылись. Началась вечерняя «минха» с раскачиванием и воем*. Жарче всех молились рептилии, пока, наконец, не раздался громкий треск. Ясинский лбом разбил большое зеркало.

Хозяин спросил у кассира:

— Хватит еще у тебя?

Тот ответил утвердительно.

— Ну, тогда ничего!

И сам Ротштейн пустил бутылкой в другое зеркало, воскликнув:

— Чем не гусары!

После молитвы оргия возобновилась с новым оживлением. Прекрасные девицы начали становиться все более любезными, высокоинтеллигентные гости снимать сюртуки. Несколько мертвых тел было вынесено. Г. Суцов жаловался, что не может отлить свою голову от сахарной...

Вдруг погасло электричество, и среди наступившего мрака загорелись на стене огненными буквами огромного размера слова:

«Русский труд»

8 руб. в год, 4 руб. полгода, 2 руб. 3 месяца

с доставкой и пересылкой.

Это была шутка, подстроенная вашим покорным слугою, но ее последствия были ужасны. Лазарь Бродский тотчас же «отбыл» в Киев, а здешние высокопоставленные евреи с огорчения и перепугу больны до сих пор».

⁴⁵ «Московский листок» (1881–1918) — издание Н.И. Пастухова, имевшее репутацию бульварного. Рассчитано на массового читателя.

⁴⁶ Речь идет о «Московском письме» Н.М. Чукмалдина, в котором последний подверг критике социальную политику государства, при которой «расстояние отделяет нашего рабочего, в смысле ежедневного дохода, от директора банка, фабриканта, богатого рантье́ра и вообще имущего человека... Можно ли поставить в оди-

* Евреям обязательны ежедневно три моления: *Шахарит* — утром, *Минха* — по заходе солнца и *Маарив* — отходя ко сну. — Прим. «Рус. труда».

наковый ранжир человека вынужденного тратить на покупку фунта сахара $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{300}$ подневного дохода валового...».

Известно немало публикаций Н.М. Чукмалдина в Санкт-Петербургских ведомостях. Так, в том же 1898 г. в № 95 московский купец подверг критике публикацию И.С. Левитова в «Ирбитском ярмарочном листке» (№ 5 за 1898 г.) о запрете сибирским предпринимателям продавать хлеб иностранцам: «выгоднее продать свой хлеб по 25 коп. за пуд в Восточную Сибирь, чем за 40–50 коп. иностранцу?». Позиция И.С. Левитина, по мнению автора московского письма, грозит разорением сибирскому крестьянину.

⁴⁷ «Ирбитский ярмарочный листок» (1863–1917, с перерывом в 1 год) — сезонное издание, выходившее в свет в период Ирбитской ярмарки с 1 февраля по 1 марта. В некоторые годы «Листок» начинал выходить в двадцатых числах января и к завершению ярмарки число номеров достигало 35. В разное время активно сотрудничали Н.М. Чукмалдин и И.С. Левитин. (См.: Мандрика Ю.Л. Н.М. Чукмалдин в «Ирбитском ярмарочном листке» // Лукич. 2003. Ч.3. С. 35–48). «Письма из Москвы», появившиеся в «ИЯЛ» в 90-е годы XIX в., переизданы (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы.... С. 10–214).

⁴⁸ Фирма «Токмаков, Молотков и К^о» занималась посреднической деятельностью в Китае, закупаая для русских торговцев партии чая.

⁴⁹ Бутми-де-Кацман (Бутми) Георгий Васильевич (1856–1919?) — землевладелец и предприниматель, публицист, специалист по еврейскому и финансовому вопросам, общественный деятель, активный участник право-монархического движения. На рубеже веков получил известность как автор ряда работ по проблемам финансового хозяйства и золотой валюты. Первым поднял в «Новом времени» вопрос о возможности перехода России к золотой валюте путем девальвации рубля до 66 $\frac{2}{3}$ коп. золотом, равных 2 $\frac{2}{3}$ франка. Серебрянный рубль имел государственное обязательство, которое не менялось от того, дешевето серебро или дорожало.

Член Русского собрания (РС). Стоял у истоков Союза русского народа (СРН). Был лично знаком с В.А. Грингмутом, организатором Русской Монархической партии (РМП). Был избран кандидатом в члены первого состава главного совета СРН. В 1906 г. сотрудничал в главном органе СРН — газете «Русское знамя». Автор известных антимаасонских и антиссионистских работ «Конституция и политическая свобода», «Враги рода человеческого», «Франкмасонство и государственная измена. Обличительные речи» и др. Бутми-де-Кацман выступал за сохранение самодержавия как исконного русского государственного строя, которому не хватало Великого Земского собора. Один из первых публикато-

ров «Протоколов Сионских мудрецов», которые издал в 1905 г. в Петербурге, Казани и Кишиневе (совместно с П.А. Крушеваном). Принимал участие в работах съездов и совещаний представителей правых организаций. Бутми-де-Кацман был в числе основателей Православного Камчатского братства, которое организовал камчатский миссионер, будущий митр. Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов). С началом Первой мировой войны отходит от активной политической деятельности. По некоторым данным, был расстрелян в Кисловодске в 1919 г.

⁵⁰ Вероятно, подразумевается доклад Н.М. Чукмалдина о значении для развития Сибири Северного морского пути, о котором он упоминает в письме от 9 февр. 1898 г. Доклад был представлен на заседании департамента торговли и мануфактур Министерства финансов 27 янв. 1898 г. В этом же году издан особым приложением к № 8 «Русского труда» вместе со статьей В.Ф. Кельина. В марте этого же года доклад Н.М. появился в № 57 (12 марта) «Сибирской торговой газеты».

⁵¹ Щербатов Александр Григорьевич (10.10.1850—24.04.1915) — князь, камергер Высочайшего двора, общественный деятель, экономист, публицист, постоянный сотрудник газеты «Московские ведомости». Получил блестящее домашнее образование, знал несколько иностранных языков. По окончании курса в Петербургском университете некоторое время состоял на государственной службе, затем вышел в отставку и занялся сельским хозяйством. Свое имение — с. Васильевское (Московская губ., Рузский у.) скоро превратил в образцовое хозяйство. Для ознакомления с передовыми технологиями кн. Щербатов организовывал даже поездки крестьян в Англию и на сельскохозяйственные выставки. Во время Русско-турецкой войны 1877/1878 г. был уполномоченным Красного Креста при Руцукском отряде, которым командовал цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III). Занимался общественной деятельностью, в 1883 г. был избран Рузским уездным предводителем дворянства, избирался также гласным Рузского уездного земства. В 1891 г. принимал активное участие в работах по оказанию помощи голодающим в Самарской губернии. В течение 13 лет, с 1892 по 1905 г., был президентом Императорского общества сельского хозяйства в Москве. Щербатов был известен как заядлый путешественник. Вместе с женой они совершили 4 серьезных путешествия: два по арабскому Востоку, одно в Индию и Цейлон и одно даже на Яву, куда русские редко забирались.

Будучи убежденным монархистом, кн. Щербатов с самого начала принял самое живое участие в монархическом движении. Он был одним из организаторов и первым председателем Союза русских

людей (СРЛ) в Москве (он стоял во главе СРЛ до 1909). 1 дек. 1905 г. во главе делегации от СРЛ представлялся государю, зачитал адрес от Союза. В адресе была сформулирована излюбленная князем (и всеми московскими славянофильскими кругами) идея о необходимости созыва Земского собора. Составил программный документ СРЛ «Основные положения Союза русских людей для выборов в Государственную думу». В нем нашли выражения основные положения политического кредо монархистов: «Православная церковь, русская государственность и русская народность находятся в неразрывной связи между собой и состоят под защитой Русской народной неограниченной самодержавной царской власти». Будучи принципиальным сторонником сословности, кн. Щербатов особое внимание обращал на положение рабочих. Кн. Щербатов был также членом старейшей монархической организации Русского собрания (РС), где нередко выступал с докладами по экономическим и финансовым вопросам. Он был одним из главных организаторов монархических всероссийских съездов. В 1909 г. кн. Щербатов сложил с себя полномочия председателя СРЛ в связи с тем, что он поступил на государственную службу. В 1910 г. он был назначен членом Комитета по коннозаводству. Затем он стал одним из учредителей Российского союза торговли и промышленности, в котором стал первым председателем. Кн. Щербатов был довольно авторитетным специалистом в области сельского хозяйства и финансов, автором большого числа книг и брошюр по земледелию, коннозаводству и денежному обращению.

Во время Русско-японской войны кн. Щербатов был уполномоченным Красного Креста в действующей армии, его супруга заведовала госпиталем, а старший сын Александр, лейтенант Императорского флота, принимал участие в боевых действиях. Во время мировой войны супруги Щербатовы в своем имении Васильевское организовали госпиталь на 100 чел. Сам кн. Щербатов снова был при действующей армии, на этот раз в должности начальника эвакуации раненых на Александровской железной дороге. Рядом была и его супруга кн. Ольга Александровна, которая организовала на свои личные средства санитарный поезд и руководила им. Весной 1915 г. он тяжело заболел, после поездки в Петроград, где ему пришлось похоронить тяжелобольного сына. Сына он пережил на 19 дней.

⁵² Секретарь дворцового коменданта Гессе писал 18 апр. 1898 г. С.Ф. Шарарову: «Прочел г. Романову несколько статей прошлого года, а именно о неурожае передовицу от 28 июня. И кроме того кое-что из отдела «Шутки ради». Ему очень понравилось, и он хотел подписаться» (ГАСмолО. Ф. 121. О. 1. Д. 35. Л. 1).

⁵³ Ротштейн Адольф Юльевич (1857–1904), один из героев фельетона «Встреча царя иудейского царем израильским», финан-

сист, банкир, вместе с Витте был одним из главных теоретиков денежной реформы. Родился в 1857 г. в Берлине. Работал в банке «Мендельсон и К°», был маклером на Берлинской бирже, где специализировался на русских банкнотах, успел поработать в Париже у Ротшильда, занимаясь русскими государственными бумагами, а потом отправился в Петербург. Ротштейн взял к себе на службу директор Международного коммерческого банка Ляссский. Ротштейн считал себя специалистом в конверсии ценных бумаг, которые в то время в России еще были внове. В результате через Лясского Ротштейн познакомился с будущим министром финансов И. Вышнеградским, также увлеченным этой темой. Карьера Ротштейна развивалась стремительно. Он начинал работать в Международном банке в службе арбитража, занимаясь корреспонденцией и бухгалтерией. Но вскоре он уже был вхож в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. А в 1890 г., то есть в 33 года, Ротштейн становится директором Петербургского международного коммерческого банка — одного из крупнейших банков в России.

Росту его авторитета способствовало сближение с С.Ю. Витте, возглавившим Министерство финансов в 1892 г. В том же 1892 г. банкир по запросу нового министра финансов представил записку о причинах высокой частной учетной ставки в России. В 1895 г. Ротштейну поручили проведение китайского займа, гарантированного правительством Российской империи. Он стал главным советником Витте в золотой реформе. Именно на 1890-е годы пришелся резкий подъем влияния Международного банка. Витте вел политику индустриализации, а банк Ротштейна за короткое время открыл несколько промышленных предприятий.

Вел жизнь на широкую ногу, чем будоражил воображение недругов. В 1898 г. в новом здании Международного банка на Невском проспекте под его квартиру было отведено два этажа, в результате самому банку не хватило офисных помещений, которые он был вынужден арендовать в соседнем доме купцов Елисеевых. На австрийском курорте Иштль Ротштейн выстроил виллу «в итальянском вкусе», оценивавшуюся в 400000 руб. В феврале–марте банкир обязательно отдыхал на Французской Ривьере и еще 2–3 раза в год бывал в Париже.

В начале XX в. грянул кризис, и Международный банк стал одним из главных пострадавших. Еще более отрицательно на бизнесе Ротштейна сказался уход Витте с поста министра финансов. В добавление ко всему банкир тяжело заболел. Адольф Юльевич умер от воспаления легких 8 ноября 1904 г. в Петербурге, а похоронен через 10 дней в Берлине. Тут выяснилось, что все последние годы Ротштейн жил не по средствам. В 1901 г. Ротштейн имел в банке 9 счетов с

долгом в 2.362.000 рублей и обеспечением на 1406000 руб. Таким образом, отрицательное сальдо составляло уже почти 1 млн. руб.

⁵⁴ В № 42 «Торгово-промышленной газеты» от 22 февр. 1898 г. подвергнуто критике XII «Московское письмо» Н.М. Чукмалдина. Автор публикации нашел некую предвзятость в выступлении «Русского труда» по поводу тарифов на перевозку чая: «...пестрота и путаница там, где все просто и ясно».

⁵⁵ «Сибирская торговая газета» издавалась в г. Тюмени с 1897 по 1917 г. Редактор-издатель А. Крылов. Цикл «Московских писем» Н.М. Чукмалдина начал появляться в свет именно на страницах этого издания, а лишь затем — в «Русском труде».

⁵⁶ Жевакин Сергей Иванович, адвокат, доверенное лицо Н.М. Чукмалдина.

⁵⁷ В каталогах крупных хранилищ страны не удалось обнаружить издание с таким именем. Однако А.А. Пороховицков сумел оставить потомкам некоторые труды, которые по наименованиям очень напоминают чтение для узкого круга (одного-трех читателей) — диссертации: «Имба: ее значение в жизни народа и государства» (СПб., 1896), «Подвиг Муравьева — настольная книга правителям» (3-е изд. СПб., 1898) и др.

⁵⁸ История омского купца Дёрова, предпринявшего попытку начать промышленную добычу каменного угля в районе Павлодара, но не получившего поддержки со стороны предпринимательских кругов и вынужденного поэтому продать свое дело французам, изложена в № 19–20 (9 мая) 1898 г. «Русского труда». Статья опубликована с обширным комментарием редактора. (См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 279–286).

⁵⁹ Людвиг Иоганн Кноп, уроженец Брема, умер в Москве (1821–1894). Монополист в поставке оборудования из Англии для русской текстильной промышленности. Продажу совершал не за наличный расчет и не в кредит, а за счет увеличения основного капитала и выпуска новых паев, которые являлись средством оплаты. Кноп при этом становился совладельцем. См.: *Гавлин М.* Конторы Кноп // *Былое.* 1996. № 6. С. 5.

Петр Васильевич Кастерин, потомственный почетный гражданин. Предпринимательская деятельность — коммиссионная торговля разными товарами.

Торговый дом «Кноп и Кастерин» основан был в 1881 г.

⁶⁰ Книга «Бумажный рубль: его теория и практика» (СПб., 1895) вышла под псевдонимом *Талицкий*. Переиздана в составе «Избранного» издательством РОССПЭН в серии «Библиотека отечественной общественной мысли» (М., 2010. С. 160–300). С.Ф. Шараров рассматривает бумажный рубль как отвлеченную денежную еди-

ницу, «которую когда-то хотели прикрепить к известному количеству металла, но которую жизнь с этим металлом бесповоротно раскрепила», сделав идейную единицу меры ценностей только актом «посредничества верховной государственной власти в наших хозяйственных сделках» (С. 195).

⁶¹ Метцель Людвиг Морицович, российский предприниматель, «пионер рекламы», один из первых в России (1878) организовал компанию по сбору и размещению объявлений в печатных изданиях. Был комиссионером по приему объявлений во все периодические издания Министерства финансов, большинства губернских ведомостей и др. государственных изданий. Заключая договор на поставку рекламы, он брал обязательство поставить на такую-то сумму рекламы в каждый номер. Если этого не случалось — разницу компенсировал. Но при этом запрещал изданию работать напрямую с рекламодателем. В 1912 г. Л.Г. Метцель взял обязательство поставить в газету «Речь» объявлений на сумму 155 тыс. руб. В 1891 г. учрежден торговый дом «Л. и Э. Метцель и К°». См.: «Пионер рекламы» // Былое. 1996. № 1–2.

Выступал издателем журналов «Радуга» (1884–1888), «Эпоха» (1886–1888).

⁶² По-видимому, речь идет о письме о старообрядцах, о котором Николай Мартинианович вскользь упоминает в письме от 21 февр. 1898 г.

⁶³ Статья, где упоминается «Московское общество взаимного кредита», опубликована в № 17 «Русского труда» от 25 апр. 1898 г. Известный по воспоминаниям сюжет о кабаке изложен в номере от 6 июня этого же года. Возможно, что корреспонденцией «в защиту промышленного класса» является публикация в номере от 9 мая (№ 19–20), в которой говорится о судьбе предприятий Дёрова, А.А. Пороховщикова, консерватизме русских предпринимателей вообще. (См.: Чукмалдин П. М. Письма из Москвы... С. 272–274, 279–286, 286–290).

⁶⁴ Речь идет об Андрее Александровиче Титове, известном российском археологе, этнографе, палеографе, предпринимателе, выходец из известного ростовского купеческого рода Титовых. Его дед основал в Ростове в 1817 г. единоличное торговое дело. Сам А.А. создал и сделал процветающим страховое противопожарное общество (1876). Купил разрушенное дворянское имение и превратил в прибыльное. В 1883 г. в компаньонстве со своим служащим образовал торговый дом «Титов А. и Малоземов Ф». Состоял членом Ярославского биржевого комитета, гласным Ростовской городской думы. С привлечением капиталов своих родных учредил в Ростове цикорное производство под фирмой «Вахрамеев и К°» (1897). На протяжении более тридцати лет был членом ярмарочного биржевого комитета.

Вместе с И.А. Шляковым в 1880-х годах занимался реставрацией Ростовского кремля; основали Ростовский и Угличский музеи древностей. Занимался созданием гимназии в Ростове.

Занимаясь с особою любовью палеографией, Титов собрал 4500 рукописей и пожертвовал их в Императорскую Публичную библиотеку (1900). Описаний рукописей собрания Титова вышло 4 тома; кроме того, Титовым описаны «Рукописи славянские и русские, принадлежащие действ. члену Русск. археол. общ. И.А. Вахромееву». Издал целый ряд списков северных летописей, в том числе списки «Двинской летописи» и «Великоустюжской летописи». В бытность правителем дел Ярославской учёной архивной комиссии Титовым изданы 2 выпуска трудов этой комиссии. Являлся действительным членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Опубликовал более 300 научных работ.

Вел деятельность по охране памятников архитектуры, выступал за возложение этой функции на губернские археологические общества, а не на чиновников; предлагал ужесточить ответственность за нарушения законодательства об охране памятников, в том числе со стороны духовных лиц.

Член Московского (1880) и Петербургского (1881) археологических обществ, член Общества любителей древней письменности (1880).

В «Русском труде» опубликовано письмо А.А. Титова к редактору «Вниманию жаждущих» (1898. № 21. С. 11).

В коллекции книг Н.М. Чукмалдина, переданных после ликвидации Александровского реального училища областному краеведческому музею, имеется несколько экземпляров с автографами А.А. Титова.

⁶⁵ Публикацию И.Я. Словцова в «Русском труде» обнаружить не удалось. Вероятно, она так и не была опубликована.

⁶⁶ В конце 1890-х брак С.Ф. Шарапова распался. Они поделили с супругой пятерых детей и разъехались. Спустя какое-то время беременная Зинаида Федоровна вернулась, чтобы заново начать строить общий семейный очаг.

⁶⁷ Критика «Московскими ведомостями» (1898. №119 и 129) позиции «Русского труда» по Северному морскому пути заставила В.Ф. Кельина выступить с опровержением. Оно было опубликовано в №24, а затем издано особым приложением к №16 «Русского труда» за 1898 г. (С.20–32): «Еще раз о Северном морском пути: ответ “Московским ведомостям”». Открывала брошюру статья А. Шабри «Изменение денег: доклад ежегодному конгрессу “Христианских собственников и капиталистов”» в переводе с французского С. Шарапова. В.Ф. Кельин с помощью фактов доказывал ложность утверждения своих оппонентов о «наводнении и запол-

нении Сибири иностранными товарами» и по этой причине «разорении отечественной промышленности и больших потерях государственного казначейства».

⁶⁸ В №15 (11 апр. 1898 г.) помещена статья Н.М. Чукмалдина с предложениями об изменении системы заготовки товаров для нужд армии. Сложно понять позицию Н.М. Чукмалдина по отношению редактора, вмешивающегося в тексты московского купца. Судя по публикации писем, С.Ф. Шарапов всегда редактировал материалы, поступающие в редакцию. Во всем тексте курсивом было выделено словосочетание «интендантские приемные комиссии». Принадлежала ли эта фраза Н.М. Чукмалдину, работающему с военным ведомством? Или С.Ф. Шарапову, намекающему на коррупционную схему продажи товара армии?

⁶⁹ Епископ Чебоксарский и ректор Казанской духовной академии Антоний Храповицкий прислал официальное (с номером) открытое письмо редактору «Русского труда». Одновременно опубликовано в «Московских ведомостях» (1898. 10 апр., № 97). В нем он писал, что в новом издании надеялся видеть продолжение «Русского дела», «бывшего в свою очередь продолжением» аксаковской «Руси» и центральным органом славянофильства. Антоний подписался на «Русский труд» на 1897 г., но получать издание отказался. По его мнению, славянофильство было защитником церкви, «Русский труд» — врагом и защитником раскола.

В №16 от 16 апреля 1898 г. С.Ф. Шарапов пытался отстоять свою точку зрения в отношении старообрядцев: «По своим догматам — это чистые православные. Разделяют их с нами единственно их непокорство русской церковной власти и обряды». При этом редактор был глубоко убежден, что «до снятия клятв соборных мы не вправе требовать от старообрядцев отречения от их нынешних воззрений на единоверие».

⁷⁰ Насколько точна цифра тиража «Сибирской торговой газеты», приводимая Н.М. Чукмалдиным, судить сложно. Документальный источник, который мог бы подтвердить или опровергнуть данную информацию, пока неизвестен.

⁷¹ См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 272–274.

⁷² См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 274–279.

⁷³ Фотография данной избы помещена на титуле второй части «Моих воспоминаний».

⁷⁴ Дурново Николай Николаевич — публицист по церковным и экономическим вопросам, издатель-редактор газеты «Восток» (1879–1886). Печатался в «Русском труде» и «СПб. ведомостях» — о созыве Вселенского собора, о преобразовании прихода, о выборе духовенства. Был знаком с К.С. Красильниковым, А.С. Морозо-

вым. Фигурирует в деле о совращении в раскол на фабриках «Богородско-Глуховской мануфактуры», руководимой А.И. Морозовым (1899). Дело было инспирировано анонимным заявлением (ЦИАМ. Ф.16. ОП. 89. Д.29. Л. 1–23.)

В «Русском труде» сотрудничал также И.С. Дурново. О ком из этих двух лиц идет речь, установить пока невозможно.

⁷⁵ См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 286–290.

⁷⁶ Савва Иванович Мамонтов (1841–1918) — промышленник и меценат. Унаследовал от отца железнодорожное дело, возглавлял Московско-Ярославскую железную дорогу, участвовал в строительстве целого ряда других дорог. С 1894 г. он председатель правления преобразованного Общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги, где Мамонтов был главным акционером. Одновременно Мамонтов создавал конгломерат связанных между собой предприятий. Долги, сделанные Мамонтовым в попытке финансировать грандиозный проект, ошибки и нарушения финансового законодательства вызвали крушение мамонтовского дела. В 1899 г. Мамонтов разорился, был арестован, заключен в Таганскую тюрьму. В 1900 г. Московский окружной суд признал отсутствие корыстного умысла в его действиях, однако объявил Мамонтова несостоятельным должником. Впоследствии он отошел от активного предпринимательства.

Этой теме был посвящен ряд публикаций «Русского труда». Так, некий *Москвич* прислал письмо «Мамонтовская Панама» (1898. № 22). В этом же номере помещена передовая статья о грандиозном хищении на строительстве Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороге. Тот же автор опубликовал еще два письма: «Панама оправдывается» (1898. 27 июня, № 26) и «Еще о мамонтовских дорогах» (1898. 11 июля, № 28). Расходы на сооружение были определены в 17 миллионов с хвостиком. На строительстве существовало две отчетности — одна для правительства, другая — для строительных контор. Отсюда выемка земли вместо 3 руб. за куб стала 3 р. 90 коп. Общество добилось прибавки к первоначальной сумме в размере 6 миллионов рублей.

Панама — афера правления акционерной компании, занимавшейся строительством Панамского канала. Для скрытия хищений был подкуплен ряд французских министров, сенаторов, депутатов и редакторов газет. Крах компании разорил десятки тысяч держателей акций. В заголовках «Русского труда» используется в переносном смысле, как крупное финансовое мошенничество.

⁷⁷ А.И. Введенский сотрудничал в «Вестнике Европы», «Северном вестнике», «Историческом вестнике», «Ниве» и др. Под его редакцией издавались сочинения М.Ю. Лермонтова, Д.И. Фонви-

зина, А.С. Грибоедова, А.В. Кольцова, Екатерины II. С 1894 г. — контролер департамента железнодорожной отчетности.

В № 22 за 1898 г. его биография была помещена на страницах «Русского труда». Поступку контролера, раскрывшего крупнейшее хищение, редакцией была дана высокая нравственная оценка.

⁷⁸ «Олонецкие ответы» — один из вариантов названия широко известного и популярного среди старообрядцев-беспоповцев апологетического сочинения, чаще называемого «Поморские ответы». Это одна из наиболее важных богословских книг старообрядцев беспоповских согласий, содержащая апологию, догматическое и каноническое обоснование их учения. Авторами ее являются А. и С. Денисовы и Т. Петров (написана в 1723 г.). «Поморские ответы» являются наиболее удачным, стройным и полным изложением основных воззрений старообрядчества и его богословских расхождений с новообрядной церковью. Непосредственной причиной написания были 106 вопросов, поставленных миссионером иеромонахом Неофитом перед староверами Выгорецких скитов, расположенных на территории Олонецкой губернии (отсюда и вариант названия). Основное внимание Неофит уделил вопросам конкретного характера, стремясь обосновать «древность» и «истинность» вновь вводимых установлений и дискредитировать древнерусскую традицию. В ряде случаев он пытался спровоцировать староверов на высказывания, которые могли бы быть истолкованы как хула на царя и власти: православен ли царь, если он придерживается нового обряда, и т.п. Вручив обитателям скитов свои вопросы, Неофит потребовал дать на них письменные ответы, назначив весьма жесткий срок. Несмотря на это, авторы ответов не ограничиваются короткими ответами — многие из них представляют собой целые трактаты, разделенные на главы или разделы. Основным объектом критики становится главный тезис реформаторов, утверждавших, что они возвращают церковь к тому состоянию, в котором она пребывала в древности, устраняя возникшие от русского невежества и злого умысла еретиков искажения. Книга пользовалась большой популярностью и расходилась в рукописях по всем старообрядческим общинам.

⁷⁹ Несмотря на то, что Николай Мартинианович, судя по тексту письма, не предполагал эти сюжеты предавать огласке, тем не менее в посмертное издание воспоминаний они были включены уже редактором.

⁸⁰ В биографии Н.М. Чукмалдина С.Ф. Шарапов упоминает о сказке «Глинышко», которую до сих пор не удалось обнаружить. А при жизни Николая Мартиниановича, очевидно, была опубликована только одна сказка «Сказка о светлом сне» в детском журнале, издаваемом супругой С.Ф. Шарапова «Божий мирок» (1905. № 1. С. 26–29). Приводим эту сказку:

«Когда потухли отсветы вечерней зари, когда в лесу почти все птицы окончили песни и расцвела ночная фиалка, тогда с одного из пышных красных маков спорхнула Дрема. Она была прозрачна как воздух и легка как дуновение. Как легкий ветер неслась она через леса, а цветы и листья ласково шептали ей «здравствуй». Спустившись к озеру, она плеснула волной, умыла свое прекрасное лицо и поднялась над озером туманом.

Ее одежды были как снег, а в волосах у нее запутались серебряные лилии.

Каждую ночь Дрема выходит из своего цветочного домика, чтобы дать людям счастливый светлый сон.

Она пронеслась через поля, леса, реки, миновала несколько селений и прилетела к большому городу. Там было так шумно: стук экипажей и говор массы людей перемешались в один сплошной гул. Толпы народа, освещенные фонарями и светом из окон, копошились между громадными домами как муравьи в разоренном муравейнике.

Но Дрема ничего не замечала и неслась все вперед и вперед, так как она знала, что ее ждут, что она нужна.

Вдруг она остановилась около одного окна, подняла свои тяжелые бархатные ресницы и посмотрела туда своими темными, как глубина озера, глазами.

Там, за окном, — детская больной девочки. Бедная Леля была больна уже почти месяц. К ней ездили лучшие доктора, но и они не могли помочь, и Леле делалось все хуже и хуже. Никто не знал, что с ней, какая у нее болезнь. Особой боли нигде не было, а между тем она все слабела и слабела. У нее не было желаний. Она не хотела ни есть, ни пить, ни разговаривать, ни играть, вообще ничего-ничего. Она почти не спала. Ее ничто не забавляло, ничто не радовало. И никто не мог ее развлечь, сделать так, чтобы ей захотелось чего-нибудь. Она делала все только потому, что этого хотели другие.

Сейчас она лежала в постельке бледная как полог, и из подушки выглядывали только ее большие черные глаза.

Мягкий свет падал из-под зеленого абажура и освещал стол, на котором стояла лампа, Лелину кровать и ту часть комнаты, где сидел, согнувшись в кресле, Лелин папа. Остальное в комнате было в тени, а потому усталые глазки Лели не могли видеть, как, сидя в углу, плачет ее мама.

— Леля, хочешь большую куклу, которая бы говорила «папа, мама» и даже умела ходить?

— Нет, папочка, не хочу... — прошептала больная.

— А может быть, деточка хочет, чтобы я ей прочитала интересную-интересную книжку? — целуя ее и улыбаясь сквозь слезы, проговорила мама.

— Прочитай, я, мамочка, послушаю, мне все равно...

И так было каждый день, каждую ночь. Папа и мама придумывали, что бы предложить Леле, чем бы ее заинтересовать, а она... она ничего не хотела.

Как только глаза Дремы взглянули на девочку, та начала засыпать, а Дрема наклонилась к уху Лели и начала шептать ей чудный светлый сон.

И увидела себя Леля в прекрасном, волшебном саду. В изумрудной траве росли невиданные яркие цветы. Там были и золотые ромашки, и нежные лиловые колокольчики; повсюду из травы выглядывали ярко-красная задорная гвоздика и темные грустные анютины глазки, и каких-каких цветов там не было... Между стеблями копошились зеленые кузнечики, с цветка на цветок перелетали золотые пчелки и красавицы бабочки, а на ветках цветущих яблонь целый хор птиц пел свои веселые песни. И все радовалось весне, теплу, солнцу.

И только одной Леле не было весело. Она не понимала: чему все так радовались? Ей было жарко, солнце ослепляло глаза, а от радостного пения птиц у нее в ушах стоял какой-то шум и только. Ленивой походкой шла она по саду и не знала, что ей делать.

Вдруг она увидела около себя маленького птенчика, а над ним большую страшную птицу. Как стрела налетел ястреб на беззащитного птенчика и схватил в свои страшные когти. Еще миг, и он унес бы его с собой, но в этот момент Леля схватила страшную птицу за крыло и начала отнимать у нее птенчика. Птица клевала ей руку, била ее крылом, но она не чувствовала боли и боролась, сколько в ней было сил. Наконец птица разжала когти, вырвала из рук Лели крыло и исчезла в вышине. Птенчик был спасен. Леля положила его на мягкую траву, он оправил крылышки и, неуклюже порхая с куста на куст, полетел к своему гнездышку.

Леля страшно устала, руки у нее были в крови, но ей было так хорошо, она была так счастлива от того, что ей удалось спасти птенчика, что не замечала ни крови, ни усталости. Радостная, она пошла дальше по саду и только теперь поняла, чему все кругом радовались.

Вместе с птицами она запела приветственную песню солнцу и... проснулась.

Кругом было уже совершенно светло, и свет лампы был едва виден.

— Мама, мама! — закричала Леля. — Какой я чудный сон видела! — И рассказала все, что она видела. — И знаешь что, мамочка, ты ведь не будешь смеяться? — добавила тихо Леля. — Я хочу... я хочу и наяву найти такого же птенчика и спасти его.

— Милая детка, да разве над этим можно смеяться? Ведь лучше всего на свете делать добро, а птенчики, которых надо спасать,

встречаются на каждом шагу — это несчастные сиротки, которые гибнут в когтях судьбы. Вот поправляйся скорей, и мы спасем не одного птенчика.

— Да, мама, я скоро выздоровею, я так хочу скорей быть здоровой. Я ведь опять буду сильная-сильная? Правда?

И действительно, не прошло и недели, как Леля совершенно поправилась и занялась с мамой спасением бедных птенчиков — несчастных сирот.

А Дрема?

А Дрема, как только проснулась девочка, унеслась назад в лес и от радости, что она своим сном спасла девочку, заплакала, превратилась в алмазную капельку росы и упала в чашечку мака.

Н.Ч.»

Не исключено, что издатель «Мирка» З. Шарапова вынуждена была ограничиться лишь инициалами автора, т.к. у наследницы «Моих воспоминаний» могли возникнуть претензии по поводу использования авторских прав ее покойного мужа.

На эту мысль навевает ситуация с републикацией «Моих воспоминаний» в «Мирке» за 1903 г. В кн. 1 появилось «Мое учение» (С. 24–39). Редактор предварял публикацию небольшим вступлением: «Половину своего рассказа покойный успел написать при жизни, другая появилась только недавно, после смерти. Обе части вместе составляют небольшую книжку под заглавием “Записки о моей жизни”». Во второй книге «Мирка» появилась глава «Моя первая общественная служба» (С. 32–46).

К тому же, к моменту републикации в «Мирке» вдова московского купца Александра Ивановна Чукмалдина и жена статского советника Александра Ивановича Боброва обратились с ходатайством разрешить издавать в г. Москве с разрешения цензуры журнал «Мир тайн и загадок» (ГАРФ. Ф. 102, 3 д-во. Оп. 101: 1903. Д. 316, ч. 203. Л. 1).

⁸¹ Иванцов-Платонов Александр Михайлович (1835–1894), протоиерей, богослов и проповедник; (1835–1894), с 1872 г. проф. церковной истории в Московском университете. Автор книг: «Очерк истории христианства у славян» (1877); «Ереси и расколы трех первых веков христианства» (1877); «Религиозные движения на Востоке в IV и VI вв.» (1881); «Константинопольский патриарх Фотий» (1891); «За двадцать лет священства» и «За третье десятилетие священства проповеди» (1884–1897). О Иванцове-Платонове написаны книги С. Трубецким (1897) и М. Корелиным (1895). (См.: О русском церковном управлении: двенадцать статей из № 1–16 газ. «Русь» 1882 г. / предисл. Сергея Шарапова. — СПб.: Тип. Пороховщикова, 1898. — 86 с. — Особое прил. к «Рус. труду». — 1898. — № 27.)

⁸² Рылов Михаил Анфимович — кожевенный мастер, автор руководств по кожевенному делу, корреспондент ряда газет в Сибири и Казани. О нем есть упоминания в мемуарах Чукмалдина, где автор называет Рылова «моим товарищем». Впрочем, недавние публикации писем Рылова к Г.Н. Потанину и А.С. Гацисскому несколько иначе характеризуют отношения Рылова к Чукмалдину. Михаил Анфимович скептически относился к меценатству Николая Мартиниановича, называя его «страшной серединой» и негативно относился к его предпринимательской жилке, которая, по видимому, проявлялась и в меценатстве. В данном случае речь идет о покровительстве Чукмалдина местному талантливому художнику И.А. Калганову, который некоторое время проживал в Москве и существовал за счет продажи работ, которые Чукмалдин приобретал, по мнению Рылова, за сущие копейки, а перепродавал втридорога. См.: Материалы к биографии Михаила Анфимовича Рылова / публ. и коммент. Ю.Л. Мандрики // Лук&Чок. 2008. Вып. 2. С. 133–158; 2009. Вып. 3. С. 74–88.

⁸³ Было помещено в 4 номерах «Русского труда» за 1898 г. (28 и 25 июля. С. 16–19 и 16–20 соответ. 1 и 8 авг. С. 17–22 и 15–18 соответ.) Было подвергнуто критике письмо Л.Н. Толстого «Голод или не голод», опубликованное в «Руси». Идею столовых, принадлежащую писателю, С.Ф. Шарапов назвал «фальшивой и неудачной, а форму, по которой Вы их устраиваете, — оскорбительной и возмутительной... Душистый хлеб и вкусное вариво на деньги С. Морозова... Сами Вы, конечно, гроша не дадите!».

Цензор «Русского труда» Н.М. Соловьев писал о публикации С. Шарапова во внутреннем обзоре: «Великодушно принимая на себя защиту правительственной власти, бессильной и слабой, по мнению автора, в борьбе с пропагандой Толстого, г. Шарапов, порицая последнего, заявляет, что правительство колеблется, впадает в ошибки, мало деятелей в его распоряжении, одни чиновники, думающие более о 20-м числе, чем о народе, который их кормит».

Затем, объясняя огромное значение пропаганды Толстого, г. Шарапов, обращаясь к последнему, говорит: вы кличите ко всей России, что «правительство ничего путного не умеет делать, а и не будет делать, а будет лишь Вас грабить». РГИА. Ф. 776. Оп. 8: 1896. Д. 1010. Л. 88–88 об.).

⁸⁴ По всей вероятности, имеется в виду Волжско-Камский банк, один из крупнейших коммерческих банков дореволюционной России.

⁸⁵ Солдатёнков Козьма Терентьевич (1818–1901), предприниматель, издатель, библиофил, коллекционер, один из крупнейших московских благотворителей, купец 1-й гильдии, потомственный почётный гражданин, академик Петербургской академии худо-

жесть, коммерции советник. Из купеческой старообрядческой семьи. Унаследовал дело отца и в 1850-х гг. стал одним из наиболее крупных торговцев хлопчатобумажной пряжей в России. Участвовал в создании крупнейшей в России текстильной фирмы — Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий (1857, член правления), Московского страхового от огня общества (1858, член правления), Московского учетного банка (1869, член совета). Один из главных организаторов мануфактурных фирм — «Товарищество Губнера Альберта» (1871), Товарищество «Эмиль Циндель» (1874), Товарищество Даниловской мануфактуры (1876), пайщик Товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и К^о» (1873).

В начале 1850-х гг. Солдатёнков сблизился с кружком московских западников во главе с Т.Н. Грановским. С 1856 г. занимался издательской деятельностью (до 1862 г. совместно с Н.М. Щепкиным), затем под единоличной фирмой «К.Т. Солдатёнков». Издавал: сочинения русских писателей и ученых, переводы трудов иностранных ученых; памятники мировой классики. С 1840-х гг. увлекся коллекционированием. Основу его художественного собрания составляла картинная галерея. После покупки полотна К.П. Брюллова «Вирсавия» (1852) Солдатёнков начал собирать картины исключительно русских художников. В том же году во время первой заграничной поездки Солдатёнков познакомился с русскими художниками в Риме.

В коллекцию Солдатёнкова входили произведения А.А. Иванова, В.А. Тропинина, П.А. Федотова, В.Г. Перова, И.И. Левитана и др., сотни гравюр и рисунков, а также скульптуры М.А. Чижова, М.М. Антокольского, Н.А. Лаврецкого, Н.А. Рамазанова.

Библиотека Солдатёнкова к 1901 г. насчитывала около 20 тыс. книг на русском языке (историческая, философская, художественная литература, книги по искусству).

Коллекция Солдатёнкова, со временем получившая широкую известность в Москве, с середины 1850-х гг. размещалась в его доме и была доступна для обозрения.

В домашней молельне Солдатёнкова были иконы главным образом строгановской школы. К числу ценнейших относились подписные иконы XVI в. — «Погребение Иоанна Богослова» мастера Никифора Славина и «Неделя шестая о слепом» мастера Истома Савина. Жемчужиной собрания был «Спас» Андрея Рублёва, приобретенный Солдатёнковым в Саввино-Сторожевском монастыре.

Свою коллекцию русской живописи, книги по искусству (8 тыс. томов) и 15 тыс. экземпляров журналов Солдатёнков завещал Румянцевскому музею, где они экспонировались в двух залах до ликвидации музея в 1925 г.; затем переданы в Третьяковскую галерею, Рус-

ский музей и др., книги -- в Государственную библиотеку имени В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). Часть икон по завещанию поступила в Покровский собор Рогожского кладбища.

В 1866 г. Солдатёнков основал так называемую Солдатёнковскую богадельню на 100 постоянных жителей Москвы и заезжих «всех сословий и исповеданий, но преимущественно из бывших дворовых людей». В 1870–1882 гг. передал Московскому купеческому обществу средства на содержание Николаевского дома призрения вдов и сирот купеческого сословия. В 1889 г. внес средства в Московское городское общественное управление на призрение душевнобольных, в 1900 г. — на постройку богадельни Яузского попечительства о бедных. По духовному завещанию Солдатёнкова на его средства построены городская больница для бедных «без различия званий, сословий и религий» (носила его имя; ныне Городская клиническая больница имени С.П. Боткина (Боткинская больница), ремесленное училище имени К.Т. Солдатёнкова.

Солдатёнков пожертвовал также средства на содержание Богадельного дома при Рогожском кладбище, на стипендии и пособия нуждающимся студентам Московского университета, на стипендии учащимся московских гимназий, Арнольдо-Третьяковскому училищу глухонемых, на пособия невестам и рекрутам, а также на уплату земских повинностей крестьянского общества деревни Прокунино Московской губернии. Похоронен на Рогожском кладбище.

⁸⁶ В особом приложении к № 38 «Русского труда» за 1898 г. был издан сборник статей «Теория государства у славянофилов». В него вошли работы И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, Аф. В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина и С.Ф. Шарапова.

⁸⁷ Автор определял его как роман о любви и семейном счастье, над которым он работал с 1887 по 1894 г., год, когда обвенчался с Зинаидой Федоровной Коравко.

⁸⁸ В № 31 за 1898 г. была помещена передовая статья о Бисмарке. С.Ф. Шарапов писал о своем герое: «Бисмарк совершенно так же любил Россию, как хороший Gastronom любит карасей. Он их, несомненно, горячо любит... в сметане. ...“Дружба с Россией” была маской, которую Бисмарк носил с неподражаемым совершенством». В этом же номере была опубликована статья Эдмонда Тори «Во что обошелся Европе князь Бисмарк?» (С. 3–6).

⁸⁹ Чаковинский чай, первый чай отечественного производства, получил название от местности Чаква близ Батуми, где в 1893 году российским предпринимателем-чаеоторговцем Константином Семеновичем Поповым были заложены первые промышленные плантации чая и основана первая чайная фабрика, для приготовления чая ручным способом. Работы осуществлялись китайскими спе-

циалистами под руководством Лау Чженьчжау, помощника директора одной из крупнейших в Китае чайных фабрик «Кэй Цэн».

⁹⁰ Соловцов Георгий Александрович, сын Александра Александровича, одного из пионеров чайного дела в России, который предпринимал попытки выращивания и налаживания производства отечественного чая. Он один из первых высаживает чайные кусты в местности Чаква под Батуми. Но попытки разведения чая успехом не увенчались.

⁹¹ Статьи о чае опубликованы в № 39 и 40 (26 сент. и 8 окт. 1898 г.) «Русского труда». См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 295–302.

⁹² Корреспонденции Николая Мартиниановича имели общее название «Московские письма» и отдельные части обычно нумеровались и лишь в некоторых редких случаях они имели особые заголовки. Так произошло и в этом случае, публикация в № 39 от 26 сент., кроме порядкового номера XXVIII, в редакции получила еще и подзаголовок «Нечто о чае и торговой недобросовестности». С автором это прибавление согласовано не было, о чем и пеняет Чукмалдин Шарапову. В следующем номере это упущение редакцией было исправлено.

⁹³ Найдёнов Николай Александрович (1834–1905) представитель крупной купеческой фамилии, предприниматель, банкир, меценат, общественный деятель. На его средства и при его содействии в 80–90-е гг. XIX века было издано 14 альбомов с видами Москвы, девятитомное издание «Материалов по истории московского купечества».

⁹⁴ В передовой статье за 4 апреля 1898 г. редактор «Русского труда» поведал о результатах работы С.А. Дедюлина, основанных на официальных цифрах. Автор показывал, как русский народ беднеет и вследствие этого вступает в стадию вырождения. Начиная с 1890 г. под знамена шли новобранцы, часть из которых (увеличивающаяся с каждым годом) признавалась неспособной к несению службы уже на первом ее году. В № 38 военное министерство признало, что выводы верные, но явление подмечено случайное. В № 41 был подведен итог дискуссии с военным министерством: «Да! Народ вырождается».

⁹⁵ Оль Павел В. — публицист. Занимался исследованием истории банков, иностранного капитала. Активнейший сотрудник «Русского труда». В номере от 17 октября 1898 г. была опубликована его статья «Какие цели преследует государственный банк?».

⁹⁶ Грин(г)мут Владимир Андреевич (3.03.1851–28.09.1907), один из вождей монархического движения, организатор и руководитель Русского монархического союза. Преподавал в лицее цесаревича Николая (лицей был основан М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым), с 1894 г. его директор. В 1878 г. принимает православие.

К 1870-м годам относится и начало публицистической деятельности В.А. Он сотрудничает с изданиями М.И. Каткова «Московские ведомости» и «Русский вестник», и в других консервативно-националистических органах печати: «Гражданин», «Современные известия» и др. После смерти Каткова в 1887 г. стал членом редакции, а с 1896 по 1907 г. — редактор-издатель «Московских ведомостей». Готовил передовые статьи, вел еженедельную рубрику «Вопросы русской жизни», публиковал статьи по вопросам театра и искусства, писал для рубрики «Памяти почивших». Он состоял членом-корреспондентом Московского археологического общества, почетным или действительным членом почти всех славянских обществ, Общества любителей духовного просвещения, Московского общества любителей художеств. Активной политической деятельностью начал заниматься с 1905 г.

⁹⁷ «Чайный вестник» — еженедельная газета о промышленности и торговле сахаром, чаем, кофе, какао, цикорием, шоколадом и всеми кондитерскими производствами. Издавалась в СПб. с октября 1898 г. по август 1899 г. Всего вышло 44 номера. Редактор — И.В. Трусов. Имеет ли он отношение к Трусову П.И., заместителю тюменского городского головы (1881–1885), переселившегося позднее в СПб.? Если да, то понятно желание «Чайного вестника» лягнуть своего земляка Н.М. Чукмалдина, о котором редактор знал явно гораздо больше, нежели наши современники.

⁹⁸ В «Чайном вестнике» как минимум три раза пытались поставить под сомнение компетентность Н.М. Чукмалдина как специалиста в области торговли чая. Опубликованная в «Чайн. вестн.» (1898. № 2. С. 23–25) статья «Об удешевлении чая» вызвала отклик московского купца, и он подверг газетное выступление критике в «Петербургских ведомостях» (№ 295), находя неосновательность выводов издания. «Чайн. вестн.» (1898. № 8. С. 62–63), в свою очередь, удивился, что «г. Чукмалдин не особенно внимательно отнесся к содержанию нашей статьи».

Очередную полемическую заметку «Чайного вестника» спровоцировала публикация Н.М. Чукмалдина в «Петербургских ведомостях» (1898. № 314). И тут уж газета постаралась ущучить автора ведомостей в не совсем честной позиции московского купца (1898. № 8. С. 95–96): «Мы отлично представляем, что скидки с этикетной цены не представляют собой денежного расхода, ибо при кабинетной расценке чаев, поступивших на склад купца, форсирующего скидками, последний себя не обидит и при сортировке маху не даст». Не спасала от такой критики даже железная логика торговца чаем: «Я торгую чаем и грешным делом полагаю, что умею считать стоимость его со всякими сложными расходами, начиная с перевода денег в фунты стерлингов и в ланы».

⁹⁹ Эти последние публикации Николая Мартиниановича в «Русском труде» из серии «Московские письма» печатались в трех номерах еженедельника (№ 49, 50–51, 52 1898 г.) под одним номером XXXII и заголовком «Нечто о чае». См.: Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы... С. 308–322.

¹⁰⁰ Дмитрий Васильевич Сироткин (1865–1946) — крупнейший деятель старообрядчества начала XX века, председатель совета Всероссийских съездов старообрядцев белокриницкого согласия, председатель совета Нижегородской общины. Один из богатейших судопромышленников России, биржевик. В 1907 г. образовалось «Торгово-промышленное и пароходное товарищество Дмитрия Васильевича Сироткина» с капиталом в 1,5 миллиона рублей. В 1910 г. Д.В. Сироткин стал директором-распорядителем крупной пароходной компании «Волга». С 1907 г. — председатель Нижегородского биржевого комитета. С 1908 г. — председатель Совета съездов судовладельцев Волжского бассейна.

К 1913 г. Сироткин стал председателем акционерного пароходного общества «По Волге». Сироткин был значительным церковным благотворителем. С 1899 г. — председатель Совета всероссийских съездов старообрядцев белокриницкой иерархии. В 1908 г., выступая за увеличение прав мирян в Церкви, вошел в конфликт с нижегородским и костромским епископом Иннокентием. После длительной борьбы общее собрание членов общины 12 сент. 1910 г. вынудило Сироткина уйти с поста председателя. Будучи городским головой, предложил Горькому устроить для безработных дневное пристанище, знаменитые «Столбы». Деньги на устройство были выделены думой и известным благотворителем Н.А. Бугровым.

29 марта 1913 г. Сироткин избран нижегородским городским головой на четырёхлетний срок. Отказался от жалования городского головы. Вскоре начался крупный скандал, связанный с принадлежностью Сироткина к старообрядчеству. В Нижнем Новгороде, 7 мая 1913 г. на торжествах по случаю 300-летия царской династии в присутствии царя был устроен молебен. Так как служили новообрядческие священники, городской голова демонстративно не крестился.

Во время пребывания его на должности городского главы в Нижнем Новгороде началось строительство канализации, было выкуплено в собственность города трамвайное и электрическое хозяйство, открылась городская хлебопекарня.

Д.В. Сироткин принимал участие в открытии в 1915 г. Народного университета. В годы Гражданской войны находился на Юге, эмигрировал сначала во Францию, затем переехал в Югославию, где и скончался в 1946 г.

¹⁰¹ Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1904), граф. С 1889 г. — председатель департамента законов, а 1893 — департамента Государственной экономии Государственного Совета.

¹⁰² Речь идет о приобретении Чукмалдиным звания потомственного почетного гражданина. См. коммент. 36.

¹⁰³ Каульбарс, Александр Васильевич (1844–1925) — барон, русский военный деятель и ученый-географ, генерал от кавалерии (с 1901), член Военного совета (с 1909). Участник похода в Кульджу 1871 г., Хивинского похода 1873 г., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных действий в Китае 1900–1901 гг., Русско-японской 1904–1905 гг., Первой мировой и Гражданской войн. Один из организаторов русской авиации. Руководитель Кашгарской экспедиции (1872). Исследователь Китая, Тяньшаня и Амударьи. Автор работ «Тянь-Шань», «Низовья Амударьи» и других.

¹⁰⁴ Алексей Сергеевич Ермолов (1846–1917) — русский государственный деятель и сельский хозяин, министр земледелия и государственных имуществ с 1894 по 1905 г., академик Петербургской академии наук. Окончил Александровский лицей, потом выдержал экзамен на степень кандидата сельского хозяйства в Петербургском земледельческом институте. А. Ермолов был избран Императорским Вольным экономическим обществом делегатом на Международный сельскохозяйственный конгресс, который прошел в Париже в феврале 1878 г. Заботился о поднятии сельскохозяйственного образования, о поддержании кустарной промышленности, об улучшении казенных минеральных вод, о культивировании земель на черноморском побережье Кавказа. В 1886–1888 гг. был вице-президентом Вольного экономического общества.

¹⁰⁵ См. коммент. 76.

¹⁰⁶ Белогорский Свято-Николаевский монастырь Пермской епархии МП был основан в конце XIX века для обращения в православие пермских староверов, а собор был достроен в 1917 году, между двумя революциями. Уже через несколько лет собор был сильно разрушен и стоял заброшенным до конца 90-х годов. История Белогорского монастыря начинается с 9 июня 1890 года, когда главный миссионер Пермской епархии протоиерей Стефан Луканин посетил Белую гору и воздвиг первый деревянный крест.

20 января 1897 года Белогорский монастырь был утвержден штатным монастырем, а иеромонах Варлаам назначен его настоятелем. Вскоре крестным ходом из Москвы и Санкт-Петербурга были доставлены 5 икон, в том числе подобие Казанской Божьей Матери.

¹⁰⁷ «Россия», первая массовая газета европейского типа в России. Она адресовалась широкому массам населения без социальных, сословных, образовательных и материальных различий. «Россия»

вышла в апреле 1899 г. Инициаторами ее создания стала группа сотрудников «Нового времени» во главе с А.В. Амфитеатовым, порвавшая отношения с А.С. Сувориным. Газета «Россия» появилась как издание, альтернативное суворинской газете. Редактором стал Г.П. Сазонов. «Россия» имела хорошую материальную базу. Московские купцы во главе с С. Мамонтовым собрали по подписке капитал в 180 тыс. рублей, но Сазонову эти деньги не дали. Ведение дел в газете было поручено зятю С. Мамонтова — финансисту М.О. Альберту, который истратил на газету еще 120 тыс. собственных средств. «Россия» быстро завоевала симпатии читателей. Расчет на «улицу», на купившего газету прохожего, а не на постоянного подписчика предполагал широкую розничную продажу, которая входит в обиход именно с появлением массовых газет на рубеже XIX и XX вв.

¹⁰⁸ «Гражданин» — газета-журнал политики и литературы. Издавалась в 1872–1914 годах (с перерывом в 1880–1881 гг.) в Петербурге кн. В.П. Мещерским. В разное время выходила с разной периодичностью: еженедельно, два раза в неделю. С 1 октября 1887 г. «Гражданин» был преобразован в ежедневную большого формата газету. В 1872 г. в приложении к газете вышел литературный сборник, а с 1883 г. ежемесячное «Литературное приложение» с публикацией художественных произведений стало регулярным. Редакторы «Гражданина» несколько раз менялись: в 1872 г. «Гражданин» редактировался Г.К. Градовским, в 1873–1874 гг. — Ф.М. Достоевским, затем В. Пущыкевичем, кн. Мещерским и К.Ф. Филиппеусом. В разные годы в «Гражданине» появлялись произведения А.Ф. Писемского, Н.С. Лескова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского, А.Н. Апухтина. Политическая программа газеты отличалась подчеркнутым консерватизмом с ориентацией на аристократические и духовные круги читателей. В целом газета не пользовалась широкой популярностью. Количество подписчиков даже в лучшие годы не превышало 1800. Особое значение в истории русской журналистики «Гражданин» приобрел в связи с участием в нем Ф.М. Достоевского. Помимо редакторских функций, писатель вел в газете раздел еженедельного политического обозрения, печатал фельетоны и др. С первого номера 1873 г. в газете публиковался уникальный «моножурнал» Ф.М. Достоевского — «Дневник писателя».

¹⁰⁹ Эйнем — знаменитая кондитерская фабрика «Товарищество паровой фабрики шоколадных конфет и чайных печений Эйнем» (в советское время после национализации «Красный Октябрь»). Фабрика была основана Ф.Т. фон Эйнемом и Ю. Хойсом в 1867 г. За высокое качество и превосходный вкус производимой продукции неоднократно удостоивалась высших наград — золотой меда-

ли Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г., Гран-при Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Со временем Ф.Т. Эйнем начинает отходить от дел и в начале XX века Хойс станет полным владельцем фабрики, но «Эйнем», прочно связанное с понятием качества, в названии так и останется.

¹¹⁰ Даже в своем дневнике (ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7), весь период издания «Русского труда», несмотря на значительную помощь С.Ф. Шарапову в финансировании издания, последний ни разу не упомянул московского купца. Только 27 апреля 1901 г. была сделана запись: «Умер Чукмалдин в Берлине. Какое горе. Прот. Мальцев сказал речь и просил, чтобы напечатали» (Л. 189 об.). А на следующий день про то, что его отвлекло от обыденной жизни редактора очередного проекта: «Весь день в хлопотах по поводу речи. Бывал у цензора Петропавловского. Славный старик. Немедленно подписал речь, дал свои книги, обещая льготно прорецензировать ответ Толстому, если напишу. Оттуда в тип. Васильева. К вечеру набрали и напечатали. Вечером на вокзал, забрал всех, вручил 1200 экз. речи» (Л. 190 об.). И больше нигде ни одного слова.

¹¹¹ После закрытия «Русского труда» А.М. Краевский писал в письме С.Ф. Шарапову: «Литературный орган, развивающий свои взгляды в духе строгой законности, поборник церкви, религии, доходящей до некоторой крайности в своей ортодоксальности, искренний сторонник русской государственности и — что всего важнее — искренне преданный сын своей страны, наконец, орган глубоко русский во всех направлениях чувств и стремлений, снискавший немало сторонников среди русского общества, несмотря на некоторую оригинальность своих воззрений — вдруг прекращается одною силою абсолютной власти; прекращается без суда, без объяснения причин, без доказанности обвинения в чем бы то ни было, без всего того, что требует законность» (ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 261. Л. 1).

У редактора-издателя остались долги: «...запрещение газеты вконец меня разорило» (ГАСмолО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 543. Л. 114). Так был затеян новый проект — «Русская беседа», но и он прекратил свое существование практически после выхода первого номера.

¹¹² Природная достопримечательность на юге Финляндии, в 210 км. от С.-Петербурга — водный скат реки Вуокса, на которой находится город Иматра.

¹¹³ Один из сборников с публицистическими статьями С.Ф. Шарапова (М., 1901. 236 с.). В него вошли три работы: «Мирные речи», «По-русски», «Старое и Новое». Именно бесплатной рассылкой таких сборников С.Ф. Шарапов пытался рассчитаться с долгами перед подписчиками.

¹¹⁴ Чукмалдин Н.М. Путевые очерки. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1900. 31 с.

¹¹⁵ В 90-е годы Николай Мартинианович был одним из пайщиков «Товарищества машиностроительного завода В. Грачева и К^о», он имел 15 паев и занимал должность заместителя директора. См.: Мандрика Ю. О московском периоде Чукмалдина // Лукич. 2001. № 4. С. 7, 15.

¹¹⁶ Типы плугов часто рекламировались в разного рода сельскохозяйственных изданиях. Так, в «Земледельческой газете» (1883. С. 958–960) был обзор плугов С.Ф. Шарапова, представленных на Курской сельскохозяйственной выставке. Владелец Сосновской мастерской только выходил на рынок, и его продукцию пока не рекомендовали приобретать. В 1899 г. после испытаний на тамбовском черноземе четырех плугов С.Ф. Шарапова «Тамбовские губернские ведомости» (1899. № 65, неоф. ч.) сообщали об одном из них: «Он хорош, в работе устойчив, но на полную глубину пахать двумя лошадьми трудно. Цена очень дешевая».

О работе Сосновской мастерской было опубликовано в «Русском труде» блестящее эссе «Грустный юбилей» (1998. № 45. С. 6–8; № 46. С. 4–6). О том, как изделия, выходявшие из его мастерской, признавались на различного рода конкурсах, включая международные, лучшими: «Медалями я обвешан до пояса, долгами до пят». За двадцать лет со дня основания мастерской ее создатель понял, что «во всякой другой стране эта мастерская стала бы скоро очень крупным предприятием», но не в России, где все делается для того, чтобы мелкий производитель был обречен.

¹¹⁷ Верховланцев Павел Федорович, директор Товарищества машиностроительного завода В. Грачева К^о.

¹¹⁸ Данная публикация не обнаружена в «Русском труде».

¹¹⁹ Это последнее, точно датированное письмо Н.М. Чукмалдина С.Ф. Шарапову, Николай Мартинианович был уже смертельно болен, до развязки оставалось почти ровно 4 месяца. 15 (по новому стилю 27) апреля 1901 года он скончался в одной из берлинских клиник, где был оперирован.

¹²⁰ В делах цензурного ведомства (ЦИАМ) обнаружить документ на книгу Н.М. Чукмалдина пока не удалось.

¹²¹ Подаруев Прокопий Иванович — тюменский городской голова (1870–1872).

**Комментарии Ю. Мандрики
и В. Темплинга**

P.S. Авторы комментариев выражают глубокую благодарность А. Вычужанину за предоставление копий некоторых документов о жизни Н.М. Чукмалдина.

Не ездите в Сочи.

На халяву...

Это было намеренно...

Не успел я прилететь из Малаги, в которой, как утверждают все мои знакомые, у меня есть остров, мне позвонили и предложили командировку в Сочи, на журналистский сейшен. Одноименная организация хотела бы видеть там мешок книжек моего издательства. А лучше два. Я вполне годился выполнять роль носильщика и где-то гида по мешочному добру.

На заре моей юности мне приходилось не очень удачно отдыхать где-то рядом с Сочами. И повторять тот опыт не хотелось. Но магическое слово «командировочные», включавшие проезд, гостиницу в отеле управления делами президента по пять тысяч в сутки за номер с питанием...

Ну как тут было не поехать. Такая халява...

Стоимость авиаперевозки в южный город и обратно заслуживала отдельной песни. Маршрут Москва—Дюссельдорф—Мальорка—Лиссабон—Париж—Рига—Москва годом позднее обошелся нам с супругой примерно на сто евроков дешевле. Вроде бы и тот и другой рейсы были одинакового формата — рейсовые... К тому же на обратном пути ютэйровский больше напоминал транспортник — место посередине салона, освобожденное от кресел, занимали коробки, бесчисленное количество, с цветами. Очевидно, авиакомпания пассажиры нужны были лишь для удешевления цветов на тюменском рынке...

Сочи встречал огромной дырищей в линолеуме посреди гостиничной комнаты, неработающим телевизором и протекающим круглосуточно краном. Это сражало сильнее, нежели европейская цена за номер. «Все включено» предполагало и столовку, в которой у тебя нет права на выбор. Как в Зимбабве.

Коллега (царство ему небесное!) из Хантов страдал диабетом, сахара в крови за 20, а ему все равно предлагали блины со сгущенкой на завтрак. И сахар, уже растворенный в кипятке, неумолимо именуемом на языке официанток чаем. В придачу нормированный кусочек хлеба. Знакомому, не буду называть его фамилию (иначе он обзовет меня за это антисемитом), не хватало такой «порцайки». И он поглядывал на близлежащие столы так, словно высматривал дичь. У того, кто диетничал и поэтому не употреблял мякиш, выпрашивал его. Ну прямо-таки тридцать третий... Или фронт при скверной работе тыловых служб...

Но в тот момент, когда предлагали поездку, где-то глубоко под кожей прямо-таки чесалась мысль, пытаюсь, как страус, вылупиться из яйца: с чего это вдруг обо мне вспомнили? Не забывают в нашем обществе чаще всего только покойников... Какое-то время после похорон... Да нужных людей.

От поездки в Сочи я ничего и не ожидал. Может, потому, что хорошо помнил фразу Михаила Булгакова, которая возникала у разного рода сенек, наверное, и тысячу, и две тысячи лет назад, о незнакомцах и улицах, по которым те шествуют.

Примелькавшихся в столице деревень рож было здесь не так уж и много... Каждый вечер натыкался на пьяного С., поддерживаемого с двух сторон какими-то человеками, моего старого конкурента в борьбе за имя: каждый из нас пытался откреститься от внебрачного ребенка, появившегося на свет от нашей общей знакомой.

Проиграл, конечно, я. Та, вечно двадцатипятилетняя девушка (когда в очередной раз, кажется, в четвертый, она отмечала свой четвертьвековой юбилей в ресторане «Востока», я попытался ее пристыдить: нечего уповать на нашу девичью память и деликатность гостей), подтвердила в приличном обществе, уже сегодня, мою непричастность к отряду аистовых фразой, изумившей всех: «Мы вот с Лукичом больше тридцати лет знакомы, а так ни разу и не переспали». Народ бешено недоумевал, с чего бы это скромная «девушка» позволила себе в обществе, пытающемся прикрыть свои вольные нравы маской богемы, такую смелость? А мне ничего не оставалось делать, как поддержать тональность неумелого «девичьего» вздоха: «С кем еще это не случилось? Записывайтесь в очередь!».

Повод так высказаться у вечной девушки, конечно, был. Внебрачный ребенок вырос в двадцатилетнего юношу, которого наконец-то готов был признать и отец. Мужественная мамашка, вырастившая одна сына, не сильно этому противилась. Мое имя, мелькавшее где-то рядом с ее альковым, должно быть нейтрализовано в глазах, скорее даже не публики, все еще помнившей ту историю, а замечательного папочки. Достичь такой цели можно было, только представив всему любопытному обществу документ, пусть и словесный...

Мир был тесен. И это становилось особенно понятно здесь, на краю земли, пугливо ощетинившейся пляжной арматурой, предупреждавшей об опасности спешивших к морю командированных...

Встретился коллега-издатель А., с которым мы в последнее время общались. Хотя больше по необходимости. В свое время наметившийся его выход на издательскую стезю был ознаменован фуршетом, конечно же, в историческом памятнике самого центра Москвы (знай наших!). Книга, нафаршированная в том числе и нетленкой местных авторов, нередко грешила откровенной неправдой, подчеркивая для непосвященных уникальность пути первопроходца, появившегося на свет лишь для того, по утверждениям самого А., чтобы удивить провинцию существованием цветной полиграфии.

Бывший аппаратчик не изменял духу вертикали власти. Последняя признавала провинцию лишь только в том случае, если тьмутаракань позволяла представителям столицы участвовать в дележе лакомых кусков. С этой точки зрения скудеющий на интеллектуальную поросль город, несомненно, был Меккой, куда и устремилась экспортируемая москвичами культура. Главное — положить начало. И поддерживать его. И вскоре этот городишко будет уже вроде и не провинцией, а скорее суррогатом столицы.

И вот на той самой московской презентации, куда меня нечаянно занесло, в момент пересыхающих тостов, я подошел к жене А., кажется, в очередной раз беременной (прошу прощения у всех, если мне изменяет память), и предложил выпить за ее денежный мешок. Я был искренен. Мои жизненные наблюдения убеждали, что мужчине самой природой отведена роль

быть отцом ребенка и кошельком матери, вскармливающим всю жизнь это дитя. И если он не оправдывает надежд женщины, его очень редко выгоняют из семейного улья. Пчелы ведь тоже держат трутней для счастья.

Произнося тост, я искренне радовался за женщину, которой повезло с партнером. От него не только то и дело рождались дети, но денег хватало даже на оперенье в виде цветистых книжек, могущих составить устойчивую репутацию любому. А для юной женщины — это уже не хрен собачачий, а настоящая каменная стена.

Как-то в разговоре с А. удалось услышать, что писать в свои издания не собирается, поскольку не владеет таковым ремеслом. Для этого есть консультанты, делающие проблему выбора не только на издательском поприще фонда с нехилым названием. Дело руководителя — финансы...

Гордыня на этот раз не жрала его, и А. предложил мне работу. Был сезон безденежья — я согласился. Но зарабатывать у масштабного издателя, претендующего на роль нового Геннадия Сапронова, не хотелось, дабы не превратиться в мальчика-побегунчика. Но инвестировать в его проект, даже своим проездом на автобусе до библиотеки, противоречило бы моим принципам: я не готов был принять его мир с эскалацией культуры где-то оттуда, извне.

Уже после Сочи, когда я был готов засесть за работу, оказалось, издательский виртуальный мир А. страдает в этот раз такими же и деньгами. Мне предложили вместо командировочных — долги, которые, в принципе, я мог бы пожизненно выбивать, наблюдая, как их активно съедает прожорливая моль-инфляция.

В своей жизни я был санитаром в психиатричке (что, несомненно, заметно отпечаталось на моем характере; да этого никто не смеет отрицать), шофером грузовика, колол керн в геофизической партии, ежедневно стирая пальцы в кровь; преподавал в школе для умственно отсталых... Но вот с коллекторской деятельностью меня ничего не связывало. Разве что бывал в бибколлекторе, в котором в годы тотального дефицита регулярно менял пару килограммов мяса на томик какой-нибудь Ахматовой? Да было знакомо название кооператива гаражей, в котором мне как-то приходилось арендовать место для своего белого авто...

На этом мы и разошлись. Встречаясь, А. талантливо и ловко уводил в никуда взгляд, вслед за которым исчезало и тело носителя еще задолго до моего «здрасьте», провисавшего как провод между опорами высоковольтной линии в момент обледенения. Я был уже большой мальчик и понимал: так ведут себя настоящие мужчины...

Из кучки знакомых лиц на том пляже выделялась В., с лицом Клеопатры, улыбка которой возбуждала у пьяных командированных лишь прочтение отчаянного вопля: «Кто купит ценою жизни ночь мою!..» (попробуйте правильно произнести эту ритмически организованную строчку, начинавшуюся после риторического вопроса с «Ценою жизни»).

Четырехугольником и не пахло. С. отпадал сам собой. Его интересовали только дети Бахуса. В пучине восстанавливаемых отношений оставались только А. и В., да я.

Вокруг В. было столько краснодарских казаков с роскошными усами, которые явно были рекламным щитом того, что было в магазине. Говорят, что ей с ранней юности нравились такие мужчины, но не будем об этом. Ведь там ночевал дядюшка Фрейд...

Южные ночи предпочли отдать Клеопатре меня.

В серпантине дорог, уносившихся машинами куда-то ввысь, было страшно приобрести какие-либо долги и обязанности друг перед другом. Одолевала свобода детства, когда ты еще чист перед всеми как перед Богом. И тебя еще не начал точить маленький червь обязательной лжи. А радость встречи позволяла видеть даже в дешевом манекене у магазина секунд-хенда чудо. Не поприветствовать его, пьянея не столько от разливного вина, купленного у частных (адреса их мог подсказать любой постовой милиционер), мы не умели.

Пропасть, отделявшая море от нас двоих, не мешала сделать шаг в ее сторону. В ожидании, что этот миг вот-вот, еще день-другой, и обязательно исчезнет, было столько истерического веселья. Клеопатра, демонстрировавшая поведением, в лучшем случае, Лолиту из заграничного фильма, никак не могла втиснуться в платье Козетты, роль которой отвела ей ситуация.

Говорят, что мужчины в горах ведут себя несколько иначе, нежели после возвращения в город. Жанвальжан, умудрявшийся

видеть в Клеопатре довичку, нуждающуюся в помощи старца, быстро превратился в Жоржадюруа, старающегося научиться писать для ее газеты.

Она лепила из своего милого друга все, что хотела, оставляя ему лишь возможность со стороны смотреть на себя. Производственный роман закончился в тот самый момент, когда муж вернулся к героине гладковского «Цемент» с войны. И она вынуждена была талдычить, что коммунистка и поэтому в оппозиции. А предназначение любого героя — бросаться на любую амбразуру, выстроенную Клеопатрой.

Мои публикации, рекламировавшие на протяжении нескольких месяцев дурацкую «Книгу года», главное шоу учебного процесса издателей, у участников которого не хватило ума даже поблагодарить глубокомыслящую В. за помощь в раскрутке мероприятия, вдруг начали получать рекламации.

Особенно крутой оказалась екатеринбургская «басковская», сумевшая подметить «писк времени», имевший лицо В. Путина и Д. Медведева одновременно, заботившихся об электронном контенте библиотек. Народ повалил толпой за указующим перстом руководителей страны, а некто некомпетентный странно повел себя, желая опорочить порыв масс.

• Ответ был смешной. Как и сами перцы, не умеющие различать издательские дела и подрядные. От них пахнуло сильным совком, стуком в эфемерный партком, которого еще никто не придумал, политическим доносом, на который должна была обратить внимание в первую очередь далеко не общественность и разумеется, отэрегировать. Хотя употребленное рядом с именами президента и премьера слово «наоборот» смешно перекликалось со старинным анекдотом о том, как русская девушка выходила замуж за армянина. (Как заметил в телефонном звонке мой нечаянный знакомый Александр Антонович: «Тебе повесили политические яйца. За это раньше могли бы и посадить!»)

Каждая из сторон высказала свое мнение об электронном издании, и затевать дискуссию ради игры в оппозицию не хотелось. Да и тон письма «басковцев» говорил сам за себя... Умный читатель должен был без чьей-либо помощи разобраться, кто из нас претендует стать хармсовским героем. Думаю, что окру-

жающие приняли публикацию ответа «басковцев» как призна- ние мной поражения... Это было лишь началом...

...Издательству исполнялось пятнадцать.

Не умея сильно кланяться, я все-таки пошел приглашать. Стереотип восприятия, что тебя лучше всего оценит существующая власть, — глубоко ошибочен. Но у ее представителя были общие со мной учителя. Более того, когда-то мы имели совместные издательские проекты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Власть в лице моего старого знакомого даже не подала мне руку. Суровым тоном, напоминающим мизансцену из гоголевского «Ревизора» (придумайте сами из какой), прозвучал вопрос:

— А с чего это вы себе позволяете критиковать А.? Мы вас в командировку в Сочи посылали, думали, что помиритесь. А вы опять туда же... — Этак на иностранный манёр: *tu da je!*

И я понял, что последствия издательских проектов моих и его — разного ранга. И не могут уравновесить чаши весов.

Мое самолюбие молчало. И таким образом соглашалось с табелью о рангах в издательском бизнесе... За сочинскую халяву, оказывается, надо было платить...

Чаша весов якобы конкурента резко пошла вверх. Я это почувствовал, когда мне передали ксерокопии страницы из рекламного издания «Дюжина». Проверять не хотелось, существовал ли вообще оригинал? Если был, значит, за него заплатили. Во-первых, за написание текста. Не может же быть, что А. вдруг научился писать. Хотя вполне возможно, что по такому случаю и талант мог проклюнуться. Во-вторых, за публикацию. «Дюжина»-то рекламная. Вот, оказывается, почему изменился вес конкурента.

То, что пресса начала на меня наезжать, мне льстило. Значит, вкладывают деньги в рекламу твоего имени. Я пытался хвастаться своим успехом. Но мои потуги были тщетны. Все мои телефонные собеседники — Дворцова, Дикк и многие другие, чьи фамилии начинаются не обязательно с буквы «Д», получили уже текст «Дюжины» по электронке. Вот что значит современные технологии.

Мои наезды на книги А. парировались наездами на меня, «любителя клетчатых трусов и автора нечистоплотных опусов»,

созданных из «зависти ...из-за неудовлетворенных амбиций, осознания собственной безликости».

Досталось и редактору, которого также отнесли к разряду «морально ущербных», исполняющего самолично на сцене песни, вместо того, чтобы пригласить какого-нибудь залетного столичного певца. Задорого...

Для того, чтобы воевать с уровнем плинтуса, надо наклоняться. Моей пожилой пояснице был пока не чужд радикулит. И я решил сравнить редактора с издателем, познакомив первого с текстом «Дюжины», который явно нам не предназначался, но нечаянно попал мне на глаза. О качестве пения редактора газета из явно маргинального городишки отзывалась со знанием дела — «дурниной», приводя пословицу: «Голос как в жопе волос». При этом наполняя семантикой приведенное далевское словарное как единственно возможное: мол, речь о человеке с изъяном. Если смотреть на технологию распространения текста из «Дюжины», то словотолкователь, несомненно, попал пальцем в... глаз, а не в бровь. Да, именно в тот самый глаз, ибо бровь от него далеко.

Хотелось бы человеку, подписавшему эту публикацию в «Дюжине», подарить зеркало, чтобы он посмотрел, «тонкий» у него и «грязный» ли (прошу прощения за натурализм, но из этой песни слов никак не выкинешь!)? А если так (не уверен, что иначе; всё как у всех!), то и смысл пословицы несколько иной: что естественно, то не безобразно.

Да редактор и не стесняется своего голоса. Мне нравится его здоровый юмор, когда он шутит по пути в ночной кабак, где поет под болванку караоке в то время, когда костяк газеты надрывается, пытаясь втиснуться в график сдачи номера: «Кто на что учился!». И говорят знающие люди, что поет он неплохо. Во всяком случае, бывший ударник группы «Ермак» нынешний классик местной литературы Виктор Строгальщиков в этом уверен.

Но редактор был родом из детства. Он помнил, что такое провокация. И решил, что сообщение о публикации в «Дюжине» придумал я. Ибо А. пригласил редактора на очередную презентацию своих красивых изданий.

Проьба моя, позволить ответить автору чертовой «Дюжины», осталась без удовлетворения. Хотя и просил-то всего три

строки. Заголовок рекламной газеты гласил: «Ответ на критику издательской деятельности фонда...». Тот, кто придумал это имя, не понимал, что критиковать можно то, что есть. Ибо на этой же странице помещался отчет о деятельности фонда.

В нем было все: изготовление медалей, премия имени великого компилятора Дунина-Горкавича, формирование библиотек разного уровня. Правда, не акцентировалось, делается это на бесплатной или возмездной основе. Народ-то по-разному трактует эту деятельность фонда с очень лихим названием. К тому же в отчете не упоминается, откуда берутся деньги на книги, которые потом двигаются в разные учреждения, чаще в библиотеки. Да и вообще, каким дождем проливаются эти книги на нас? Среди уставной деятельности фонда издательская не значится. Что бы это значило?

Да только то, что человек разумный никогда бы не стал критиковать явление, которого нет. Вот и я, считая, что являюсь родственником некоего *homo sapiens*'а, не мог посвящать статьи тому, что еще не случилось. Фантастика как и фэнтези — не почитаема мной. Я только рассматривал продукцию, на которой впечатано имя издателя А.

Правда, за меня пыталась заступиться Клеопатра. Ей совсем не понравилось, что из ее публикации выдернуты фразы из статей о «клеточке в полосочку». Самым тяжким обвинением, предъявленным ей «Дюжиной», казалось то, что она не понимает разницу между трусами и шортами.

Клеопатра уверена, что автор не прав. Но это ее опыт.

Ну, суеты вокруг клетчатых трусов в стопятидесятистрочной заметке было столь много, что автор не выдержал и проговорился, что я не интересен ему и его сообществу не только в трусах, но и без...

Красное словцо иногда очень точно метит говорящего. Так считают психоаналитики...

Ну, а танцору, которому что-то мешает, всегда готовы помочь москвичи. Им за деньги никогда и ничто не мешает. Ради них они готовы даже славой поделиться.

Только в названии-то фонда есть чудное слово, предполагающее возрождение провинциального городка, уровень умствен-

ного развития которого поставлен на колени условиями вчерашней, а еще более усилиями современной жизни. Хорошо, если экспансия внешних сил поможет выйти из создавшегося тупика до того, как закончатся деньги у заказчика...

Год, который обозначен на обложке этой стенгазеты, выдался на редкость удачным на события. Их было много. Они были разные. Но одно я понял, и, кстати, не в первый раз: на халяву сыр даже в рекламной мышеловке выглядит давно подозрительно. Но отказаться положить его себе в рот редко кто позволяет.

И еще.

Практически все ссоры, которые произошли в тот и последующий год, случились из-за денег.

Особенно грустная история, что расстались насовсем из-за денежных разборок с художником К.

А вот с А. и В. у нас возникли идейные разногласия.

Но А. и В. остались на трубе.

Грустного ничего нет. Придется свое имя опустить вниз, под текст данной публикации.

Приходит в голову по этому поводу лишь строчка Роберта Рождественского: «Похудела моя книжица, где канат, там теперь ниточка... Дело к осени, дело к осени».

Ю. Мандрика

P.S. У меня есть знакомый писатель, который каждый свой роман начинает с эпиграфа. Мол, все герои и события вымышлены, а если кто-то себя узнал, то произошло это совсем-совсем случайно.

Не смею изменять сложившейся в сегодняшней литературной традиции...

Материалы к биографии Виктора Федоровича Костюрина

Письма Костюрина В.Ф. Богучарскому¹ Василию Яковлевичу

I

25 сентября 1893 года

Тобольск

Вы, должно быть, отчаялись уже получить от меня весточку?! Произошло это от довольно нелепого обстоятельства — по дороге из Иркутска² вылетел я из телеги на откос дороги (кони понесли), и вывихнул себе правую руку в плече с переломом хряща. Вставляли мне руку три раза — по дороге, сейчас же после вывиха, затем в Тюмени и, наконец, здесь, и все неудачно. Здесь, например, ее вставили на полвершка впереди ее нормального положения, потому что на своем месте она будто бы не могла бы держаться.

Теперь я ее с большим трудом поднимаю до горизонтально-го положения, выше поднять не могу; о силе, конечно, нечего и поминать, слава богу, что хоть писать можно, хотя устаю еще пока довольно скоро, и, что довольно курьезно, устает не вывихнутая рука, а начинается какая-то тянущая боль вдоль левой лопатки, т.е. на неповрежденной половине спины.

Вообще, довольно неприятная история. Пока у меня никаких определенных планов устройства еще нет. Не знаю, виделись ли Вы уже с одной барышней, которую я просил повидаться с Вами, так как она должна была быть и в Ваших краях? У меня есть кой-что интересное сообщить Вам, но для этого я должен знать, где Вы или хоть дойдет ли мое письмо до Вас? Я слышал, Вы все вояжируете. Пишите пока прямо на мой адрес и отвечайте немедленно.

Это мне нужно вот для чего — тут, пожалуй, явится возможность стать собственником газеты, это еще не наверно, но очень

возможно. Как Вы к этому относитесь? И очень дешево эта история будет стоить, если состоится.

Чтобы ее устроить, мне нужно будет достать еще столько же, сколько я Вам должен, а потому Вы позволите ли не торопиться с возвращением Вам долга, во-первых, и не поможете ли еще достать денег, если газету можно будет приобрести. Будет очень жаль, если Вы отнесетесь отрицательно к этой затее только потому, что это газета сибирская, во всяком случае, отвечайте немедленно. Сейчас газета издается «в убыток»³, но, по-моему, это от неумелого ведения дела... Ну, да подробнее я Вам напишу, когда получу от Вас ответ на это письмо, а пока крепко жму Вашу руку.

Костюрин.

Хотел было я проситься в Казань в клинику, чтоб вправить руку на настоящее место, да кто его знает, возможно ли это теперь, а бросить сотню руб. задаром, за удовольствие переехать Уральский хребет как-то не хочется. Собираюсь, впрочем, списаться с казанским профессором хирургии. Пишите же.

II

Тобольск

30 июля 1897

Василий Яковлевич! Простите, что не ответил моментально на Ваше письмо. Мне хотелось Вам обстоятельно указать на те вопросы, которые трактовались в «Сиб. листке» и по которым желательно было бы, как говорится, «шум произвести», но так как к июлю мы решили отпечатать список статей, помещенных за последний год — время, которое «Сиб. лист.» в наших руках⁴, то я отложил письмо, а потом расхворался и сейчас еще еле сижу. Кстати, пожалуйста, не думайте, что я прошу Вас говорить о вопросах, затронутых в статьях «Сиб. листка», в том же смысле, как о них говорится в «С. л.». Наоборот, не стесняйтесь, это даже будет специальная просьба к Вам. Я не совсем согласен с Вами относительно тех благ, которые принесет с собой капитализм России, можно даже сказать больше, я и вообще-то не сторонник коммунизма — этого последнего слова капитализма... но это уже область веры и симпатий — социология еще слишком мало научно обоснована для того, чтобы можно было говорить о научной объективности, да и элемент субъективного не

может быть исключен при рассмотрении и исследовании этой области. Да это [и] не важно для нас с Вами в данном случае. Я Вам посылаю свою статейку «Морской путь и дешевый хлеб», где собраны сибирские философствования на эту тему, между прочим выдержки из статьи И.И. Майнова⁵ в «Восточном обозрении»⁶ — это для Вас благодатная тема, а я был бы Вам очень обязан, если бы по поводу вопросов, затронутых в этой статье, Вы высказались бы с своей точки зрения. Пожалуйста, не считайте меня народником в шаблонно-литературном смысле этого слова, я лишь солидарен с ними, поскольку они стоят за автономию общины и индивидуальность или, вернее, субъективное начало, — я прекрасно знаю, что за фикция наша теперешняя «община», знаю весь ужас положения «человеческого стада», которое представляет собой наше крестьянство... Но ведь всех вывариться в фабричном котле не заставишь, да и самая эта выварка нашими «фабрикантами» представляет так же мало утешительного, как и отдельная идиллия из жизни крестьянства. И.И. Майнов задает интересный вопрос сторонникам капитализма: что делать в такой стране, как Россия, и тем более в Сибири, ведь капиталистическое производство почти отсутствует, а масса живет земледельческим трудом. Вы в своей статье разобрали все элементы «общественности» и пришли к пессимистическому заключению, из которого *не всякий* сделает тот вывод, к которому Вы клоните... Конечно, русский читатель привык читать между строк, но я думаю, что после 70–80-х годов эта привычка утратилась: вещи назывались их собственными именами, если не в журнальных статьях, то в газетных отчетах судебных процессов, и вряд ли язык недомолвок будет иметь успех. Я говорю это не потому только, что смотрю на вещи более оптимистически, чем Вы в своей статье. Я верю в интеллигенцию — все равно, работает ли она на фабрике или в деревне, и придаю большее значение работе в целях общего подъема, сравнительно с частным, в какой бы сфере это ни происходило.

О Вашей статье и вообще о наших российских марксистах я собираюсь написать статейку в «Сиб. листке», если пропустит цензура; если же не пропустит, я Вам пришлю как материал для полемики. Я за свободу слова, а потому в претензии не буду, в

какой бы форме Вы ни вздумали говорить о тех вопросах, какие Вам придется затронуть.

На днях я получил разрешение съездить на полтора месяца в Кишинев на свидание с матерью, было бы очень хорошо, если бы могли повидаться — напишите, как это устроить, на мой адрес в Кишинев, или еще лучше так: Агафье Андреевне Костюриной, Кишинев, Георгиевская ул., собств. дом. Вероятно, в половине июля я уже выеду и поеду через Курск, так как хочу видеться с Брешковской⁷, которая будет там жить у Белоконского, — на обратном пути я мог бы поехать через Воронеж.

Теперь постараюсь удовлетворить Ваше любопытство насчет якутских дагоров. Об участниках сибиряковской экспедиции Вы, вероятно, знаете по «Восточному обозрению». Начну с И.И. Майнова — он в Иркутске, женился еще в Якутске на одной из Соловьевых, должен был получить место в городской думе; Софья Наумовна <...> тоже в Иркутске; про смерть <1 нарзб> Вы, вероятно, знаете; Войнаровский живет на Чуранче; Ковалич где-то, кажется, на приисках, вообще был недавно в <...> округе; Роза Федоровна и Якубович живут в Кургане, Якубович под псевдонимом Гриневич сотрудничает в «Русск. Богатстве» и «Степном крае»⁸; в Кургане же живет Гоц с женой; Осмоловский живет в Якутске, женился, обзавелся брюшком, занимается в статистическом комитете; Ястремский в Иркутске, Стефанович приписался было в иркутские мещане, но затем его заставили переписаться в Балаганск. В Якутске же теперь Грабовский, приехал туда из Вилюйска; знавали ли Вы Бычкова — рекомендую Вашему благосклонному вниманию его корреспонденции из Якутска в «Сибирском листке», у меня с ним постоянная и сравнительно регулярная переписка. С остальными из перечисленных если и была, то прекратилась — якутяне стали народом практичным, а так как «Сиб. листок» ничего платить не может, то переписка оборвалась на обещаниях «что-нибудь написать». Ефремов в Якутске и, как пишут, сильно страдает глазами. Я сам в прошлом году едва оправился от воспаления роговой оболочки и не могу теперь долго работать вечерами, к моему крайнему прискорбию; теперь же меня одолела — стыдно сказать — холодина, вообще дает себя знать вселая жизнь, которую приходилось вести.

Бывает ведь так, что самых интересных вещей и не сообщишь, а потому спрашивайте в разбивку — что и о ком?

Я уже в Тобольске скоро 3 года, сначала участвовал в «Сиб. листке», потом рассорился с редакцией и сотрудничал в «Сибирском вестнике»⁹ и «Степном крае», год тому назад «Сибирск. листок» приобрел мой протезе, приняв меня в $\frac{1}{6}$, но, к сожалению, глаза мне не позволяют работать столько, сколько хотелось бы, не говоря об узости программы и цензуре, но я стою за подъем местной жизни, а потому и считаю, что все-таки это работа, так сказать, «для души». Корреспондирую еще в «Русские ведомости», но там мою философию о сибирских делах обрубают топором. Одно время я пытался попасть в какой-нибудь толстый журнал — у меня был интересный материал о положении переселенцев в пути и их мытарствах, статья была составлена на основании материалов, добытых у <...> и фельдшерц, но статья моя кочевала из «Вестника Европы» в «Русск. богатство», «Мир божий», «Неделю», наконец прислал и в Ваше «Новое слово», но еще в бытность Кривенки, где ее продержали более года и вернули, на этом пока мои попытки проникнуть в толстые журналы и покончились. Собираюсь все попробовать еще.

III

Тобольск

5 ноября 1897 года

Василий Яковлевич! Вряд ли Вы с достаточным интересом следите за «Стенным краем» и нашим «Сибирским листком», а потому позволю себе обратиться Ваше благосклонное внимание, выражаясь высоким слогом, на те статьи, которые касаются Курганского сельскохозяйственного общества. Дело в том, что это общество является в своем роде ласточкой земской самостоятельности — это, во-первых, во-вторых, в нем есть свои «народники» и «марксисты», следовательно, для Вас небезынтересна будет их борьба за влияние на ход дел общества.

Я Вам прилагаю корректурный оттиск моей заметки в «Сиб. листке», так как боюсь, что номер, если бы я его послал, у Вас затерялся бы, а мне хочется, чтобы у Вас был повод коснуться некоторых вопросов, о которых мы с Вами летом говорили. «Листок» — подцензурная газетка, имеющая дело с цензором — по-

клонником «Московских ведомостей» и Грингмута¹⁰, а потому приходилось говорить сдержанно и не договаривать о разнице во взглядах *современных* «народников» и тех, которые «в народ ходили», — последние применяли Шульце-Деличевские пластыри лишь в виде рычага воздействия, тогда как современные видят в них само по себе целесообразное средство <...>, отвечающее потребностям жизни. Об этой разнице есть прекрасное место в одной из статей того сборника, который я видел у Вас.

Затем ответьте на вопрос, поставленный в конце заметки от лица «маленьких людей»: что делать интеллигентным людям практики в таком частном вопросе, как вопрос о маслоделии в Тобольской губернии... Я ставил этот вопрос, имея в виду, между прочим, и наш спор с Вами о неясности того Вашего обозрения, которое имело эпиграфом: «не плакать и не смеяться, а понимать надо».

Вообще у меня к Вам просьба, конечно, если это Вас не будет очень отвлекать от намеченных Вами для себя вопросов, высказаться по поводу курганских дел, именно сельскохозяйственного общества (хотя там и в обществе попечения о начальном образовании идет та же борьба).

Я Вам пришлю все протоколы с.х. общества и те номера «Сибирского листка», в которых трактуется о делах общества, а номера «Степного края» Вы подберете уже сами, тогда у вас будут все материалы в руках. Вы, вероятно, знаете, что Гриневич, выдержки из которого я привожу, это Якубович.

То обстоятельство, что моя переписка (письма ко мне) взяты под цензуру, связало мне руки по вопросу об объединении сторонников частной инициативы в общественных делах. Приходится отложить до прекращения гласного надзора, т.е. ровно на год, до декабря будущего года, когда я получу право въезда в Россию. До тех пор приходится ограничиваться «Сибирским листком», т.е. топтаться на одном месте, так как даже невинную статейку о необходимости общественной самодеятельности в целях более широкой постановки внешкольного образования цензор не пропустил, потому что там был совет нашим сибирским обществам попечения о начальном образовании одновременно возбудить ходатайство о разрешении в Томске съезда представителей таких обществ.

Виктор Федорович Костюрин. 1880-е гг.

(ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 783. Л. 2)

Всего хорошего. Крепко жму руку. Если вздумаете писать, пишите на адрес Марии Николаевны. Поклон Вашей жене.

Виктор Костюрин

IV

Тобольск

12 января 1898 года

Василий Яковлевич! Надеюсь, что на этот раз Вы найдете свободную минуту и черкнете мне хотя несколько строчек. С меня опять сняли цензуру жандармского управления, прежде чем я собрался жаловаться в Питер на такое нарушение «моих прав»! На каком основании это практиковалось одно время, я так и не дознался, а жаловаться, когда сняли... плевать, не стоит!

Вы себе можете представить, как я был огорчен, когда узнал о закрытии «Нового слова», неужто марксисты не найдут другого пристанища?! Что было формальным поводом для закрытия, не знаете ли? Мне это очень интересно. У нас в Сибири тоже случилась печальная история, несколько аналогичная. «Степной край» неизвестно теперь в чьи руки попадет, так как его бывшая редакция не поладила с издателем и вынуждена оставить газету.

Почему Вы так скоро из Москвы выехали обратно в Воронеж? Мне тоже интересно.

Вообще, урвите время и мне обстоятельно опишите Ваши планы, я было на Вас большие надежды возлагал, думал, что в «Новом слове» и вообще через Вас в Москве можно будет найти пристанище для таких вещей, которые наша цензура не пропускает. Вот и сейчас пишу Вам под свежим впечатлением не пропуска двух статей: одна — вымогательство священника и волостного писаря со старообрядцев, вымогательство до того возмутительное, что даже заседатель, подумайте, сибирский полицейский заседатель, нашел нужным поставить на вид батюшке, что не его дело принимать на себя полицейские обязанности, а волостному писарю запретил впредь поддерживать в таких случаях батюшку. Это, конечно, отголосок казанского миссионерского съезда, но к кому и куда обратиться с просьбой напечатать окончание «истории одного протокола», которая была помещена в № 3 «Сиб. листка» за этот год. Другая — это корреспонденция из Якутска, что там порют ре-

алистов «за побег в Америку» и учеников церковно-приходской миссионерской школы за педерастию. В мис. школе порол сам учитель собственноручно и сами же, негодяи такие, укладывают мальчиков по двое спать в кровать. Я не говорю уже о златоустовской истории, которую наш цензор не пропустил, несмотря на то, что в «Степном крае» она была помещена в гораздо более резкой форме, чем проектировалось нами поместить, и где описывалось лояльное поведение рабочих, но господин цензор нашел, что «это пахнет описанием стачки».

Петербургская «Сибирь»¹¹ после двух предостережений при- смирела, и обращаться туда почти бесполезно, так как несколько вещей не было помещено, несмотря на их относительную невинность. Зато у меня скоро в руках будут данные о маленьких пополизгах Тобольской губернии — крестьянских чиновниках, за время их существования, что-то около пяти лет всего, уже 10 из них попались в растраты мирских сумм. А «Сибирь»- то их превозносит!

Благодаря казусу с моей перепиской, а затем моей работе по больнице я не мог взяться за осуществление того плана, о котором я Вам говорил, насчет объединения сторонников частной инициативы в общественных делах, а теперь хочу этим заняться, если ничто не помешает. Удостоите внимания мою заметку о стихах Якубовича в № 1 «Сибирского листка» за п.г. Это начало.

Следите ли Вы за сибирскими газетами? Про участников сибиряковской экспедиции и результатах их работы попадают- ся довольно разноречивые отзывы, не знаешь — чему верить. Отпечатана уже, вероятно, программа предполагаемого издания.

У нас в Тобольске пошли в ход общедоступные развлечения — спектакли, народные балы. Конечно, «народный» здесь слово относительное, но наполовину тут действительно участвует при- слуга городская, наполовину мелкая чиновная и торговая сошка. Само собой, что для Lumpproletariat тут места нет. В каторжных тюрьмах, арестантском отделении и тюремном замке ведутся чтения — вообще тоболяки, можно сказать, не отстают от всех, и устраи- вает это — кто Вы думаете? — средний обыватель.

Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Виктор Костюрин.

Поклон Вашей жене. Если Вам некогда, может быть, она захочет за Вас написать, а Вы припишете: «к сему руку приложил».

V

Тобольск

30 января 1898 г.

Василий Яковлевич! Вы себе представить не можете, до чего мне жаль, что Ваша статья по поводу «Морского пути и всех иных вопросов» с эпиграфом «Amicus Plato sed magis amica veritas est»* не увидит света. Это положило бы начало разбора практических программ на страницах большой прессы и дало бы мне возможность высказаться яснее по поводу «маленьких дел» и «маленьких людей». Я прекрасно знаю всю цену культуртрегерства, и мы с Вами в Валуях сошлись в оценке значения «общественной гимнастики», разница между нами — Вами и мной — та, что Вы стоите за концентрацию интеллигентных сил в городе, где, по-Вашему, готовая аудитория, понимающая распереезоповский язык, а я говорю, что не все могут жить там, где это нужно, а живут там, где им можно жить хлеба насущного ради, и что это обстоятельство нисколько не дает им права оставаться в роли созерцателей и держаться политики абсентеизма, блюдя опыт весталок и сохраняя свое целомудрие из боязни обратиться в культуртрегеров... Это последнее — слабая сторона современного марксизма, прикрывающая очень часто совсем некрасивые вещи. Пока марксизм далек от практического осуществления коммунистических форм жизни (я их антагонист), я отношусь к марксизму с большим уважением и сочувствием как к форме протеста против существующего режима и настаиваю лишь на одном, чтобы *слово* не расходилось с *делом*, отсюда вытекает требование не ставить широких, не выполнимых программ деятельности. Конечные идеалы — это одно, ближайшая практическая программа — совсем другое. Эта последняя должна быть по плечу среднему российскому человеку, отсюда речь о необходимости объединения «маленьких дел», о развитии чувства самосознания и солидарности у «маленьких людей» и призыв к ним «держите знамя выше!».

* Платон мне друг, но истина еще больший друг.

Вы мне говорите о классовом самосознании, о фазах европейского развития... Как же Вы не видите, что я-то именно хочу выдвинуть ту фазу, которую Западная Европа прошла и которую мы еще не закончили — разночинцы 60-х годов, «маленькие люди», как я говорю — ведь это то tiers etet*, которое лишь потом раскололось на 3-е и 4-е сословие — буржуазию и рабочих, а Вы меня попрекаете в иллюзиях молодости. Нам еще до этого раскола и дифференциации далеко, и без надобности расчленять эти протестантские элементы совсем *непрактично*.

Я прекрасно знаю, что П.Я. не поэт «маленьких дел»¹² и «маленьких людей», и очень жаль, что он не умеет стать их поэтом в смысле вождя, который бы им сказал, как говорил Мирабо, «les grands ne nous <...> grands <...>!»¹³ — а он боится, что, воспевая невзгоды «маленьких людей» и призывая их к более энергичной борьбе с жизненными взгодами, он сам станет «маленьким». Нехорошо так плохо верить в себя!

Если б Вы знали, как он опрокинулся на меня за мое приглашение спуститься к доле «маленьких людей!» — разделал меня под орех. На каком основании я говорю от лица «семидесятников», или я стал культуругером? — задает он мне вопрос. Мне смешны такие запросы, я уже не от одного юноши (сравнительно, конечно) слышал такие запросы и хочу иллюстрировать свой ответ о праве так говорить от лица семидесятников указанием на то, *что делают* уцелевшие семидесятники. У меня был целый план — дожидаться Вашей статьи и потом через Вас просить «Новое слово» дать мне возможность высказаться с перечислением по именам всех выдающихся участников бывших политических процессов 70-х годов. Увы! Теперь остались одни святоши и ханжи «Русского богатства», и говорить правду долго еще негде будет.

Говорят, Ваши сотрудники по «Новому слову» перекочевали в «Мир Божий», правда ли это? Вообще, отчего бы не купить захудалый какой журнальчик и снова на сцену? В былое время не жалели своих голов, неужели теперь даже денег жалеют?!

А насчет своего права говорить о «маленьких людях» и «маленьких делах» от лица семидесятников я еще попробую у себя в «Сибирском листке». Кстати, теперь для Вас та статья — поте-

* (Фр.) третье сословие.

рянная вещь, если Вы ничего не имеете против, пришлите ее мне для помещения в «Сиб. листке», я Вам оттиски пришлю штук 50. Домашней цензуры не будет вовсе, поэтому Вы ее сами еще раз просмотрите и смягчите, если она может не улезть в рамки. Хотя я сомневаюсь, чтобы цензура была придирчива по отношению к таким вещам. Право, пришлите, попробуем поместить.

Вы теперь сотрудничаете в «Вестнике воспитания» — утилизируйте, пожалуйста, не пропущенную у нас корреспонденцию об Якутской* миссионерской школе. Кроме того, я посылаю Вам еще статейку свою «Современная школа с точки зрения самих учащихся» — по миновании в ней надобности Вы мне верните эти номера «Сиб. листка». За эту статейку «Листок» получил выговор от департамента печати за дневник семинариста, так вот Вы его и воспроизведите. Что ж даром-то нахлобучки получать.

Крепко жму руку *Виктор Костюрин*.

Раз уж Вы взялись писать в «Вестник воспитания», позвольте Вам доставить материал «Сиб. листка» по школьному вопросу. Есть очень интересные стороны в нем — пора повести атаку на самую постановку вообще этого вопроса. Не горюйте, что Вы не педагог, тем лучше. Вы не связаны профессиональными путями и обычной для всей профессии близорукостью. Разбирайте все вопросы с точки зрения — минимум затраты труда и времени и максимум результатов. Вот оселок для всех школьных вопросов.

VI

Тобольск

31 марта 1898 г.

Василий Яковлевич! Как Вы уже, конечно, знаете, Ваша статья почти совсем благополучно миновала все возможные препоны цензуры, вылетело лишь место об «очередной рубашке»... И то потому, что начало статьи попало к одному цензору, а конец к другому. Первый цензор — коренной сибиряк, и потому счел это, должно быть, слишком позорным для «сибирского чиновника». Я же торопился при нем поместить статью из боязни,

* Не упоминайте, что эта корреспонденция не пропущена у нас, а просто будто Вы ее получили и конец; главное — не упоминайте, что у Вас корректурный оттиск, чтоб не отвечать типографии.

что другой цензор, о котором я Вам несколько анекдотов передавал, узрит «тенденцию» в Вашей статье и не пропустит, и представьте себе мое удивление, когда я узнал, что наша «рязянская дубина»¹⁴ не только не узрела тенденции, но даже пришла в восторг от Вашей статьи, между прочим и потому, что статья направлена и *против меня*, причем Вы ко мне отнеслись «так презрительно, что с ним не стоит и полемизировать». Пользуйтесь психологией нашего цензора, если будет у Вас когда-нибудь охота полемизировать, в случае «Восточное обозрение» будет Вам оппонировать. Сегодня пишу И.И. Майнову, чтобы он обратил внимание на Вашу статью. Что касается лично меня, то я написал маленькую статеечку, участь которой должна решиться сегодня, не по поводу Вашей статьи, а по поводу современных божков молодежи <... > Сороковского и Струве и вообще победоносного тона марксистов.

Я вам пришлю отдельные оттиски этой заметки, если она пройдет, и просил бы Вас отвечать, если Вы найдете это нужным, не в «Сиб. листке», а где-нибудь в питерском журнале. К «Миру Божьему», напр. Вы в каких отношениях? Видите ли, очень уж у «Сибирского листка» ограниченный круг читателей, а мне хотелось бы затронутые вопросы пустить в публику. Право, меня иной раз подмывает послать как Вашу статью, так и мой ответ в «Гражданин», «Московские ведомости» и т.п. органы, с которыми «Сибирский листок» не обменивается, отчасти по нежеланию Суханова¹⁵ подавать повод для криков «отечество в опасности» по поводу статеек, которые иногда проскальзывают в «С. листке», но не знаю, удобно ли это делать, так как в самом деле кроме мыльного пузыря из этого может ничего и не выйти.

Вам будет выслано 50 оттисков — я не знал, нужно ли Вам будет больше. Если пройдет моя заметка, я Вам пошлю штук 10 своих оттисков, и Вы разошлете их вместе с Вашей статьей таким людям, которые *обязательно* выскажутся по поводу затронутых вопросов, как Вами, так и мной. Можно ведь и попросить о том, чтобы это сделали. Я не буду в претензии, если со мной марксисты не будут церемониться; я уже Вам говорил — я за свободу слова, только Вы мне пришлите, что написано будет, или попросите переслать. Я думаю, что на высказанные Вам

мною мнения люди, которым придется о них говорить, могут смотреть как на выражения мнений крайней левой [части] марксистов и народников, настолько их мнения могут быть сформулированы в подцензурной провинциальной прессе.

Мне хотелось бы поговорить детально по поводу Вашей статьи, но ведь это придется раскрывать Ваши карты, быть может, больше, чем Вы желаете, а это может повести к тому, что Ваш псевдоним потом станет «на замечании». Чистое горе — ведь рекомендация развивать классовое самосознание рабочих — ведь это своего рода приглашение «на фабрику!», как в былое время было приглашение «в народ!», а если подробнее изложить, что значит «может вместить да вместит», то ведь на меня громы небесные обрушатся за такую расстановку точек над *i*, и Вы первый, пожалуй, скажете, что это бестактность. Напустился вот же недавно на меня Якубович, когда я его спросил: «Было ли бы Вам неприятно очень, если я раскрыл инициалы Вашей книжки?» Вот почему я и не знаю, как быть, и решил, что свой разбор Ваших положений пошлю Вам на цензуру, рассчитывая на такую же широкую терпимость к *выражению* мнений, какой держался «Сибирский листок» по отношению к Вашим мнениям. Вы потом пишете опровержение, мы поместим рядом или друг за другом статьи эти. Ведь между мной и Вами разница собственно во взглядах — на кого опираться можно, а до осуществления отдаленных идеалов, в которых мы, может быть, и не сходимся, еще очень далеко. Во всяком случае, после того, как Вы просмотрите и найдете, что в таком виде можно трактовать практические приемы деятельности, я буду совершенно спокоен, что бы из этого потом ни вышло.

3 апреля

Доканчиваю Вам только сегодня уже письмо. Цензор мой ответ пропустил. Как бы Вы к нему ни отнеслись, я думаю, что Вы согласитесь со мной в том, что необходимо вернуть наше «общество» к высоте политического понимания самого конца 70-х годов и начала 80-х и к той степени интенсивности желания получить конституцию, какая тогда была. Наше общество, напуганное начавшейся реакцией, «страха ради иудейска», как Петр от Христа, отсеклось от солидарности с «народниками»,

действовавшими тогда; у представителей этого общества не хватило даже храбрости заявить, что, не будучи солидарны с народолюбцами во взглядах на практические приемы расширения рамок общественной самодеятельности, они, тем не менее, стоят за расширение рамок общественной самодеятельности. На этом пункте движение семидесятых годов остановилось, с этого пункта надо его и продолжать. На такой точке зрения можно объединить всех. Как и кто будет продолжать — это дело вкуса, симпатий и возможности. Я бы, напр., советовал всем нам, ожесточившимся на нелегальной деятельности, удерживать других от нелегальной деятельности — ее сфера всегда останется очень узка и ограничена, а жертв, и жертв напрасных, будет очень много, и опять выплывут на сцену вопросы — стоит ли игра свеч, а главное — пойдет опять ренегатство, «страх иудейский», размен на мелкую монету, а борьба в застенках — кому она нужна?

Василий Яковлевич, Вы, человек, изучавший военную тактику, Вы должны бы хорошо понимать, к чему ведут кавалерийские прогулки Гурко. Плевна, только одна Плевна! «Больной человек» не так дряхл, как это говорится в пользу памфлетического красноречия, и пора смотреть прямо в глаза вещам.

Кренко жму руку *Виктор Костюрин*.

VII

Тобольск

22 января 1899 г.

Милейший Василий Яковлевич! Само собой разумеется, что сердиться я и не думал, не писал долго лишь потому, что просто не мог урвать времени для обстоятельной беседы с Вами, а хотелось о многом поговорить. Начать с того, что все мои мизантропические размышления о целесообразности газетной провинциальной работы кончились тем, что я купил «Сибирский листок» у Суханова совсем. Уже послано в Главное управление по делам печати ходатайство об утверждении редактором-издателем врача Покровского¹⁶, местного помощника врачебного инспектора, так как наш губернатор сказал мне, что о расширении программы он будет хлопотать лишь в том случае, если представителем «Сибирского листка» будет человек, за которого он со спокойным сердцем сможет написать в Главное управление по делам

печати. Я просил его, нельзя ли возбудить ходатайство об утверждении Марии Николаевны издателем-редактором, он обещал это сделать, если из департамента полиции его частным образом известят, что это возможно. Во всяком случае, Мария Николаевна поедет в Питер хлопотать об утверждении ее хотя бы соиздательницей, не едет сейчас лишь потому, что у нас дома целый лазарет — все три девчурки лежали с корью, затем пошли какие-то осложнения — у одной что-то с ушами, у другой нефрит... С 4 декабря нам с Марией Николаевной приходилось спать по 2–3 часа в сутки. Это и причина, почему я Вам долго не писал. От Вас никаких писем не получал, иначе тотчас же ответил бы хоть несколько строк. Вы спрашиваете, почему нет статей на общие темы? Отчасти потому, что цензоры стали накладывать veto, получив выговор за статью о Карпове и экономическом материализме, отчасти потому, что некому их было писать.

Я от души рад, что возрождается из пепла «Новое слово», и еще более рад, что Вы получите в свои руки провинциальный отдел. Наша цензура часто уродует лучшие вещи — я их стану Вам посылать, а то, знаете, порой просто в отчаяние приходишь — кому нужна эта манная кашка, которая остается от сокращений и урезок цензуры.

На сегодня будет с Вас. Кланяется Вам Мария Николаевна. Крепко жму Вашу руку *Виктор Костюрин*.

VIII

Тобольск

9 октября 1905 г.

Милейший Василий Яковлевич! Я так давно от Вас никаких вестей не имею и Вам не писал, что не знаю, с чего и начать теперь писать.

Начну прямо с сегодняшнего дня... Получил приглашение от «Организационного бюро» конституционалистов-демократов устроить местное совещание, из единомышленников избрать трех представителей на съезд, который должен состояться в Москве 12–15 октября. Вы, вероятно, видели такие приглашения у себя в Питере.

Как вы все, столичные жители, где, по образному выражению одного студента-тоболяка, студенчество, интеллигенция и

пролетариат «штурмом взяли» право политических митингов, представляете себе возможность устройства такого совещания в захолустье вроде Тобольска, где за прочтение на литературном вечере на «bis» стихотворения Якубовича «Последняя жертва» составляется на чтеца полицейский протокол, а цензура из местной газеты вычеркивает сообщение, что NN прочел это стихотворение (без упоминания о полицейском протоколе); в захолустье, где не только о государственной думе, но даже о земстве не пропускается в местной газете ни одной строки, а в думе снимается уже допущенное разрешение обсуждения вопроса о земстве на том основании, что «указ от 18 февраля отменен, и теперь, слава богу, все эти глупости кончились»; в захолустье, где интеллигенция — сплошь люди двадцатого числа, которые покорно подчиняются запрещению какого-нибудь кретина «разговаривать в его присутствии о политике». Я мог бы еще продолжить эту характеристику, но ведь таких захолуствий на святой Руси немало, и Вы о них тоже хоть маленькое представление, да имеете. Заговорил же я об этих условиях вот к чему. Черкните мне пару слов, в какой из питерских газет Вы принимаете участие и можно ли через Вас или по Вашей рекомендации направлять сообщения о тобольской жизни. При этом у меня две цели: одна — хотя какую-нибудь возможность заполучить опубликовывать благоглупости наших сатрапов, а другая — в Питере учиться на с-хоз. курсах моя дочь, и мне хотелось бы, чтобы у ней были на руках хоть небольшие деньги, если бы за корреспонденции что-нибудь платили.

Теперь вернусь опять к полученному приглашению. Очевидно, в Москве плохо знакомы с сибирскими расстояниями и приглашают за три дня до срока, когда езды туда 9 дней... Я объясняю себе это тем, что и сами приглашавшие довольно безнадежно смотрят на такие захолустья, как Тобольск. Меня все-таки занимает это бюро, и я хотел еще после агентской телеграммы о нем просить Вас сообщить, как можно войти в сношение с этим бюро... Для такого захолустья, как наш смиренный Тобольск, было бы уже крупным шагом вперед, если бы удалось уговорить хоть небольшую группу лиц примкнуть открыто к этому бюро... Я хотел этому бюро поставить вопрос: каким легальным путем,

думают они, можно добиться для местной газеты какого-нибудь захолустья выставить их программу, если она будет допущена в столичных газетах, а местная цензура, как у нас в Тобольске, напр., не допускает даже упоминания слов «всеобщее избирательное право».

Ведь «Организационное бюро», казалось бы мне, должно быть заинтересовано таким вопросом о *легальной* поддержке своих союзников, потому что бить стекло и всякие дебоши производить вряд ли может входить в программу организации, которая *намерена открыто выступить на путь гласной политической деятельности*, как заявляет об этом организационное бюро.

Ни мне, ни кому другому из тоболяков на съезд конституционалистов-демократов попасть не придется, но в Тобольске можно все-таки найти десяток-другой лиц разных положений и профессий, которые готовы будут открыто примкнуть к этой партии, если она выступит на путь гласной политической деятельности, и предполагая, что и народнические идеалы семидесятых годов нашли бы себе место в этой партии. «Сибирский листок» также стал бы поддерживать эту партию, если бы удалось каким-нибудь путем обуздать местную цензуру.

Мне кажется, организационному бюро следовало бы ввести в программу совещания вопрос об юридической помощи местным газетам в их борьбе с цензурой...

Вы снисходительно улыбнетесь... я не обижаюсь, а все-таки прошу: если Вы знакомы с кем-нибудь из состава этого бюро, то предложите его благосклонному вниманию этот вопрос или укажите мне, кто из них больше всего интересуется отношением провинции к их программе, я спишусь с ним сам.

Другая просьба — знакомы ли Вы с кем-нибудь из Крестьянского союза, программа которого была напечатана в «Руси»? Эту программу очень усердно распространял «Курганский отдел Московского с. хоз. общества», но одно дело программа и другое дело — связь с живыми людьми, — не можете ли Вы познакомить меня заочно с кем-нибудь из членов этого союза — во-первых, при малейшем ослаблении цензурного гнета я хочу в «Сибирском листке» программу этого союза проводить, а во-вторых, было бы желательно, чтобы к нам кто-нибудь в То-

больскую губернию заглянул; здесь этот союз найдет благодарную почву, потому что сибирский крестьянин эту программу и без того исповедует, только до сих пор не знает, что он говорит прозой.

Если найдется такой охотник к нам в губернию прокатиться, сообщите, дам адреса всех толковых крестьян, которых сам знаю, и укажу, от кого, в каких уездах можно получить сведения о тех, кого я не знаю.

В заключение новости из «Мертвого дома» — только обо мне, передавая эти новости, *никому* не сообщайте; при этом условии Вы их будете и далее получать.

Здесь, в Тобольске, две каторжные тюрьмы. Недавно сюда привели 12 чел. политических, среди них покушавшиеся на убийство одесского градоначальника Нойгардта (осуждены один на 6 лет, другой на 8) и несколько военных за распространение среди солдат прокламаций, осуждены еще во времена Плевако; это вопиющая юридическая несправедливость, я Вам на днях пришлю подробности. Готовится какая-то куца амнистия, и эти «военные» могут быть случайно позабыты, необходимо заставить говорить о них, и Вы подымите вопрос о пересмотре их дела, когда получите подробности.

Ждут сюда человек 80 матросов с «Потемкина» и других мест. Слышали ли Вы, что в Москве одного из либавских матросов Асеева выпороли за то, что тот не снял шапки пред смотрителем тюрьмы? У нас теперь столько крови проливается и жестокостей делается, что такие вещи, может быть, в большинстве публики считаются уже пустяками, но ведь это хуже смерти, и гг. либералам, быть может, не запретят кричать об этом.

Из Остзейского края¹⁷ сюда шлют просьбы к родственникам подыскать казенное место или землю, или вообще занятие какое-нибудь, потому что там, в их фатерланде, рассылаются проскрипционные списки, а за такими списками следует и исполнение... и немчура стекается в нашу Сибирь... вот в какой оазис спасения обратилась былая «страна тюрем и ссылки».

На этот раз довольно с Вас. Крепко жму руку. Поклон Вашей жене.

Всего хорошего *Виктор Костюрин.*

Прошу любить и жаловать мою дочурку.

Пришлите верный адрес для сообщений «Мертвого дома».

Прилагаю корреспонденцию, если можно, устройте, чтобы ее поместили за плату и чтобы и впредь можно было посылать туда же. Ответ напишите мне или передайте Лиде¹⁸.

IX

Тобольск

19 августа 1906 г.

Дорогой Василий Яковлевич! С огорчением прочитал в газете, что Вас привлекают к суду за польскую книжку «Былого», черкните пару слов, насколько это серьезно? Хотя по нынешним временам всяких неожиданностей об этом довольно трудно судить, но все-таки черкните.

О своих злоключениях этой зимы долго рассказывать — суть в том, что здесь, в Тобольске, администрация хотела провести правительственных кандидатов в Государственную думу, и всех тех, кто им мешал, они чисто по-стамбуловски засадили в тюрьму, предъявили обвинение в неблагонадежности, поставили в счет такие вещи, как участие в разрешенном губернатором крестьянском съезде (который благополучно прошел под наблюдением особого чиновника губернаторского); затем сорванный публикой митинг этих самых «кандидатов» и т.п. пустяки, а затем на основании ст. 34 охраны выслали всех в северные уезды — Березовский и Сургутский¹⁹, да еще по настоянию временного и.д. генерал-губернатора Тройницкого припечатали на 3 года сроком. В числе других и я попал в Сургут.

Затем дело было пересмотрено, и так как тоболяки никакой нелегальщиной не занимались, никому даже носа не расквасили и никого, кроме этих самых «кандидатов» — людей с очень подмоченной репутацией, — не огорчили, то вся переписка в порядке 34 ст. охраны прекращена, но все-таки их не реабилитировали, а отдали в распоряжение генерал-губернатора на все время военного положения.

К счастью, губернатор, он же и генерал-губернатор, в Тобольске теперь сравнительно приличный человек Гондатти²⁰, и он понемногу намерен передвинуть с севера на юг всех высланных тоболяков, но, несмотря на право, предоставленное ему этой

отменной ст. 34, все-таки послал запросы с своим представлением о неимении препятствий с его стороны к этому переселению и теперь ждет «подтверждения» своего права.

Мне лично он обещал разрешить жить в Тобольске при сколько-нибудь благоприятном ответе из министерства на его запрос.

Вот почему я теперь в Тобольске, и хотя не собираюсь обратно в Сургут, но не уверен, что смогу остаться в Тобольске.

Виноват я пред Вами, обещал прислать для «Былого» воспоминания. Я их начал... Сначала было с времен студенчества, потом вижу, что это затянется, я стал описывать свою военную службу и знакомство с Ашенбреннером. Около половины уже готово, надеюсь, скоро кончить.

Посылала Вам по почте Мария Николаевна небольшую вещицу, написанную мной в тюрьме, под заглавием «Силуэты и тени» (из корейских воспоминаний). Вы их получили ли?

Не приняли ли Вы их за беллетристику, так как эта вещица написана в виде картинок?

Василий Яковлевич! Это не беллетристика, а живая действительность. Так как на почте эту вещь могли перехватить, то я ее посылаю вторично с подателем этого письма. Если первая глава Вам покажется не подходящей, то остальные три — прямая фотография, Вы можете первую возвратить подателю, а остальные поместить. Если же вообще Вы эту форму изложения не признаете подходящей, то скажите подателю, он пристроит где-нибудь в другом месте, может быть, Вы даже сможете ему и оказать свое содействие в этом.

Затем Вам Лида передала одну беллетристическую мою вещь. Вы ей тогда ответили, что беллетристику Вы не намерены пока помещать. Теперь у Вас такое обилие чисто исторического материала, что эта вещица у Вас, вероятно, не пойдет вовсе, а потому будьте добры, если она не затерялась, то передайте ее также подателю, он обещал мне похлопотать и пристроить где-нибудь.

Нужен ли Вам обвинительный акт по делу о покушении на жизнь Горкавича, по которому были казнены Малинка, Дробязин и Майданский и по которому судился также и я <...> фазе после большого процесса 193? У меня он сохранился. К сожалению, приговор по этому делу, который также был у меня, куда-то

исчез, а он был очень интересен по характеристике смертного приговора Майданского «за пособничество, не нужное для дела».

Посылаемая вещица интересна как характеристика того, за что в былое время закатывали на вечную и всякую иную каторгу, вот потому имеет некоторую связь первая глава «За чужое удовольствие пули глотать не намерен», но если она Вам покажется лишним балластом, то возвратите ее подателю, а остальные прочитайте, может быть, подойдут для «Былого». Без документов и живых людей, которые могли бы поправить неточности, трудно писать воспоминания, а такие отдельные портреты много легче.

Кстати, в своих воспоминаниях о военной службе я подхожу к вопросу об мечтаниях утилизации еврейских погромов, бывших в то время на юге. Удобно ли теперь говорить всю правду об этом? В этих мечтаниях (далее мечтаний и разговоров не пошло дело) большое участие принимал Ашенбреннер, как будто пока еще не время, или Вы стоите за историю в чистом, неприкрашенном виде, без недомолвок и недоговорок? Я напишу, как было, но если Вы найдете что нужным выбросить, то спорить не буду.

Пока. Всего хорошего. Крепко жму руку.

Виктор Костюрин.

Поклон от Марии Николаевны, а Вашей супруге передайте поклон от нас обоих.

Х

Тобольск

29 ноября 1906 г.

Дорогой Василий Яковлевич! «Сказать нельзя», как я чувствую себя перед Вами виноватым. Обещал год тому назад написать и до сих пор не исполнил своего обещания.

Сегодня посылаю Вам одну безделушку, может быть, она Вам пригодится как отдельные, но характерные эпизоды «былого». Беда моя, что я слишком погружаюсь в «культ пустяков» настоящего. В Сургуте начал описывать для Вас период своей военной службы, да так на начале и застрял.

Если не случится со мной чего-нибудь экстравагантного, то, может быть, я еще свой грех заглажу, — у меня скверная привычка откладывать до последнего момента, а потом на всех па-

рах катить — и к концу декабря пришлю хоть половину. Вы, вероятно, таких обещаний немало получили, поэтому умолкаю. Смягчающим вину обстоятельством мне может служить лишь то, что я не рантьер и если забросишь «культ пустяков» текущего дня, то и зубы на полку клади.

Отчасти в видах приобретения досуга для литературной работы собираюсь пуститься в предпринимательскую аферу, и Вы на днях увидите Марию Николаевну у себя. Она едет в Питер приобретать типографию для «Сибирского листка». Нашелся приятель, который обещал поручиться у Франца <...>, вообще, где можно будет купить в рассрочку машины и шрифты. Я мечтаю о расширении «Сиб. листка», издании при нем «Крестьянской газеты» и особого неперiodического сборника «Трибуна», где бы могли ломать копыя представители всех местных левых партий.

Видите, какой я легкомысленный человек, — ведь я живу в Тобольске *«временн»* с милостивого разрешения нынешнего губернатора Гондатти, а мое официальное местожительство... черт его знает где? Был раньше Сургут, а теперь — куда его сатрапьему капризу какого-нибудь вр. генерал-губернатора угодно будет меня забросить, а я тем не менее, видите, какие планы строю.

Желал бы, чтобы высылаемую безделушку Вы не забраковали и не окорнали в том, что имеет отношение не к «былому», а к «настоящему». Впрочем, особенно в претензии не буду, если что и выбросите, найдя *неблаговременным*. Ведь правду, Василий Яковлевич, теперь о «былом» еще трудно писать, а синодики писать и в <... >, ей-богу, не умею — характер у меня для этого неподходящий.

Всего хорошего, помогите Марии Николаевне выбрать подходящие машины. Крепко жму руку. *Виктор Костюрин.*

XI

Многоуважаемый Василий Яковлевич. Слухи о «республике» в Сибири -- сушая ерунда, распространяемая выжившими из ума омскими Омелиным, Сухотиным и Сухомлиновым <...>, чтобы ввергнуть всю страну в ужасы «военного положения». Ничего особенного нигде не было, даже подобия «аграрных беспорядков» не примечено, было затруднение с солдатами и заба-

ставка в районе жел. дороги — больше ничего. Г-н Дурново рассылает телеграммы «блюди-и!». Будьте так добры: отдайте прилагаемую при сем «интересную историю» куда-нибудь, хорошо бы в «Нашу жизнь», т.е. «Народ. хоз.», или все равно, куда найдете лучше; вопиющее безобразие, все возмущены до глубины души наглым объявлением военного положения в губернии, *невинной* до последней степени; кто не был обозлен, так обозлился, вот уж подлинно медвежья услуга правительству.

Негодяй Тройницкий поставил себе целью нас разорить; после 1-го номера без всякого повода закрыл «Сиб. листок» на все время военного положения²⁰.

Привет Вашей супруге и поздравляем с Новым годом и со «свободой»!

Жму Вашу руку *М. Костюрина*.

XII

<...> на беллетристике, но базар житейской суеты не дает времени засесть вплотную, а мелкие попытки фельетонов терпели фиаско, потому что в одних газетах цензура не пропускала, а в других, видите ли, находят то, в чем я Вас обвиняю, — что я «слишком много черного против общественного элемента выдвигаю». Я же его выдвигаю, потому что считаю замалчивание к добру не ведущим, так как на почве этого замалчивания распускаются такие роскошные цветки, как их дала иркутская жизнь последних лет. Вы, вероятно, кой-что слышали про пресловутый «протест иркутян» против «Сибирского вестника». Если нет, то это интересная страничка из жизни сибирской, которой Вам следует коснуться.

Мария Николаевна от безделья ударилась в благотворительность — подняла вопрос о доме трудолюбия в Тобольске еще задолго до того, как эти дома удостоились высочайшего покровительства, вела всякую агитацию до тех пор, пока городская дума не открыла городской дом трудолюбия, где ее выбрали заведующей женской мастерской и бюро труда; все свое время теперь она отдает этому делу, раньше пробовала было литературное поприще — сотрудничала в «Сиб. листке», и очень усердно, потом бросила, еще раньше меня рассорившись с редакцией; состоит чле-

ном правления местного музея, даже читала раз доклад о народной медицине; напечатала небольшой сборник песен народных и теперь тоже еще собирает песни, сказания, заговоры и т.п. Сейчас она живет в деревне с ребятами, куда уехала на лето, а я сижу в городе, потому что презренного металла ради служу по вольному найму в конторе больницы, где целый год вел войну с «оправдательными документами» и, в конце концов, добился, что теперь нет «фикций», как их деликатно называл бывший губернатор Богданович, благодаря которому, конечно, только и можно было начать вести эту войну, а то мне начали было делать довольно прозрачные намеки, что я «ничему не научился» и не благодарен за то, что мне дают возможность участвовать в жизни.

Как видите, это, в сущности, все размен себя на медные пятаки, но когда я уезжал из Якутска, меня такое раскаяние взяло, что я сторонился от местной жизни, что я дал себе слово утилизировать себя для местной жизни, где бы мне ни пришлось жить. Вот почему я и в «Сиб. листке» теперь работаю, хотя эта работа не дает никакого удовлетворения, и зачастую задаешь себе вопрос: à quoi bon?²² Правда, благодаря этой работе я теперь хорошо знаю сибирскую жизнь, так как глотаю массу сибирских газет, но это не оставляет времени ни на самостоятельное чтение, ни на самостоятельный труд. Впрочем, сутолоку и бестолочь газетной работы Вы и сами хорошо знаете; у Вас есть хоть утешение, что у Вас аудитория не маленькая, ну а «Сибирскому листку» приходится создавать еще себе аудиторию, надеюсь, что в этом отношении я в Вас найду союзника и что Вы будете вещи разбирать совсем с другой точки зрения, чем я или мои коллеги по «С. листку» — ça ne fait pas grand cas!²³ Суть не в этом — суть в том, чтобы «производить шум по своему делу» и привлечь общественное внимание к известным вещам, а жизнь все равно пойдет по равнодействующей всех воздействий на нее.

Всего хорошего. Когда будете ратовать за «капитализм», не забывайте, что ему приходится иметь дело с людьми, а не только с экономическими категориями фактов, и смягчать удары судьбы для рабочего люда — прямая задача интеллигенции. Крепко жму Вашу руку. Пишите. *Виктор Костюрин.*

XIII

Тобольск

5 января 1903 года

Петр Моисеевич.

Давно уже мы с Вами не обменивались ни одним словечком, а интересно было бы поболтать. Начать с того, что Тобольская губерния попала в руки таких гадов, что было бы очень хорошо выяснить это как-нибудь.

К сожалению, теперь нет ни «Сибири», ни «Северного курьера», ни вообще такой боевой газеты, которая охотно пошла бы навстречу такому желанию. Быть может, Вы более в курсе — куда можно было бы толкнуться с таким материалом. Если есть надежда поместить такой материал, то черкните пару строчек — все равно, можно ли его доставлять в форме серьезной или фельетонной.

Другая просьба — меня просили пристроить рукопись одного бывшего семинариста тобольского, а ныне студента Берлинского университета Коршунова, которому пришлось переехать за границу, так как он вылетел из Рижского политехникума, и надо было долго еще ждать права вновь поступить. Сын крестьянина, очень оригинальный и энергичный малый, он, вероятно, пробьет себе дорогу, но теперь ему приходится довольно круто, и, может быть, Вы помогли бы ему как-нибудь пристроить эту рукопись (эту рукопись читал как-то Кривенко и хотел у него взять для печати, но Коршунов ее не оставил у него, так как у него не было дубликата). Кроме того, я думаю, что он мог бы писать и просто корреспонденции из Берлина и этим пополнять свой скудный бюджет, если бы знал, куда обратиться. Посылаемая рукопись — это почти его автобиография, прочтите, если удосужитесь, а затем постарайтесь ее пристроить. Посылаю Вам лично, а не в какую-нибудь редакцию, потому что это надежнее. Рукопись высылается завтра и оценена в 50 руб. как посылка, это для сведения, чтобы Вас не интриговала, что будет означать повестка на посылку.

Теперь о себе лично.

Вы, вероятно, уже знаете, что «Сибирскому листку» расширена программа, и как это ни курьезно, но обязан этим «Сибирский листок» одному из двух гадов. При Князеве «Сиб. лис-

ток» не держался официальной своей программы и должен был соображаться с личными взглядами Протасьева, который сначала относился к «Сиб. листку» не особенно дружелюбно, но потом, когда его излюбленные «Московские ведомости» были оставлены в покое, дававшего довольно широкую возможность касаться «*обывательской жизни*». Перевели к нам на место Князева из Вологды губернатором Лаппу-Старженецкого, грубого бурбона, самодура, крепостника по всем своим тенденциям; самое существование частной газеты, даже в скромной форме «Сиб. листка», ему пришлось не по нраву; он фыркал и не скрывал своего нерасположения, объявлял, что он его не читает и читать не намерен, и не позволит даже о своих поездках в нем печатать. С Протасьевым он не ладил и воевал с ним из-за «слабой цензуры». Перевели от нас Протасьева, остался цензором Бирюков. Безобидность «Сиб. листка», казалось, примирила Лаппу с самим существованием газеты «в Высочайше вверенной ему губернии». Приезжает новый вице-губернатор А.Н. Тройницкий — «негодяй высшей марки», как аттестовали Радлову его сослуживцы в Ставропольской губернии. Вы, может быть, помните, как «Орловский вестник» печатал в «Петербургских ведомостях» свои жалобы на то, что ему нельзя было писать ничего о городских'делах перед выборами, — это было дело рук Тройницкого. Приехал он к нам и первый же номер «Сибирского листка» исчеркал вдоль и поперек, так что нельзя было и полулиста выпустить — вычеркнул все, что не носило узко «сельскохозяйственного» характера на основании программы. Напрасны были все объяснения с ним — уперся на своем, что ему приказано в Питере «держаться строго программы». «Жалуйтесь на меня», — было ответом на все просьбы самому назначить тот круг предметов, которых можно было бы касаться. А сам потом, передавая об этом разговоре другим, хвастал: «Мне к жалобам на меня не привыкать». Нечего делать — пришлось писать жалобу в Главное управление по делам печати, несмотря на то, что всего за три месяца до его приезда было отказано в просьбе о расширении программы, хотя Протасьев дал самый благоприятный отзыв о «Сиб. листке» и указал причины, почему он разрешал многое сверх программы. Вы може-

те судить, какова была цензура г. Тройницкого, если, несмотря на то только что полученный отказ в расширении программы, жалоба с приложенным номером была удовлетворена и программе расширили.

Программу расширили, но при нынешнем цензурном уставе это плохая защита — для доказательства посылаю Вам цензорские поправки в 1 номере этого года. Если Вы знаете, где проживает Василий Яковлевич Яковлев (пишущий под псевдонимом Богучарский, можно справиться в редакции «Мир Божий»), Вы меня премного обяжете, если передадите ему эту корректуру, а также пришлете его адрес. Цензура Тройницкого — лучшее доказательство недочетов цензурного устава, и если в Питере по случаю двухсотлетия печати думают хлопотать о пересмотре цензурного устава, то более благодарного материала, чем Тройницкого, вряд ли кто может дать, и он может оказать такую же услугу всей провинциальной прессе, как он оказал «Сибирскому листку». Будьте добры, помогите из частной войны с своим маститым цензором сделать это общим вопросом. Я пишу жалобу в Главное управление по поводу этого номера и вообще цензорских приемов Тройницкого, и если Яковлев в Питере, он, вероятно, не откажется также принять участие в таком походе. Всего хорошего. Крепко жму руку.

Виктор Костюрин.

ГЛМ. ОРФ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 585.

Комментарии

Публикуемые письма хранятся в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея. Переданы в 1950-е годы сотрудником Министерства государственной безопасности.

Автору данных комментариев известна лишь одна публикация писем В.Ф. Костюрина. Сделала ее сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея Т.С. Комарова (см.: Комарова Т. С. Из переписки М.Н. и В.Ф. Костюриных с Г.Н. Потаниным // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 282–308).

¹ Богучарский — литературный псевдоним Яковлева Василия Яковлевича. Родился в Воронежской области. Отставной поручик. По

делу организации «Народной воли» был сослан в 1885 г. в г. Туринск на три года, откуда в 1887 г. переведен в г. Сургут, а затем в Вилуйск с продлением срока на два года. В Россию вернулся в 1890 г. и поселился в Воронеже, а затем в Петербурге. Автор книг «Активное народничество», «Из истории политической борьбы в 80-х гг.», «Государственные преступления в России» и др.

- ² Костюрин Виктор Федорович («Алепа Попович») родился в Херсонской губернии в 1853 г. Из дворян. Студент Новороссийского университета, член одесского кружка чайковцев (Волховский и др.), затем — киевский бунтарь. Арестован в 1877 г. в Одессе, но при помощи М. Ф. Фроленко бежал из жандармских казарм. Вновь арестованный в Херсоне, судился по процессу «193» и был приговорен к ссылке на житье. Но по новому делу о покушении на убийство «предателя» Гориновича был приговорен к смертной казни, замененной 10-летней каторгой в крепостях с лишением всех прав состояния. Приговор вступил в законную силу 5 декабря 1879 г. Прибыл на Кирийские промыслы в октябре 1880 г. По отбытии каторжных работ в декабре 1885 г. отправлен на поселение в Якутскую область. Здесь женился на административной ссыльной Марии Николаевне Емельяновой, высланной по делу Германа Лопатина. В июне 1892 г. было принято решение о том, что лишь через 14 лет после водворения в Сибирь В. Ф. Костюрин получит право избрания места жительства (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 140). Департамент полиции телеграммой от 7 марта 1893 г. разрешил переехать в г. Тобольск.

С 1894 г. — в Тобольске. Вплоть до середины 1901 г. работал делопроизводителем в губернской больнице.

Подробнее см.: В. Белобородов. Аккумулятор общественной энергии // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 23–26.

- ³ Крутовский В. М., врач, один из корреспондентов «Сибирского листка» писал в это время в письме Д. А. Клеменцу: «Знаете ли Вы Аф. Анд. Зубковского и других стоящих у редакции “Сиб. листка”. Газета совсем погибает, так как Сыромятников отказался давать деньги, потерпев убытки в 3000 руб., подписчиков всего 400 чел. Зубковский обратился ко мне, прося помощи, и мне удалось ее найти, но хотелось бы поподробней о людях, ведущих эту газету.

Я думаю, поддержать ее необходимо... С редакцией «Сибирского листка» у меня вышел недавно инцидент. Послал я туда две заметки о наших делишках, которые не могли иметь места на страницах «Восточного обозрения» вследствие цензурного характера. Одну заметку не пропустили и в Тобольске... Когда газета была сдана на почту, поднялся гвалт и ее хотели задержать, но почтовое ведомство не выдало без разрешения из Питера и т[аким] обр[азом] газета пошла дальше, но была конфискована» (СПбФ ИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 173. Л. 4–5).

- 23 января 1892 г. Владимир Михайлович вновь писал Д. Клеменцу об издании из Тобольска: «Относительно Астырева и, так сказать, астыревщины я уже довольно энергично писал Зубковскому и гово-

рил ему по поводу газеты и ее направления почти то же, что пишете Вы. Я не знаю, какое произведет на редакцию впечатление мое письмо, но, оказывая помощь газете, я исходил из следующих соображений: газета гибнет; газета хорошая, еще может стать на ноги и быть полезной даже для Восточной Сибири, если «Восточное обозрение» прихлопнут. Будет так жаль, что ничего не дадут печатать о местной злобе дня. Для Кузнецова какие-нибудь 500 руб. ничего не стоят, а газетка может выправиться и сделаться более умной. Тогда же я подробно и написал Зубковскому, как мы относимся к полемике «Сибир. листка» с «Восточным обозрением», как выходку Астырева и газеты на Ядринцева — гадко и портят газету, чего стоят астыревская ругань сибиряков и всего сибирского.

Может быть, им не понравится мое нравучение и они откажутся от субсидий — тогда другое дело. На мою телеграмму, по крайней мере, вот уже третья неделя, как никакого ответа.

Мне ужасно жаль «Восточное обозрение», и если бы я знал ранее его финансовое положение, то, конечно, постарался бы помочь своему старому приятелю, а не новому знакомцу. Вот и опять виноват Ошурков, что сидит себе, изучает в свободное время английский, а не ведет переписку и не сообщает заблаговременно...» (СПбФ ИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 173. Л. 10–11).

См. подробнее в письме М.Н. Костюриной Д.А. Клеменцу от 4 января 1893 г. (Лук & Чок. 2009. Вып. 3. С. 112–115).

⁴ Право на издание «Сибирского листка» перешло «в собственность сургутского мещанина Алексея Суханова, который, согласно его ходатайству, утвержден редактором этой газеты». Об этом сообщается письмом из ГУДП в адрес тобольского губернатора от 28 ноября 1896 г. (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 34. Ед. хр. 26. Л. 23). В обзоре Тобольской губернии за 1901 г. в департамент полиции сообщается: ««Сибирский листок» по-прежнему находится в руках лиц, состоящих под негласным надзором полиции, т.к. редактором и издателем оного есть состоящая под негласным надзором Мария Николаевна Костюрина, а главным сотрудником в редакции этой газеты, или даже можно с уверенностью сказать — управителем ее, является муж Костюриной, бывший государственный преступник, состоящий под негласным надзором полиции Виктор Костюрин. В прошлом году Мария Костюрина возбуждала ходатайство о разрешении ей иметь свою типографию для печатания «Сибирского листка», но это ходатайство отклонено, так как подобного рода лицам очень опасно давать в руки шрифт. Несмотря на вышеизложенное «Сибирский листок» пока не представляет из себя ничего опасного, так как газета эта подцензурная и цензором ее является г. тобольский вице-губернатор действительный статский советник Николай Васильевич Протасьев». (ГАРФ. ДП. Ф. 102, 3 д-во: 1902. Оп. 100, 1 ч. 51, Л. А).

30 мая 1906 г. на суде по делу редактора-издательницы газеты «Сибирский листок» Марии Николаевны Костюриной, обвиняемой за по-

мешение статей, возбуждающих к ниспровержению существующего строя, ею было произнесено: «Газета “Сибирский листок” издается 16-й год, из них 5 лет я состою ее издательницей и редактором». (ГУ ИсаОмскО. Ф. 25. О.1. Ед. хр. 146. Л. 19).

Очевидно, под «нашими руками» понимаются единомышленники, включая редактора-издателя, которые в «Сибирском листке» составляли большинство.

⁵ Майнов Иван Иванович (1861–1931) этнограф и антрополог. Как участник революционного движения был сослан в Восточную Сибирь. С 1896 г. жил в Иркутске, сотрудничал в «Восточном обозрении».

⁶ «Восточное обозрение», литературная и политическая газета. Издавалась с 1882 по 1886 г. в Петербурге, затем издание было перенесено в г. Иркутск. Прекратила свое существование в 1906 г. Первым издателем-редактором был Н.М. Ядринцев. По цензурным условиям в 1906 г. несколько раз меняет свое название: «Сибирское обозрение», «Молодая Сибирь», «Восточный край».

Издание пропагандировало либерально-народнические идеи.

⁷ Брешко-Брешковская Е.К., участница революционного движения, одна из организаторов и лидер партии эсеров. В прессе ее называли уважительно «бабушкой русской революции».

⁸ «Степной край», общественно-политическая и литературная газета. Издавалась в г. Омске с 1893 по 1905 г. Первым редактором-издателем был К.М. Голодников, издававший ее вначале под названием «Степной листок». Очевидно, тоболяка и приглашали лишь затем, чтобы под него разрешили издание. Продав газету уже на первом году ее существования, Капитон Михайлович вернулся в «милый Тобольск», где коллеги-журналисты не очень любили его и привечали.

Начальник Омского жандармского управления в политическом обзоре за 1895 г. докладывал в департамент полиции, отправляя при этом копию начальнику Сибирского жандармского округа: «Местный орган печати газета “Степной край” не представляет никакого интереса в литературном значении, не имея определенного направления, существует лишь редакцией особых прибавлений “Телеграммы Российского телеграфного агентства”, которыми и удовлетворяются подписчики на газету» (ГУ ИсаОмскО. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 2). И через пять лет мнение жандармерии о газете мало в чем изменилось. В черновом отпуске, предназначенном для отправки в департамент полиции, сообщалось: «В Омске издается газета “Степной край”, убогая в литературном отношении и без всякого направления. Сотрудники и репортеры в большинстве состоят из ссыль[ных] или лиц, заинтересованных в сплетне и инсинуации. ...Из числа местных гражданских лиц, обращающих на себя внимание своей особой политической неблагонадежностью — не замечено. Из состоящих под гласным и негласным надзором в этом отношении выдаются Лев Чермак, Сергей Швецов, Владимир Соколов, Ванновский, Щеголева» (Там же. Ед. хр. 48. Л. 2 об.—3). Но уже через год в политическом обзоре за 1901 г., мнение начальника Омского жандармского управления полковника

Владимира Лаврентьевича кардинально изменилось: «... орган проживающих в городе социалистов ... противоправительственное направление, которое выражается в литературных произведениях ... которые следует ... между строк... склочной форме рассказов или в тенденциозном подборе перепечаток из других газет и изданий. Лев Чермак, начальник экспедиции по исследованию степных областей, Владимир Соколов, занимающийся педагогической деятельностью, гласный поверенный Вановский...» (Там же. Ед. хр. 49. Л. 7.)

И еще одно мнение, почерпнутое из политического обзора за 1903 г.: «газета "Степной край", помещающая только местную хронику и перепечатки из других газет. Одно время перепечатки эти имели тенденциозный характер, т.е. подчеркивались события (*либерального* — зачеркнуто. Написано сверху) известного характера как в нашей, так и в международной общественной жизни, оттенялись злоупотребления административных властей, невежество народа и вообще группировались разные темные стороны русской жизни. События возникшей волны (отвлекли от перепечаток — зачеркнуто) направили газету в сторону этих событий. (Там же. Ед. хр. 51. Л. 4 об.—5.)

В «Степном крае» сотрудничали и тюменцы. Среди них был Лука Опрокидnev.

На выборы городским головою Андрея Текутьева издание откликнулось публикацией за подписью Славинского под рубрикой «К тюменской жизни» (1899. 12 февр., № 19). В ней сообщалось: «Человек он, правда, богатый и тароватый, бегом на мукомольную мельницу бегаёт версты за три от города.

Помилуйте, да разве может Т. быть городским головою, да еще в Тюмени, ведь он сколько раз был под судом, да и дела-то были ой какие грязные... по фальшивым-то деньгам судился и из-за этого дела до манифеста 1896 года не смел в общество носа показать; никогда до сего времени не был ни избирателем, ни гласным.

Действительно, под судом был по делу о приобретении им 9 фальшивых кредитных билетов 25 р. и двух 5 р. достоинства, которые он сбывал за настоящие в Ялutorовском округе, и по приговору бывшего Тобольского губернского суда оставлен в подозрении. За продажу же негодной к употреблению крупы отбыл по приговору суда месячное тюремное заключение... отправился к купцу Т., состоянному якобы приемщику от него и ранее краденых вещей (см. № 32 Тобольских губ. вед.), сбытом и переводом фальшивых денег занимался и купец Т., наживший таким путем крупное состояние... Т., наживший себе состояние благодаря фальшивым кредитным билетам работы Б., которые получал от него через К. Т. раз попался в Ирбитской ярмарке с фальшивыми кредитными билетами и был арестован ...жен[е]... при посредстве подкупов ...удалось спасти мужа...

Тюменцы искали большой денежный мешок, из которого нужные для города средства лились как из рога изобилия, или польстились тому, что будущий голова отказался от жалованья?».

В прощении на имя прокурора Омского окружного суда Текутьев настаивал на своей невинности: «Даже если бы была хоть часть правды, и в этом случае не дает права закон порицать и позорить человека ни в коем случае... заседатель Колмогоров сделал из черного белое... подана была тобольскому губернатору просьба, по которой произведено было дознание, и г. Колмогоров был отдан под суд... [муку] продавал приказчик, ответственный за лавку» (ГУ ИСАОмскО. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 14 об.— 15).

Редактор газеты Александр Гаврилович Демин, запасной рядовой и потомственный почетный гражданин, на суде отказался назвать имя корреспондента, скрывавшегося за псевдонимом Славинский. Он был настолько уверен в правоте собранной в одном месте и еще раз обнародованной информации о Текутьеве, что суд отправил дело на исследование.

⁹ «Сибирский вестник» (1885–1905), издававшаяся в Томске газета, против которой ополчились все сибирские издания того времени, обвиняя ее в рептильности. Издатель-редактор В.П. Картамышев. В составе редакции работали уголовные ссыльные: Е.В. Корш, петербургский адвокат, сосланный в Сибирь за невозврат денег своему клиенту, имеющий опыт работы в столичной прессе; П.М. Полянский, директор Московского ипотечного банка, — за финансовые махинации и др. По установившемуся в научной литературе мнению, газета частично финансировалась администрацией Томской губернии. Советские историки не очень оказывали знаки светского внимания изданию, несмотря на то, что с ним сотрудничал Г.Н. Потанин.

Причина, на мой взгляд, в появлении нового историографического источника, который заставит изменить однозначное мнение не только о «Сибирской газете», но и о сибирском просветителе П. Макушине, который в паре работал с (?) Михайловым. «Сибирский вестник» резко критиковал их книготорговую политику, при которой собранные для учебных учреждений книги продавались с огромнейшими накрутками. А брат компаньона по бизнесу П. Макушина был городским головою. С точки зрения социалистической идеологии, несомненно, враг народа. Через него поставляли кирпич на строительство Томского университета по такой цене, словно этот строительный материал был изготовлен на Луне и оттуда лошадьми доставлен в Томск.

Для советской идеологии проще было поднять флаг своего человека над П. Макушиным, забыв обо всех остальных вместе с газетой.

¹⁰ Грингмут В.А., организатор Русской монархической партии (РМП), активнейший сотрудник журнала «Русское обозрение», считавшегося советскими историками реакционным, поскольку идейным вдохновителем издания был прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев.

¹¹ После ссоры Н.М. Ядринцева с секретарем «Восточного обозрения», находившего в то время уже в Иркутске, К.М. Михайловым, последний затеял в свою газету в г. Омске. В сентябре 1896 г. Министр

внутренних дел разрешил отставному коллежскому асессору Константину Михайлову перенести в Петербург газету «Сибирь» и издавать без предварительной цензуры.

На заседании совета ГУДП 10 декабря 1897 г. слушали доклад цензора А.А. Елагина о бесцензурной газете «Сибирь»: «Газета “Сибирь”, дальнейшее существование которой при условиях сибирской подцензурности на месте оказалось невозможным, выходит с января 1897 г. в Петербурге без предварительной цензуры. С первых же номеров газета усвоила резко обличительный тон, старательно [оттеняла] подчеркивая всякие недочеты и промахи в деятельности местных, и преимущественно, административных органов Сибири. В июле текущего года газета получила первое предостережение, но строгая мера эта оказала, по-видимому, довольно мало влияния, ибо “Сибирь” по-прежнему очень бестактно и резко касается таких вопросов, обсуждение которых требовало бы сдержанности и спокойствия» (РГИА. Ф. 777. Оп. 4: 1896. Д. 135. Л. 6). В этом газета мало отличалась от «Восточного обозрения» петербургского периода.

Кому принадлежала газета — сказать сложно. Редактор часто бывал за границей. При этом иногда оставлял вместо себя кандидата прав Давыда Ильича Шрейдера. Не исключено, что издание было репительное и выполняло определенный заказ спецслужб. Ибо после третьего предостережения газета, как правило, приостанавливалась. Однако с «Сибирью» этого не произошло, чему удивился 18 января 1897 г. оставленный К. Михайловым вместо редактора сотрудник: «Странно, что третье предостережение без приостановки.

Газета должна выйти сегодня, но ввиду предостережения, не печаталась. Я узнал все это в типографии, где был сейчас. Газета выходит по четвергам и воскресеньям, следов[ательно], до четверга устроим все, что должно. Издатель-редактор Михайлов за границей и, быть может, до его экстренного прибытия газета и выходить не будет, — но во всяком случае придется читать вечером в среду. Прилагаемую бумагу принесите завтра в комитет. Н. Пак... [подпись неразборчива]» (Там же. Л. 10). Последним номером в подшивке за 1988 г. был десятый.

Сохранилось письмо Ф.В. Волховского Д.А. Клеменцу, в котором идет речь о создании новой газеты К.П. Михайловым: «Теперь о “другой газете”. Во-первых, самая возможность ее исхлопотания основана на представлениях и заявлениях М[ихайлова] о его значении при “особе”; но посторонние наблюдатели, которым вполне м[ожно] дать веру, говорят, основываясь на фактах, что М[ихайлов] сильно преувеличивает свое значение, да кроме того, что сам М[ихайлов] ...в последнее время выясняется, все более и более не в пользу его искренности и такого внутреннего склада, который бы давал возможность с ним вместе затевать дело. Во-вторых, М[ихайлов] теперь так же подвержен политикобоязни, как и Ядр[инцев], и Ошурк[ов]. Без моего ведома записали меня в переселенческий комитет и 15-ю голосами выбрали в члены правления. А когда выбрали, то так испугались, что один из статистиков, посовещ[авшись] с

М[ихайловым], пришел попросить меня отказаться от участия в правлении. С Пушкивым они сыграли еще худшую шутку; отказались за него, не спросив его даже (а он теперь не хочет) отказываться! Сомневаюсь, что при таких аусициях удобно и целесообразно было затевать разговор о новой газете. Если и пообещают, то, по всей вероятности, постараются надуть и, хотя, собственно, не заставят, конечно, макать перья в слякоть, но легко могут, проводив задаром много времени, помешать осуществлению иных достижимых планов» (СПбФ ИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. Д. 62 Л. 1об.—2 об.). Письмо датировано 7 июня 1889 г. Практически более шести лет «макал перья в слякоть» создатель «Сибири», ожидая, когда «особа» сможет ему стать на ноги.

- ¹² Существовала концепция политики мелких дел, в русле которой должны были работать провинциальные издания.
- ¹³ По техническим причинам фраза из письма воспроизведена в данном тексте неполностью. Но любимая нами француженка Надюшка Швейбельман перевела ее следующим образом: «Великие не кажутся нам столь уж великими, если мы на коленях. Поднимемся же!»
- ¹⁴ Речь идет, очевидно, о тобольском губернаторе Л.М. Князеве, который занимал эту должность с 1896 по 1901 г. В молодые годы он был назначен кандидатом на судебные должности при прокуратуре Рязанского окружного суда.
- ¹⁵ Суханов Алексей Степанович выступал одно время в качестве издателя «Сибирского листка». Подробнее о нем: В. Белобородов. Аккумулятор общественной энергии // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 16–18; Коньков Н.Л. Алексей Степанович Суханов // Информационное пространство Тюменской области. Тюмень, 2005. Вып. 3. С. 98–112.
- ¹⁶ Покровский Иван Иванович — врач-ординатор богоугодных заведений. Одно время был редактором «Сибирского листка». Подробнее о нем: В. Белобородов. Аккумулятор общественной энергии // Сибирский листок: 1890–1894. Тюмень, 2003. С. 18–19.
- ¹⁷ Остзейский край (от немецкого названия Балтийского моря — Ostsee) — общее название в Российской империи Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губ. (совр. территория Эстонии и Латвии).
- ¹⁸ Очевидно, речь идет о старшей дочери Костюриных. В 1898 г. ей было 10 лет. В семье тобольских журналистов было трое детей. Младшим девочкам Надежде и Марии в это время исполнилось 8 и 5 годиков соответственно (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 783. Л. 184–185 об.).
- На сегодняшний день нам ничего не известно о судьбе наследников Костюриных. Несколько лет назад, заполучив адрес одной из дочерей, мы вдвоём с В.К. Белобородовым исколесили район метро «Аэропорт» в поисках. Увы, владельца квартиры, чей адрес был на конверте, застать не удалось. Но совершенно точно известно, что

недвижимость сменила собственника, а никто из соседей не слышал о женщине, которую мы так тщательно искали в Москве

¹⁹ В период военного положения, в котором находилась Тобольская губерния (Русско-японская война), в число ссыльных попал в 1906 г. и В.Ф. Костюрин, но уже в августе того же года власти разрешили возвратиться ему в Тобольск.

²⁰ Гондатти Николай Львович — прибыл в Тобольск в январе 1906 г. и оставался на посту до осени 1908 г. Славился своими либеральными взглядами.

²¹ Из речи М.Н. Костюриной на суде, который состоялся в апреле 1906 г.: «Газета эта судебным порядком никогда не приостанавливалась, а равно не принималось против нее никаких мер со стороны администрации и цензуры. С 1 января нынешнего года газета приостановлена; мне было объявлено от имени временного генерал-губернатора Тройницкого 2 того же января, что приостановление вызвано вредным ее направлением. Содержание напечатанных мною статей не соответствует преступлениям, предусмотренным обвинительным актом, т.к. оно по своему существу вовсе не содержит в себе возбуждения к ниспровержению существующего в государстве строя и к неповиновению закона; что же касается порицания старого порядка и действий чиновников, относящихся к прошлому, то все это осуждено самим манифестом 17 октября. В доказательство справедливости сделанного вывода ссылаюсь на мою редакционную заметку к статье "Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом" следующего содержания: часть этих желаний удовлетворена правительством в настоящее время манифестом 17 октября; остальная, конечно, может быть разрешена в той или другой мере лишь в Государственной Думе, когда она будет собрана. Поэтому я нахожу, что в действиях моих по настоящему делу нет состава преступления».

Кстати, в это же время были закрыты «Восточное обозрение», том-ский «Сибирский вестник», но ни то, ни до другое издание распоряжения начальников судов не обжаловало в суде. М.Н. Костюрина сумела отстоять «Сибирский листок».

²² (фр.) К чему все это?

²³ (фр.) в этом не будет большой разницы.

Публикация
и комментарии Ю.Мандрики

[Спор между двумя городами]

Между Ирбитью и Тюменью завязался новый спор за преимущественное значение их торговых центров. Я говорю: новый спор потому, что в 1840-х годах между этими городами был такой же спор, возбужденный тюменцами, когда они переводом срока для своей ярмарки хотели уничтожить Ирбитскую. Результатом этого спора было то, что Ирбитская двухвековая ярмарка осталась на старом месте в Ирбители.

Нельзя не подивиться людской суете: Тюмень и Ирбить ратуют за обладание тем, что должно оставаться свободным, они завоевывают друг у друга то, что приходит само, без всякого насилия. Ярмарки — потребность не частная, а общая, народная, ярмаркам не указывают места, они сами прививаются там, где сталкиваются потребители с производителями и продавцами. Право спора о выборе места для зимней ярмарки принадлежит не тюменцам и ирбитчанам, а продавцам и покупателям, посещающим ярмарку. Ивановская ярмарка у Креста привилась случайно на месте пустынном и безводном и, несмотря на эти неудобства, расширяется ежегодно, она растет, как пшеничное тесто на опаре. Положим, место неудобно для ярмарки, ей теперь или позднее нужно переселиться, но куда переселиться, пусть рассудят те, которые заинтересованы этой ярмаркой со стороны ли предложения или со стороны запроса. А со стороны тех, которые желают водворить у себя Ивановскую ярмарку, могут к облегчению выбора указать только ярмарочной публике на те удобства, которыми преимуществует предлагаемая местность. Но к чему и для чего защитники Тюмени и Ирбители вступаются так горячо за то, что не от них зависит? Бесполезно это и не разъяснит дела, а только запутает его. Здесь нужно не ораторские речи, а факты.

Тюмень лежит на Сибирском генеральном тракте, и это одно, чем может она преимуществовать пред Ирбитью. Но не сознается ли уже всеми, что настоящий трактовый сибирский путь отжива-

ет свой век, он поступил уже в кандидатство запустения, он ожидает себе преемника — рельсового пути. А где пройдет этот рельсовый путь — не знают ни тюменцы, ни ирбитчане. Следственно, преимущества Тюмени относительно транзитного пути могут рушиться в ближайшее время. Мы можем сказать положительно, что в следующее за сим десятилетие вопрос о сибирской железной дороге должен разрешиться, потому что природная дорога истощает у публики и правительства последнюю часть долготерпения.

Тюмень стоит на судоходной реке Туре, но и Ирбить тоже стоит на судоходной реке Нице, хотя и говорят со стороны тюменцев, что река Ница судоходна только во время весеннего водополья, но это неправда; если бывает река Ница не судоходна, то по Туре в то же самое время существуют мели на протяжении 125 верст ниже Тюмени, останавливающие судоходство. Это факт неоспоримый. Следует добавить к этому, что если явится потребность в постоянном судоходстве по реке Нице до Ирбита, то могут явиться или мелководные суда, или шлюзы, и тогда восстановится постоянное судоходство. Итак, Ирбить и Тюмень в отношении судоходства были бы равносильны, если бы не осталось еще то преимущество за Ирбитью, что водяной путь этого города длиннее против Тюмени на 180 верст горной дороги. Но если состоится предположение о соединении сибирских водных путей с камскою пристанью железною дорогою, то ирбитский пункт, как самый ближайший к Каме, первый будет иметь честь сообщаться с Россиею посредством рельсового пути, и тогда он окажется для летней ярмарки далеко преимущественнее против Тюмени. А изменись направление сибирской железной дороги, Тюмень и Ирбить, оба спорящие за Ивановскую ярмарку города, останутся в захолустье, и ярмарки их уничтожатся непременно. Из этого следует, что спор за Ивановскую ярмарку между Тюменью и Ирбитью бесполезен. По нашему мнению, и самый вопрос об Ивановской ярмарке следует отложить до урегулирования предположения о железной дороге. Вот тот вопрос, который стоит на очереди для разрешения и которым в настоящее время следует заняться публике с полным самоотвержением.

Шабунин.

Ирбитский ярмарочный листок. 1867. 22 февр. (№18)

Евгений Паншнев

Чудеса и тайны Тобольска*

Золото губернатора Гагарина

16 марта 1721 г. в Санкт-Петербурге произошло совершенно неординарное событие: по именному царскому указу был казнен сибирский губернатор Матвей Гагарин. Виновен ли был губернатор или безвинно сложил свою голову, об этом до сих пор можно лишь гадать. Однако факты — вещь неподкупная, против них ничего не сделаешь.

Итак, Матвей Петрович Гагарин, князь из древнего рода, родственник Рюриковичей, первый сибирский губернатор. В молодости служил стольником при государе; сумел завоевать его любовь и доверие, а впоследствии был назначен им полномочным представителем императора в Сибири.

Заступив на должность, Матвей Петрович горячо заботился о благоустройстве столицы Сибири — Тобольска, делал значительные пожертвования в пользу церкви. В Тобольске по приказу Гагарина пленными шведами на левой части Троицкого мыса была построена каменная кремлевская стена. В кремль можно было попасть по деревянной лестнице Прямого взвоза, пройдя через арку каменного здания рентереи — хранилища государевой казны.

В подземельях рентереи хранились собранные налоги (рента) и драгоценный сибирский ясак — мех, приносимый аборигенами. От строителей-шведов здание получило название «Шведская палата».

* Окончание. Начало в № 1–2 за 2008 г. и № 3 за 2009 г.

Еще одним делом Гагарина являлся перенос устья Тобола. В те времена считали, что течение этой реки, более быстрое, чем в Иртыше, угрожает Троицкому мысу и стоящему на нем кремлю. Используя дармовую рабочую силу (шведов и крестьян), Гагарин велел прорыть за 3,6 версты выше по течению канал и тем самым устроить современное устье Тобола.

Способствовал губернатор развитию в Сибири горного дела. При нем в 1711 г. с Нерчинских рудников в Россию было отправлено почти 160 кг серебра, а в следующем году всего (!) 104 кг.

Губернатор Гагарин удивлял современников своими несметными сокровищами и роскошью. Обед подавали ему на пятидесяти серебряных подносах, кроме того в его доме находилось множество золотых и серебряных вещей и драгоценных безделушек.

Дом губернатора, хотя и деревянный, но очень просторный и светлый, находился на Троицком мысу, недалеко от того места, где сейчас стоит дворец наместника. Стены комнат были убраны шелковыми обоями с вышитыми золотыми и серебряными цветами. Картины для губернаторского дома написал С.У. Ремезов с сыновьями.

По рассказам современников, роскошь Гагарина доходила иногда до крайности: даже колеса его кареты были окованы серебром, а подковы лошадей были чисто серебряными. Известно также, что образа в спальне губернатора стоили более 130 тыс. рублей.

Причиной опалы, следствия с пристрастием и смерти Матвея Гагарина явилось золото. В этот период в Сибири шел процесс масштабного разграбления древних курганов и могил.

Сокровища Софийского собора

В XVIII в. к Софийско-Успенскому собору были сделаны две пристройки — придел Иоанна Златоуста и ризница. На протяжении многих лет в ризнице хранились драгоценные предметы: серебряные кубки, золотые кресты, митрополичьи митры. Здесь же, по преданию, хранилось одно из ермаковских знамен.

Сибирский историк и богослов Александр Иванович Сулоцкий во второй половине XIX в. оставил описание драгоценных

вещей соборной ризницы, крестов, плащаниц, воздухов, облачений, панагий, посохов и т.д.

Из описания предметов церковной ризницы: Евангелий — 12 (самое старое датировано 1677 г.), крестов на престольных — 10 (самый ценный датирован 1621 г. и был вручен первому архиепископу Киприану патриархом Филаретом), священных сосудов — 10, плащаниц — 2, воздухов — 22, ковшей серебряных — 3, облачений архиерейских — 9, митр — 17, клобуков — 2, лампад серебряных — 16, подсвечников серебряных — 16 и т.д.

В библиотеке соборной книг — 288. Количество всех предметов, по Сулоцкому, равнялось **557**.

В 1902 г. на основе коллекции ризницы было открыто церковное древлехранилище. На момент открытия в нем находилось **908** предметов.

В таком виде ризницу Софийского собора застала Гражданская война. Сокровища ризницы остались в городе и ...пропали. След церковных ценностей затерялся в дневниках участников событий и архивных фондах.

Рассмотрим четыре версии пропажи сокровищ.

Версия 1. Сокровища вывезли красные.

Весной 1918 г. в Тобольске была установлена советская власть. Причем Советы уже были в других городах Сибири, а в Тобольске вся власть была сосредоточена в руках комиссара Временного правительства В.Н. Пигнатти.

26 марта 1918 г. из Омска в Тобольск на подводах прибыл отряд красногвардейцев под командованием Демьянова и его адъютанта Дегтярева (оба урожденные тоболяки). Отряд численностью в 80 человек производил впечатление разношерстной массы: в нем были солдаты, матросы, рабочие, крестьяне и лица без определенных занятий, маргинальный и часто преступный элемент. Отряд разместился в бывшем духовном училище недалеко от кремля.

Каково же было состояние города на момент прибытия красных? Красногвардейцы Демьянова застали тихий, уютный провинциальный городок. Городок чиновников, мещан, духовенства и купечества. Городок, который, казалось, обошли стороной перемены, происходящие в стране.

Демьяновцы узнали, что в Тобольске в ссылке, в губернаторском доме проживает бывший император Николай II с семьей. Возле Романовых прислуга и приближенные, всего 45 человек. С царской семьей привезено в Тобольск разных вещей на три железнодорожных вагона, то есть 2800 пудов груза.

Кроме того, в Тобольске проживает ярый враг советской власти епископ Гермоген, по инициативе которого был создан монархический «Союз фронтовиков». У бывшего царя с епископом налажена переписка через надежных лиц — священника о. Алексея (Васильева) и игуменью Иоанно-Введенского монастыря Марию.

Чувствуя свою слабость, отряд Демьянова обратился за подкреплением. На помощь им из Екатеринбурга прибыли две роты красноармейцев-латышей под командованием революционного матроса Павла Хохрякова.

9 апреля 1918 г. был создан Тобольский исполнительный совет из 15 человек во главе с Хохряковым. Одним из первых мероприятий исполкома был расстрел всех причастных к «Союзу фронтовиков».

18 апреля 1918 г. комиссаром Яковлевым из Тобольска были увезены по санному пути бывший император, его жена Александра Федоровна и дочь Мария. 20 мая последние Романовы покинули Тобольск...

После отъезда царской семьи исполком занял комнаты губернаторского дома, с картинами, мебелью.

Однако красные на сей раз задержались в городе ненадолго.

По воспоминаниям большевика **П. Никитина**, участника событий:

«В ночь на 14 июня 1918 г. по возвращении т. Демьянова из Омска со всеми, какие были в Омске, пароходами, так как Омск уже был занят чехословаками, пришлось эвакуироваться исполкому, то есть советской власти, из Тобольска. Эвакуация для исполкома была настолько неожиданной, что были оставлены многие товарищи из исполкома и отделы. Все дела в ночь на 14 июня 1918 г. были сожжены, а ценности и оружие увезены. Отряды и исполком на 33 пароходах отступили не на Тюмень, а по Тавде на станцию Каратунка».

Версия 2. Вывезли белые.

До октября 1919 г. сокровища находились в Тобольске. Но уже в конце августа стало ясно, что наступление красных не сдержать. Было принято решение эвакуировать ценности в Томск. Правда, сохранилась телеграмма от служащих отделения Государственного банка, которые называют местом эвакуации не Томск, а Сургут. Служащие очень опасались за груз, который может быть оставлен на берегу Оби, поэтому просили о срочной отправке груза на пароходе «Иван Корнилов» в Омск.

Но пароходы «Ростислав» и «Пермяк» все же отправились в Томск. На борт этих судов были погружены тобольские православные реликвии, в том числе серебряная рака от мощей митрополита Иоанна Тобольского, весом 35 пудов.

Дальнейшая история, передаваемая из уст в уста десятками кладоискателей, гласит следующее. Ранняя зима застала груз около села Тундрино, пароходы застряли во льдах. Белогвардейцы во главе со штабс-капитаном Киселевым выгрузили ценности на берег, потом закопали где-то в тайге...

В 1968 г. охотник Василий Селиванов в верховьях Малой Сосьвы наткнулся в тайге на необычный объект — земляную пирамиду, высотой метров восемь, шириной десять на девять метров. На вершине пирамиды глухари устроили токовище. На песке охотник нашел несколько золотых монет.

В 2000 г. охотник пришел в редакцию газеты «Новости Югры», рассказал про пирамиду, показал монеты. Через 2 года была предпринята экспедиция. Были найдены две похожие пирамиды, однако клад не был найден. Возникли сомнения: были ли монеты Селиванова принадлежностью клада штабс-капитана Киселева? Участники экспедиции однозначно признали, что далеко от села Тундрино — почти 140 км. Зачем белым тащить ценности в такую даль? Ведь еще не установился зимник?

Версия 3. Спрятано в районе Тобольска в «надежном месте».

Третья версия — сокровища Софийского собора спрятаны в районе Тобольска в надежном месте.

Есть предание о том, что, когда белая армия отступала из Тобольска в октябре 1919 г., в Иоанно-Введенском монастыре (10

км от города) появился большой обоз, на телегах находились ящики, крытые рогожами. Всем монахиням игуменья велела находиться в кельях, но две монашки были в это время в городе и, когда возвращались, стали свидетелями земляных работ. Солдаты выкопали яму в устье оврага, недалеко от монастыря и начали сносить туда ящики. Это место до сих пор не установлено.

Можно предположить и такое. Сокровища все же погрузили на пароходы, но в нескольких десятках верст от города груз был снят и спрятан в «надежном месте».

Одним из таких мест может служить расположенное в 32 км от Тобольска бывшее село, а сейчас деревня Кугаево. Этот населенный пункт имеет в себе уникальный памятник, единственную каменную церковь Левобережья, храм Рождества Христова, построенный в 1798 г. Небогатое село и окрестные деревни содержали церковь в прекрасном состоянии. Даже сейчас видны следы былого великолепия. В храме имелась и своя ризница и, самое интересное, что в ней до 1937 г. (времени закрытия церкви) хранились книги XVII в. и драгоценная утварь, часть из которой сейчас находится в Тобольском музее-заповеднике.

Есть предание, что из церковного подвала ведут два подземных хода. Один заканчивается в нескольких метрах от церкви, другой выходит на русское кладбище.

Могли ли сокровища Софийского собора вывезти в Кугаево и спрятать в подвале Рождественской церкви? Данная версия спорна и требует проверки. Если предположить, что пароход из Тобольска вышел вечером 22 или 23 октября 1919 г., когда стемнело, пароход остановился возле пристани (деревня Голошубино). Отсюда до церкви около километра, значит, нужна была подвода (или несколько подвод). Транспорт мог предоставить Николай Голошубин, богатый крестьянин, торговавший рыбой. Его дом стоял крайний у берега. Ценности могли перевести на кладбище, откуда по подземному ходу перенести в подвал церкви.

Предположим и такое, сокровища не спрятали в Кугаево, а повезли дальше. Следующей остановкой парохода было село Бронниково на правом берегу Иртыша. Село большое, многолюдное. Храм до нашего времени не сохранился, так как был разрушен до основания.

Версия 4. Никуда не вывозилось. Заслуживает внимания и такая версия.

В 1921 г. было принято решение передать предметы из ризницы в Тобольский музей Севера.

25 июня 1925 г. инспектор районного финансового отдела Тобольского округа Бойцов и директор музея Тарунин в присутствии членов общины Софийского кафедрального собора подписали акт о передаче части предметов из ризницы в музей.

В начале 1930-х гг. Софийско-Успенский собор стали использовать для содержания раскулаченных крестьян. В это время в Тобольске и его окрестностях комиссию по изъятию ценностей возглавляли товарищи: Мовшензон, Калиш, Спиржарский, Студитов, Рудаков, Попков, Кошунов. Именно на них ложится вина за то, что собиравшееся веками было растащено и разворовано.

Золото в гробах

Осенью 1918 г. в один из сентябрьских дней жители Тобольска были встревожены необычной похоронной процессией. От кремля через весь город в сторону деревни Жуковки везли около десятка закрытых гробов.

Кто или что находилось в тех гробах, горожане не знали, и вскоре по городу поползли слухи: «Десять человек нигде не умирали, не иначе, монахи в гробах везли церковное золото. В Жуковке золото зарыли...»

Подогреваемые слухами сразу появились охотники до золота, но, как ни старались, ни самого золота, ни даже гробов не нашли.

Меж тем золото, если оно, конечно, есть, лежит в земле и ждет своего часа.

Сокровища царской семьи

6 августа 1917 г. в Тобольск на пароходе «Русь» прибыла семья императора Николая II. Сразу встала проблема размещения бывшей царской семьи. В городе было только одно помещение, отвечавшее всем требованиям: дом тобольского губернатора на улице Свободы, но он был разграблен. Там не было даже необходимых вещей — только голые стены. Поэтому еще

целую неделю царская семья прожила на пароходе «Русь», пока дом приводили в порядок, и только 13 августа началось вселение в него.

Романовы занимали весь второй этаж, на первом этаже была устроена столовая, проживали слуги. Вместе с царской семьей в Тобольск прибыло 45 человек: приближенные и слуги. Из светского мужского персонала с бывшим царем поехали в Тобольск: граф Татищев, князь Долгоруков, доктор Боткин, который лечил Александру Федоровну, доктор Деревянко, лечивший Алексея и считавшийся врачом отряда особого назначения, француз Жильяр и англичанин Гиббс. Из свиты женского персонала: графиня Гендрикова, Шнейдер и четыре фрейлины. Слуги и приближенные разместились в доме купцов Корниловых, купеческой гостинице «Лоскутная», городских квартирах.

Непосредственной охраной бывшей царской семьи занимался отряд особого назначения под началом полковника Кобылинского, и был составлен из отборных солдат трех гвардейских стрелковых полков: 1-го, 2-го и 4-го в числе 337 человек с 7-ю офицерами. Большинство солдат отряда отличалось внутренней дисциплиной и военным видом — опрятностью. За исключением немногих отряд состоял из настоящих бойцов, пробывших по два года на позициях под огнем немцев, очень многие имели по два золотых Георгиевских креста. Это были настоящие боевые, а не тыловые гвардейцы, высокие, красивые и дисциплинированные.

Время проживания в Тобольске для Романовых было относительно спокойным: дети занимались уроками, читали, бывший император работал в своем кабинете. В «Доме Свободы» появились домашняя птица, был вырыт прудик для уток. В теплые дни Романовы любили принимать солнечные ванны на крыше оранжереи.

8 сентября 1917 г. Романовым разрешили посещать Благовещенскую церковь. Посещение храма продолжалось до 25 декабря, после было запрещено, и иконостас был установлен в большом зале губернаторского дома. Службу проводил священник Благовещенской церкви о. Алексей (Васильев) и две монашки Иоанно-Введенского монастыря. В губернаторском доме

часто бывала и игуменья монастыря Мария. Она приносила продукты, письма, передавала на волю письма «царственных мучеников».

Именно ей через камердинера Чемодурова Александра Федоровна передала часть драгоценностей. Накануне смерти игуменья Мария передала тайну клада инокине Марфе Уженцевой, а та в свою очередь бывшему рыбопромышленнику Василию Корнилову.

Ценности, зарытые в подполе старого дома на берегу Иртыша, чекисты обнаружили поздней осенью 1933 г. Всего было найдено 204 предмета (154 наименования) на общую сумму 3270693 зол. рубля. Однако оценка клада была весьма приблизительна. Среди найденного попадались предметы драгоценные и поистине уникальные, например, брошь с бриллиантом в 100 карат и три шпильки с бриллиантами в 36–44 карата.

Этого показалось мало. Решили проверить реальную основу упорно ходившего по городу слуха о пропавшей золотой шпаге цесаревича Алексея. Причастным к тайне мог быть только о. Алексей, священник Благовещенской церкви. Но найти шпагу не удалось. Священник к этому времени уже умер, а его родственники не смогли ничего сказать о кладе.

Начался поиск царского клада, не оконченный до сих пор. Стали искать на территории и в окрестностях Иоанно-Введенского монастыря. Любопытство подогревал рассказ нянечки Ивановского интерната Мкртчян, которая воспитывалась в монастыре. Она говорила, что осенью 1917 г. монастырь посетила царская семья и оставила какие-то ценности.

В погоне за кладом воспитанники обследовали чердаки близлежащих домов и простучали стены храмов. Клад они нашли, но не царский. Ребятам досталась коллекция разменной серебряной монеты 1818–1916 гг., количество всех найденных монет равнялось 570.

Загадка кладенного креста

В фондах Тобольского музея находится интересный предмет — это каменный крест, весь испещренный едва разборчивыми надписями. Надпись на кресте гласит следующее:

«Сей крест заветный кладенная сия поклажа сибирским пугачевским воинами двадцати пяти человеками, есаулом Змеюлановым свидетельствована казна и положена в сундук счетом, инпериалами сто тысяч, полуинпериалами пятьдесят тысяч, монетами тоже пятьдесят тысяч, да кто сей крест заветный счастливым рабом найдет тот и казну нашу возмет — нашу казну возмите и посибе делите друг друга не обитте — но вместо нашей казны по завету нашему положите в ту яму двух младенцев, то во избавлении их положите за каждую голову по двести монетов, но не звонкой, а бумажной царской для вечной потехи стражам нашим, а без исправного завета и к казне к нашей не приступайте, ибо наши стражи страшны и люты, чего делают рабам противно их не видно, а за свое будут стоять крепко; по вынятии сего заветного креста и завета готового ищите отговорщика, а отговорщик должен знать как показано на семи главах сего креста, как сделать завет, потом завещания и как нашим сторожам управляются по зделании завету к вынятии поклажи приступать в шестую полночь, а когда казну нашу вымите, то сей крест ... и засыпте свой завет слушатся отговорщика как сказано выполните и казну нашу получите. Аминь». Как говорилось, на семи гранях креста должен находиться завет, но по граням идут буквы К, Б, ТП, Н, ПД, О, М.

Загадочный кладенный крест был передан священником Машиновским хранителю Тобольского музея Н.А. Лыткину. Священник указал, что крестьяне даже пробовали копать землю на месте находки креста, а потом, войдя в раж, перерыли всю округу.

Художник Михаил Знаменский рассказал также, что крест был найден на меже, отделяющей деревню от соседней. Между крестьянами двух деревень возник спор о праве владеть крестом, дошедший до дубинок; возникло следственное дело, вещественным доказательством которого и явился заветный крест.

Вглядимся в надпись на кресте. Необычна фамилия пугачевского есаула — Змеюланов, т.е. имеющий змеиную породу. В рассказах о нечистой силе Огненный Змей приносит своему хозяину богатство, а если осерчает, замучит до смерти.

Далее следует «положить в яму двух младенцев», что, по народным поверьям, в порядке вещей, ведь, как мы уже упо-

минали, особенно богатый клад бывает положен на определенное число «голов».

Клад следует вынимать в полночь, да еще в шестую, с помощью отговорщика — колдуна, а «отговорщик должен знать, как сделать завет и как со сторожами управиться». Сторожит же клад, как известно, нечистая сила.

Но, взглядевшись повнимательнее в надпись на кресте, можно заметить, что надпись выполнена совсем другими буквами, чем во времена Пугачева. Из чего можно сделать вывод, что кладенный крест, скорее всего, искусно выполненная подделка. Остается только узнать, кто и с какой целью изготовил этот крест и имел ли он под рукой крест «настоящий», с точным указанием места клада.

В общем, завеса тайны над кладенным крестом только приоткрыта, она ждет своих исследователей, а сам крест — тщательного изучения.

Легенды села Супра

В ста километрах от Тобольска, в нынешнем Вагайском районе, находится село Супра. Рассказывают, что жил здесь в старину некий человек Супра, от которого и пошла деревня.

В начале 60-х гг. теперь уже прошлого, XX в. при разборке двухэтажной сельской школы рабочие обнаружили клад медной сибирской монеты. Вес найденного составил 4 килограмма. Кто и когда спрятал монеты, неизвестно, однако это говорит о том, что и в то время в наших местах состоятельные люди встречались. А предания об их богатстве в селе ходят до сих пор.

«На речке Листвянке, — рассказывал старый лесник, — наткнулся я на одну лиственницу. Есть эти деревья в наших местах. У той лиственницы в стволе дупло, а в нем оружие старинное — ружья, и пистолеты, и утварь всякая. Я, дурак, ничего трогать не стал, а когда в следующий раз пришел, не нашел ничего».

Всякое о том судачили. Кто говорил, что спрятали добро лихие люди, кто Ермака вспомнил, кто Кучума.

Меж тем жителей заинтересовала другая находка. На берегу Иртыша ребяташки нашли древние бронзовые кинжалы и пряжки с изображением диковинных зверей. Некий коллек-

ционер из Вагая за небольшую цену приобрел у ребят один из кинжалов, на рукояти которого были два обращенных друг к другу коня. Кинжал у него хранился некоторое время, но потом затерялся при переезде.

Вторично приехав в Супру, он пытался приобрести еще что-нибудь из тех находок, но уехал ни с чем. Лишь увез рассказ одной старухи о священной яме.

Яма та, по ее рассказу, находилась где-то в окрестностях села. В старину по весне старики татары ходили через речку Змеевку к Дальней роше на моление. В роше они молились, а уходя, повязывали ленточки на старую лиственницу и бросали в яму серебряные монеты.

Воодушевленный рассказом старухи, коллекционер выехал на место, но сколько ни бродил по лесам — ямы найти не смог. Может, что напутала старуха, а может, специально указала ему неправильный ориентир.

Вслед за первым кладоискателем в Супру и ее окрестности потянулись другие собиратели древностей. Подготовлены они были серьезней. Имели карту-километровку, несколько старинных планов деревни, а кроме того, японский металлоискатель, чувствительный на цветные металлы.

Не мудрствуя лукаво, они обследовали все село и нашли в одном месте клад серебряной и медной монеты XVIII века, а в другом — серебряный наперсный крест. Сдавать государству найденное не торопились — у них насчет клада были другие мысли.

В настоящий момент умы селян заняты царскими червонцами, которые якобы спрятал в Гражданскую войну богатый крестьянин. Найдут ли?..

Тобольские клады

Богатое наследство

Осенью 1961 г. на улице Семакова при копке огорода был найден клад серебряной разменной монеты 1861–1916 гг. и бумажных денежных знаков начала XX века, свернутых в трубки и помещенных в шести стеклянных бутылках. Вес найденного серебра составил около 11 кг.

...Осень выдалась сухая, хотя лето тянулось дождями.

Александра была рада — копать картошку приехали дети, привезли внучат. Даже самый старший сын оставил свой Север и заглянул к матери. Вчера вечером он пил самогон и стучал по столу огромной ладонью, сейчас же орудовал вилами.

Лезли внучата: что если клад найдем — рядом церковь старинная, вдруг что попы припрятали?

Да откуда этому кладу взяться?! Ведь все перекопано вдоль и поперек. Богатеев тут не было, сама Александра жизнь прожила от получки до получки, муж покойный, бывало, все до копейки пропивал да еще мордовал по паре раз на неделе. Тетка родная монашкой была, да не помнит ее Александра.

От раздумий отвлек возглас младшего. Он стоял на коленях над вывороченным гнездом с горлышком разбитой бутылки в одной руке и горстью серебра в другой...

В обед рассмотрели все найденное. Бумажных царских денег было много, а монет и того больше, но все по 10, 15 и 20 копеек.

— Серебро низкопробное, — подвел итог грамотный младший, — можешь, мать, его сдать в утиль.

Сам он отобрал из всей кучи несколько монет — жене и дочке на цепочки. Средний к находке отнесся равнодушно, чего, мол, трезвонить, не золото ведь. А старший и вовсе побрезговал, только монетку покатал по ладони и бросил. Северянин...

Александра, конечно, в утиль найденное не понесла.

Раздарила, раздала, сколько смогла, соседям — кому на перстенок, кому на цепочку. А оставшееся в музей снесла — там-то это «добро» пригодится.

На следующий год приехали только два сына. На сей раз копали усердно, в землю всматривались, но ничего больше найти не смогли.

Хочется сказать, что случай с Александрой не такая уж редкость. В понятии простого человека «клад» — это сундук, набитый драгоценностями, ему и в голову прийти не может, что какая-то монетка, какой-то черепок, изразец имеет ценность.

Найдя горсть «низкопробного» серебра, обыватель скоро отправляет его в переплавку, но если бы он обратился к специалис-

ту, то выяснил бы интересную вещь — каждая монетка имеет свою цену. К примеру, монета в 20 копеек 1916 г. серии ВС из находки Александры «потянула» бы на 100–150 полновесных «деревянных» рублей. Получается, что не таким уж бедным оказалось наследство, только нужно правильно оценить его.

Бронзовые диски из Сузгуна

В мае 1962 г. в Сузгунском урочище под корнями огромной вывороченной сосны школьники нашли несколько десятков бронзовых дисков. Клад был найден в логоу, в котором находилось поселение Сузгун-2. Сотрудники Тобольского музея датировали находки ранним железным веком...

Наступал железный век. Под звон мечей и лошадиное ржание пришел он в Сибирь.

Отдельные семьи ранее мирных скотоводов объединялись и целыми ордами уходили в дальние кочевья, перегоняя скот, везя скarb, жен и детей.

Человек приручил лошадь и приспособил ее для верховой езды. Кочевники обладали самым совершенным оружием — железным, что позволило им одолеть и обложить данью оседлых земледельцев, вооруженных бронзовым оружием.

Узнав о приближении кочевников, земледельцы укрывались в своих поселках, укрепленных валом и изгородью, прятали в землю священные предметы.

Пришельцы сжигали поселки, побивали защитников, брали себе их имущество и женщин. Спрятанные же вещи продолжали таиться в земле...

В Западной Сибири в раннем железном веке сформировалась одна из удивительных археологических культур — саргатская. Территория распространения ее памятников занимает пространство от предгорий Урала до Барабинской степи. На юге саргатцы занимали северную границу степи, а на севере границы культуры доходили до устья Тобола. В нескольких километрах севернее нынешнего Тобольска было порубежье, отделявшее кочевников от земли, что в будущем получит название «Югра».

Больших успехов саргатцы достигли в металлургии железа. Если для развития литья бронзы не было сырья, то сырьем для

производства железа являлась болотная руда. Для выплавки железа строили небольшие глиняные домницы, в которых слоями засыпались руда и древесный уголь. В результате получался пористый слиток железа, из которого выковывался кусок металла.

Саргатские кузнецы уже умели закалять сталь. Из стали изготавливали оружие ближнего боя — мечи и кинжалы, а из железа — наконечники стрел, ножи, топоры, наконечники копий, удила.

Благодаря военным походам и торговле саргатская знать скопила огромные богатства. Над могилами богатых саргатцев насыпали огромные курганы, некоторые из них в древности могли достигать высоты пятиэтажного дома. В курганах находились многочисленные золотые украшения и дорогая посуда, но большинство из них было разграблено в XVIII веке, а саргатские сокровища составили «Сибирскую коллекцию» Петра I.

«Урожайные» шестидесятые

Богаты различными находками были 1960-е гг. Тогда находили случайно и помногу. Приведем лишь некоторые из находок того времени.

В сентябре 1961 г. ученик школы № 14 В. Медведев в обвале Панина бугра нашел клад серебряных вещей XIX века. Ряд вещей: рожок для кормления, карманные часы, серьги и запонка, — был передан им в Тобольский музей.

По улице Слесарной клады бумажных денежных знаков находили дважды. Один раз в сентябре 1961 г., другой раз — в апреле 1963 г. Бумажные деньги были уложены в литровые бутылки и спрятаны под полом амбара.

Клады бумажных денег находили в августе и сентябре 1965 г. в деревнях Антоновой Вагайского района и Фоминой — Тобольского. Особого значения находкам не придавалось, потому как почти в каждой деревне в старых домах можно было найти бумажные дензнаки царского времени. Однако интересная находка была сделана на чердаке дома по улице Слесарной, 25, в марте 1962 г. Ученик школы № 14 В. Навильников обнаружил коллекцию бумажных денежных знаков России, выпущенных в разных городах и районах страны в 1918–1923 гг.

Находки семидесятых

Хочется сказать лишь о некоторых из них.

На Севере, в Ямало-Ненецком автономном округе, есть место под названием Белая гора. Жители окрестных сел Мужи и Шурышкары на протяжении многих лет находили там черепки древних сосудов, литые фигурки людей и животных.

Летом 1976 г. во время этнографической экспедиции поселки посетили сотрудники Тобольского музея-заповедника. Ими у местного населения был собран археологический материал с памятника Белая гора.

Учеником Шурышкарской школы Николаем Рочевым было передано в музей 447 предметов, собранных им на берегу сора у подножия Белой горы, среди которых медные кольца и перстни, нашивные круглые бронзовые бляхи, лапчатые подвески, обломки серебряных бубенцов, серебряные цепочки, антропоморфные и зооморфные изображения, обложки металлических обкладок, бусы и бисер.

В это же время от жителя с. Мужи В. Коновалова поступил клад серебряных вещей с Белой горы, состоявший из обкладок шкатулки и четырех нашивных пластин, выполненных в среднеазиатском стиле. А В. Петрачук отдал ученым нашивные серебряные пластины с рельефным орнаментом и серебряные украшения: кольца, бляхи, подвески, крючки.

Большое количество серебра на Белой горе объясняют тем, что когда-то этот памятник был могильником, а потом стал жертвенным местом.

Интересная находка была сделана в конце 1970-х гг. В Венгеровском районе Новосибирской области на берегу р. Оми студентом Омского университета Сергеем Вдовиным был найден древнерусский меч.

По словам академика А.П. Окладникова, это была первая находка на всем пространстве от Муром до Барабинских степей.

Свердловские археологи, ссылаясь на академика Б. Рыбакова, предположили, что меч мог принадлежать одному из дружинников Владимира Мономаха. Однако с этим был не согласен профессор В.А. Могильников. По его словам, меч не русский, а скандинавский. На Омь же он мог попасть в результате

торгового обмена. И это неудивительно, если учесть, что на угорских святилищах находят вещи из Ирана, а в районе Тобольска было найдено китайское зеркало III в. до н. э.

В семидесятые годы продолжались находки различных кладов в самом Тобольске и Тобольском районе. Так, еще в сентябре 1970 г. по улице Мира был найден клад медных монет 1870–1916 гг. Количество найденных монет было около пяти сотен.

В декабре 1971 г. похожий клад был найден в Тобольском районе на горе вблизи д. Белой. На этот раз количество монет было 323 штуки.

В августе 1972 г. в д. Башковой при разборке старого дома был найден клад бумажных денежных знаков 1898–1923 гг.

В 1975 г. клад бумажных денег находили не раз. К примеру, в д. Дегтяревой Тобольского района на чердаке дома и в самом Тобольске при разборке стены Спасской церкви.

В марте 1978 г. на берегу Иртыша были найдены серебряные татарские украшения с подвешенными на кольцах российскими и польскими монетами и вставками из драгоценных камней.

Слово о восьмидесятых

Восьмидесятые годы принесли новые находки. Было их немного и не особо ценные, но и они заслуживают нашего внимания.

В апреле 1982 г. под навесом дома по ул. Горького был найден клад российской медной монеты 1870–1916 гг.

В сентябре 1985 г. учениками школы № 4 в старом доме по ул. Октябрьской был найден клад серебряных и медных монет и денежных знаков начала XX в.

В ноябре 1986 г. при ремонте дома в д. Киселевой Вагайского района был найден клад бумажных денежных знаков 1898–1921 гг. Клад находился в глиняном горшке. Количество всех купюр равнялось 99.

«Заначки» времен путча

Запаслив наш человек. Хороший хозяин держит кубышку на «черный день». Нумизматами не рождаются, ими становятся. Кому просто нравится собирать металлические кругляши, а кто-то превратил хобби в доходный бизнес (тут оказалось, что нумизматика — это неплохое вложение капитала). Да и пресло-

вугая кубышка может пригодиться — в бурном море современности можно ждать чего угодно.

В 1991 г. распалась, казалось бы, нерушимая империя — Советский Союз. Теперь у каждого из нас можно найти пару-тройку металлических денежных знаков времен 1961–1991 годов.

Несколько лет назад был всеобщий бум на советские металлические рубли, тогда некий «специалист» выявил в составе их сплава иридий. Рубли тогда меняли на кроссовки, кожаные куртки, переплавляли в изделия. А о том, что и простые монетки могут дорого стоить, мало кто догадывался.

Меж тем, в 1997 г. на «черном» рынке 15-копеечная монета 1970 г. тянула на 100 тысяч рублей (цены, если не забыли, в те годы были в тысячах). А «двадцатик» 1976-го г. — 120 тысяч. Такая большая стоимость была связана с их небольшим тиражом.

Среди денег, имевшихся в обращении до реформы 1961 г., наибольшую ценность имеет серия монет 1958 г. Официально она не вышла в обращение, но экземпляры иногда встречаются. Самая дешевая из этой серии монета стоила 500 тыс. рублей — это гривенник. А монеты номиналом в 5, 15, 50 копеек и 1 рубль оценивались примерно в 2,5 млн. рублей каждая.

Довольно большую ценность для коллекционеров представляют «монеты-ошибки». Время от времени они появляются на свет. К примеру, на гербе 10-копеечной монеты 1957 г. пшеничные колоски обвивают 16 лент вместо 15. Цена такой оплошности составляет около 100 долларов. Иногда бывают ошибки в датах. Так, на рублевой юбилейной монете «Прокофьев» неправильно указана дата смерти (1952 г. вместо 1953). Такой рубль сейчас стоит около 350 долларов США.

Так что старые денежки еще послужат. Заветные кубышки с монетами советского времени когда-то станут богатыми кладами.

Проданный за бесценок

Осенью 1999 г. в одном из домов по улице Розы Люксембург был найден клад серебряной польской монеты XVII в. Клад находился в жестяной коробке из-под китайского чая.

Человек, нашедший клад (назовем его условно Иваном Ивановичем), даже приблизительно не догадывался о реальной

стоимости найденного, поэтому обратился к «специалисту» Антону Антоновичу, что жил по соседству.

Антон Антонович быстро сориентировался, мельком взглянул на клад, тут же назвал сумму в тысячу рублей и даже пообещал найти покупателя, запросив пол-литра за посредничество.

Иван Иванович сразу же согласился. Через пять минут «деловые» соседи попрощались: Антон Антонович пошел искать покупателя, а Иван Иванович побежал в магазин «Огонек» за поллитровкой.

Вечером Антон Антонович привел соседу некоего собирателя древностей. Тот быстро отчитал тысячу рублей, собрал найденные монеты и ушел.

Обрадованные приятели тут же сели за стол обмыть успешно проведенную сделку. Им и в голову не могло прийти, насколько они обманулись, ведь настоящая стоимость клада была в семь, а то и десять раз выше.

Собиратель древностей продал монеты коллекционерам и теперь во многих частных собраниях Тобольска можно встретить монеты Сигизмунда III и Владислава II из проданного за бесценок клада.

Небесные каменные стрелы

Повелитель погоды

Одно из первых упоминаний о метеорите, упавшем в Сибири, встречается в летописи Семена Ремезова. Рассказывая о походе Ермака, Ремезов писал: «...и погребоща к Ташаткану городку. И в том городке спал камень с небеси, величество как бы воз с санми, видом багров, и от него до времени восходит стужа, дождь и снег. И о сем Ермак с товарищи дивился Божию деянию».

Незадолго до прихода Ермака в Сибирь над местным озером (которое русские называли «Чертова яма») вспыхнул яркий клубок огня. Многих татар, находящихся под открытым небом, так ослепило, что они на долгое время потеряли зрение. Запомнилось им, что огненный клубок оглушающе свистел и шипел, потом разразился страшным громом, от которого затряслась земля.

Позднее рядом с озером все увидели огромный камень. Часть его глубоко ушла в землю. Оставшаяся же оказалась настолько

раскаленной, что к ней нельзя было прикоснуться. Валил от диковинного камня крутой пар...

Назавтра в верховья Иртыша пришли лютые холода, посыпались хлопья снега, смешанного с дождем. И это в самый разгар лета!

С тех пор камень стали называть «повелителем погоды». Все изменения погоды начали приписывать небесному камню.

Недалеко от места падения камня стоял городок Ташаткан. Название его в переводе с татарского звучит, как «Каменная стрела».

После покорения Сибири местные жители из городка, желая задобрить грозного атамана, показали Ермаку тайное место, где хранился камень, якобы ниспосланный Аллахом. Камень никому из чужих раньше не показывали, ходили поклоняться ему.

Летописец дает представление о величине и внешнем виде небесного камня. Это был крупный метеорит. Можно предположить, что он весил примерно 15 пудов, около 240 кг (сани, на которых ездили в те времена, не могли выдержать более тяжелых грузов).

Рассказывая о ташатканском метеорите, Ремезов ничего не сообщает о том, что стало с камнем в более поздние времена. Однако можно предположить, что татары, поклонявшиеся небесному камню, показывавшие его самому Ермаку, не стали бы его уничтожать, разбивать и не выбросили бы куда попало. Вряд ли они вздумали бы перевозить таинственную глыбу в далекие края — слишком дорожили ею.

Но Ермак не мог обойти вниманием этот загадочный предмет. Можно предположить, что в голове атамана возник замысел вывезти «каменную стрелу» в город Сибирь (Искер, Кашлык) и с помощью его весь край подвести под свою руку.

Есть версия, что везти камень на струге по Вагаю (особенно в устье) было очень опасно, — быстрое течение, омуты, коряги... Поэтому была прорыта «Ермакова перекопь», по которой казаки могли пройти на Иртыш.

Так оно бы и вышло, если бы не ночное нападение кучумцев. В ночном бою Ермак погиб, но и камень хану Кучуму не достался...

Однако в эту легенду не поверили энтузиасты астрономо-географического общества из Омска, снарядившие экспедицию

в 1974 г. на поиски «каменной стрелы». Путь искателей лежал по Иртышу до Тевриза, затем пешком до селения Байба и, наконец, до Ташаткана. Проводником энтузиастов был местный житель Вахит Урузмухаметов. Охотник, исходивший верховья Иртыша, сам камня никогда не видел.

В старых Ташатканах внимание участников экспедиции привлек небольшой курган. Вдруг под вековыми слоями земли как раз и скрывается загадочный «повелитель погоды»?

Начались раскопки. Длились они недолго, да и результаты их не очень порадовали. Единственная ценность, извлеченная из кургана, — кости мамонта.

Но ташатканский камень все же существовал. Об этот говорят не только предания, но и документальные свидетельства. Здесь было бы уместно вспомнить о «Ермаковой перекопи». Несколько лет назад один из рыбаков недалеко от места впадения Вагая в Иртыш видел на дне огромный камень красного цвета. Рыбак принял его за кусок меди (если бы сдать его, вот радость-то!).

Он дождался времени, когда вода убудет. Позвал друзей, но, сколько они ни ходили по берегу, сколько ни глядели на воду, камня не было...

По сей день лежит где-нибудь в селении Ташатканском или на дне Вагая огромный метеорит — «каменная стрела», «повелитель погоды».

«Громова стрела»

В Сибири, в городе Омске, долгие годы жил и работал замечательный ученый и поэт профессор Петр Людовикович Драверт (1879—1945 г.). Он разыскал в тайге и в степи, на берегах рек и в глухих деревнях много небесных камней. Изучая старинную рукопись «Сибирский летописец», относящуюся к концу XVII— началу XVIII вв., профессор Драверт нашел метеорит... не выходя из своего кабинета.

Описывая события, происшедшие в Тобольске в 1684 г., летописец сообщал: «Того ж года бысть гром великий, и в том грому из тучи паде камень, иже просторечием зовом Громова стрела; ударе камнем в церковь Николая Чудотворца... и прошибло у

церкви в северную сторону верх на шее у большой главы, и оттоле паде на паперть Дмитрия Солунского и прошибло верх, и бысть тот камень внутрь церкви в пределе, и побило немного».

Драверт радовался своей находке. Летопись рассказывала о древнем метеорите, упавшем еще в конце XVII века.

Этот метеорит заинтересовал ученого еще и потому, что попал он в купол церкви. А случаи попадания небесных камней в постройки чрезвычайно редки. За последние два столетия их зарегистрировано всего около тридцати. Все они изучены и подробно описаны в литературе.

Попадание метеорита в постройку — это не только необычное происшествие. Изучая такие попадания, ученые получают возможность более точно определить параметры движения небесных камней в межпланетном пространстве, представить себе, как происходил полет небесного камня через атмосферу.

Драверт внимательно вчитывался в строки летописи. Он представлял себе Тобольск того времени — старинный город на горе со множеством церквей и храмов, знаменитую деревянную лестницу Прямского взвоза и церковь Николая Чудотворца с приделом Дмитрия Солунского внутри. Был яркий солнечный день. («Если бы метеорит упал ночью или в пасмурную погоду, — рассуждал ученый, — в летописи говорилось бы о всевозможных световых явлениях».) В церкви Николая Чудотворца шло богослужение, народу было полным-полно — бояре, служивый люд и посадские, купцы, мастеровые-ремесленники, владельцы мыловаренных и кожевенных заводиков. И все с семьями — со всеми своими чадами и домочадцами.

И вдруг что-то сильно ударило в купол церкви. И все увидели, как камень (был он, по-видимому, не очень велик, это Драверт заключил из слов «побило немного»), пробив отверстие под большой главой церкви, упал внутри придела Дмитрия Солунского, на паперти. В первую минуту все испуганно попятись от камня, образовав вокруг него пустое пространство.

Потом начали креститься. Женщины заплакали, запричитали. Когда же испуг прошел, кто-то, осмелев, подошел и поднял камень. Его стали передавать из рук в руки. Под сводами храма послышался испуганный шепот:

- С самого с небал!
- Божественный камень!
- Святой!..

Этот камень не надо было искать в глухих местах. Он сам упал к ногам людей, его видели, держали в руках. «Так где же он? Куда он мог деться?» — спрашивал себя Драверт.

Ученый решил поискать сообщения об этом метеорите в другом источнике — в более подробной Летописи Сибирской. Летопись красочно описывала постигшие горожан стихийные бедствия — грады, морозы, грозы, пожары, наводнения. Но ни словом не обмолвилась об упавшем в 1684 г. небесном камне.

Драверт догадался, в чем причина такого молчания. Автор «Сибирского летописца» был человеком светским, не связанным с церковью. Летопись же Сибирская составлялась тобольскими учеными монахами при архиерейском доме.

По свидетельству историков, падение метеоритов в те времена считалось «гневом небесных сил», ниспосылавшимся свыше «наказанием за употребление табака и нарушение церковных обрядов». И вот, чтобы не скомпрометировать тобольское духовенство в глазах потомства, монахи-летописцы умолчали об этом событии. Этими же причинами вызвано и то, что камень не сохранился до наших дней. Его, по всей вероятности, запрятали понадежнее или выбросили подальше.

«Сахмет»

Эта история произошла 24 октября 1974 г. Вечером накануне выборов ехали в д. Тонкую Гривку Азис Баганаев с шурином Чапаром Валиахметовым. Ехать нужно было по дороге мимо старого аула и заброшенных Курманских юрт. Место пользовалось недоброй славой.

Темнело. Было тихо и ясно. Вдруг на востоке появился огненный шар, от которого тянулись четыре светлые полосы.

Родственники уставились на небо.

Азис засмеялся: «Черт, что ли?!».

Шар мгновенно исчез. Через пять минут донесся отдаленный двойной взрыв. Эхо повторило его троекратно и понесло через поля, Курманский бор до озера Носкибаш.

В Тонкую Гривку родственники прибыли ошеломленные. Однако им никто не поверил.

Нечистая сила

Снежный человек

В районе Тобольска сохранились участки дремучей первобытной тайги — непролазного урмана. Здесь вольготно чувствуют себя и зверь, и птица. В самой глухой чаще можно встретить и какое-нибудь реликтовое чудо-юдо. Для этого, не мудрствуя лукаво, стоит только отправиться в Октябрьский или двинуть по аномальному Левобережью. От Новоселовой поворотить в сторону и попасть на речку Кулунку. От Кориковой идет лежневка, пересекая Чесноковку и другие мелкие речки. Манит дальше к Кулунинскому озеру.

Местность дремучая: глухари вылетают из болот на галечник, белки прыгают. Говорят, что здесь ходит самый настоящий «лесной человек» — сибирский йети. В 1980-х гг. от охотников можно было услышать множество рассказов о том, как «чертенок» украл рюкзак, выскочил из-под колес вездехода и скрылся в чаще. Следопыты и зверобои с жаром травили байки о том, как «вышел к избе “снежный человек”, собаки на него надели, он одну за лапу и об угол...»

Думается, что и раньше на Кулунке сталкивались с неизвестными существами. Старики рассказывали о злых и опасных «кулунинских чертях», они и на спину с дерева прыгают и в болото могут заманить.

Последний раз йети показался в 1997 г., взял да и вышел к избе, на пороге которой молодой охотник курил. Встал от него в пяти метрах... В общем, когда у охотника оцепенение спало, он — в избу за ружьем, а снежный человек — в лес. Так там до сих пор и бродит. Кто не верит, советую сесть на автобус «Тобольск—Ушарово», проехать до д. Кориковой, а оттуда 15 км двинуть до озера. В любом случае получишь непередаваемые ощущения...

Темный наездник

В д. Трениной доводилось мне слышать быличку о «темном наезднике». Сама деревня очень старая. Еще до прихода рус-

ских существовали татарские юрты Эскалбинские. Сами татары считают, что они были основаны еще в конце XIV в. «Эскалбы» упоминаются и в древних сибирских летописях, здесь присутствует сюжет о бегстве остяков и вогулов от Чувацкого мыса, через болота на реку Конду. В самом деле, такой путь существовал: по речке Рогалихе можно выйти в Овсянниковское (старое название — Кугаевское) озеро, а оттуда по системе «резок» — узких каналов попасть на Конду.

Русские начали селиться здесь в начале XVII в. До сих пор можно заметить два конца деревни: татарский с деревянной мечетью второй половины XIX в. и русский на берегу мелкой речки — ерика.

Рядом с деревней находится мусульманское кладбище. Это кладбище считается у местных жителей местом «нечистым». Здесь являются призраки и «темный наездник». На спину человека, идущего ночью мимо кладбища, прыгает кто-то невидимый и хватается очень цепко. Ездит на человеке до самого рассвета, но если у человека хватит силы дойти до дома, в воротах «темный наездник» тут же исчезнет.

Сюжет с призраком, который ездит на живых людях, не нов. Н.В. Гоголь при написании своего «Вия» обыграл сюжет с ведьмой, которая ездит на бурсаке Хоме Бруте.

Литература

1. Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск, 2000.
2. Голодников К.М. Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887.
3. Грушко Е., Медведев Ю. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород, 1996.
4. Грушко Е., Медведев Ю. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород, 1996.
5. Кузнецов Е.В. Сибирский летописец / под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю. Мандрика. Тюмень, 1999.
6. Курочкин Ю.М. Легенда о Золотой Бабе. Свердловск, 1968.
7. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб., 1891.
8. Непомнящий Н.Н., Низовский А.Ю. Тайны кладов. М., 1999.
10. Ретунский В.Ф. Памятники Тобольска и его окрестностей. Тюмень, 1960.
11. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1838.
12. Словцов П.А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. М., 1831.

13. Сулоцкий А.И. Описание краткое всех церквей, существующих в г. Тобольске, и пространственное тобольского Софийского собора // Сулоцкий А.И. Сочинение в трех томах. Тюмень, 2000. Т. 1. О церковных древностях Сибири.
14. Тобольский хронограф. Омск, 1993.
15. Панишев Е.А. Поверья, суеверия и предрассудки крестьян села Кугаевского. Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2004.
16. Юдин И., Кузнецов Л. Разыскивается метеорит. Свердловск, 1974.

Периодические издания

Сибирская панорама. 1993, 2001, 2000.

Содействие. 2002, 2004.

Тобольская коммуна. 1919.

Тобольское народное слово. 1918.

Тобольская правда. 1979,

Лукич. 2002.

Сибирская столица. 2000.

Югра. 2001, 2002, 2003, 2007.

Содержание

	паноптикум
Путешествие Эдмона Котто из Екатеринбурга в Тюмень	3
<i>Губернатис А. ди. Об Эдмоне Котто</i>	20
Тюменский обед мадам де Бурбулон	22
Ф. Корандей. Комментарий переводчика	24
Материалы к биографии Виктора Федоровича	
Костюрина. Публикация и комментарии Ю.Л. Мандрики	169
Комментарии	195
	эпистолярный
Н.М. Чукмалдин — С.Ф. Шарапов: Переписка автора с издателем. Публикация С. Дикка, Ю. Мандрики и В. Темплинга	31
Ю. Мандрика и В. Темплинг. Комментарии к переписке автора с издателем	109
	клеветон
Юрий Мандрика. Не ездите в Сочи. На халяву...	159
	вырезка из старой газеты
Шабунин. [Спор между двумя городами]	204
	энциклопедия
Е. Панишев. Чудеса и тайны Тобольска (Окончание)	206

НОВАЯ ЦЕНА

120 руб 00 коп

ЗАУР

29806

Благовещенская
церковь (г. Тюмень),
разрушенная в 1932 г.

Рисунок начала XVIII
века.

РГАДА. Ф. 214.
Оп. 1. Ед. хр. 1451.

Съездъ Строительнаго Общества въ Тюмени